электронный научный журнал

Регионалистика

2019 Том 6 №5

regionalistica.org

В номере:

Российский Дальний Восток: потенциал расширения торговли с АТР

«Зелёная экономика» в ресурсных регионах

Образовательная миграция между Россией и КНР в свете социологического исследования

DOI: 10.14530/reg.2019.5

ISSN 2313-0881

Регионалистика

2019 Том 6 № 5

Электронный научный журнал

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

Периодичность выхода:

шесть номеров в год

Учредитель:

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт экономических
исследований

Дальневосточного отделения
Российской академии наук
(Хабаровск)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
11 марта 2014 г.

Свидетельство Эл № ФС77-57151

■ ■ ■ ■
Авторы несут полную
ответственность за подбор
и изложение фактов, содержащихся
в опубликованных материалах.
Высказываемые авторами взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции.

Перепечатка материалов журнала
допускается только по согласованию
с редакцией

■ ■ ■ ■ Адрес редакции:

680042, Хабаровск,

ул. Тихоокеанская, 153

Телефон: +7 (4212) 725-225

E-mail: regionalistica@ecrin.ru

■ ■ ■ ■
Дизайн: В.Н. Украинский

Вёрстка: В.В. Червонцева

Редакционная коллегия

И. о. главного редактора:

О.М. Прокапало,
д-р экон. наук

проф. Цунео Акаха (Монтерей, США)

д-р экон. наук С.Д. Валентей (Москва, Россия)

проф. Винсент Ф. Галлуччи (Сиэтл, США)

д-р социол. наук К.В. Григоричев (Иркутск, Россия)

д-р геогр. наук А.Н. Демьяненко (Хабаровск, Россия)

д-р социол. наук С.Г. Кирдина-Чэндлер (Москва, Россия)

д-р социол. наук Э.О. Леонтьева (Хабаровск, Россия)

д-р геогр. наук А.В. Мошков (Владивосток, Россия)

д-р экон. наук С.Н. Найден (Хабаровск, Россия)

Л.А. Самохина (Хабаровск, Россия)

канд. экон. наук В.Н. Украинский (ответственный
секретарь, Хабаровск, Россия)

д-р полит. наук М.Ю. Урнов (Москва, Россия)

д-р экон. наук Ю.Д. Шмидт (Владивосток, Россия)

■ ■ ■ ■ Редакционный совет

Председатель:

П.А. Минакир,
академик РАН

д-р филос. наук Л.Е. Бляхер (Хабаровск, Россия)

д-р экон. наук Н.В. Гальцева (Магадан, Россия)

чл.-корр. РАН В.А. Крюков (Новосибирск, Россия)

д-р экон. наук С.В. Кузнецов (Санкт-Петербург, Россия)

д-р экон. наук Ю.Г. Лаврикова (Екатеринбург, Россия)

чл.-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар, Россия)

д-р полит. наук С.В. Севастьянов (Владивосток, Россия)

чл.-корр. РАН В.И. Суслов (Новосибирск, Россия)

д-р геогр. наук А.И. Трейвиш (Москва, Россия)

д-р экон. наук А.Н. Швецов (Москва, Россия)

В оформлении обложки использована
карта Петра Планциуса (1594)

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономических исследований Дальневосточного отделения
Российской академии наук, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
-------------------	---

СТАТЬИ, ОБЗОРЫ, ЭССЕ →

Изотов Д.А., Тошков К.И.

Оценка потенциала расширения торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР	6
---	---

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В.

Модель «зелёной» экономики и её имплементация в ресурсных регионах	31
--	----

Леонов С.Н.

Активизация политики Китая в Арктике: предпосылки, проблемы, перспективы	50
--	----

Бардаль А.Б., Грицко М.А., Хван И.С., Халикова С.С.

Качество жизни в Дальневосточном макрорегионе: интегральная оценка	62
--	----

Леонтьева Э.О.

Китайские студенты в России и российские студенты в КНР: опыт сравнения	79
---	----

Бюраева Ю.Г.

Проблемы стратегического развития системы профессионального образования в Республике Бурятия	93
---	----

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ →

Гудкова Е.В.

Центр связности государственно-частного партнёрства в формировании проектного финансирования макрорегиона	106
--	-----

Клиценко М.В., Украинский В.Н.

Студенты-заочники как туристы	119
-------------------------------------	-----

CONTENTS

From the Editors	5
------------------------	---

ARTICLES, SURVEYS, ESSAYS →

Izotov D.A., Tochkov K.I.

Trade Interactions between the Russian Far East Regions and Asia-Pacific Countries: Assessment of Potential	6
--	---

Antonova N.E., Lomakina N.V.

The Model of a «Green» Economy and Its Implementation in Resource Regions	31
---	----

Leonov S.N.

Activation of China's Policy in the Arctic: Background, Problems, Prospects	50
---	----

Bardal A.B., Gritsko M.A., Khvan I.S., Halikova S.S.

Quality of Life in the Far Eastern Macroregion: Integral Assessment	62
---	----

Leontyeva E.O.

Chinese Students in Russia and Russian Students in China: The Experience of Comparative Study	79
--	----

Byuraeva Y.G.

Problems of Strategic Development of the System of Vocational Education in the Republic of Buryatia	93
--	----

INVITATION TO DISCUSSION →

Gudkova E.V.

Connectivity Centre of Public-Private Partnership in Shaping the Project Financing of Macroregion	106
--	-----

Klitsenko M.V., Ukrainsky V.N.

Correspondence Students as Tourists	119
---	-----

Открывает настоящий номер работа Д.А. Изотова и К.И. Тошкова – авторского коллектива, публикации которого, посвящённые анализу торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока России, уже появлялись и в нашем журнале, и в «Пространственной экономике».

Публикации обзорного характера представлены на этот раз статьёй Н.Е. Антоновой и Н.В. Ломакиной («Модель «зелёной» экономики и её имплементация в ресурсных регионах»), а также работой С.Н. Леонова («Активизация политики Китая в Арктике: предпосылки, проблемы, перспективы»).

Статья «Качество жизни в Дальневосточном макрорегионе: интегральная оценка» является результатом коллаборации сотрудников ИЭИ ДВО РАН (А.Б. Бардаль и М.А. Грицко) и исследователей из Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (И.С. Хван и С.С. Халиковой).

Обе работы социологического профиля, публикуемые в этом номере, оказались сфокусированными на изучении различных проблем сферы образования. И если в статье Э.О. Леонтьевой представлены результаты сравнительного анализа двух групп студентов – китайцев, обучающихся в России, и россиян, обучающихся в КНР, то в публикации Ю.Г. Бюраевой объектом исследовательского внимания выступает профессиональное образование отдельно взятого российского региона – Бурятии.

Завершается номер работами, которые могут привлечь внимание читателей благодаря дискуссионности отдельных тезисов. Это статья Е.В. Гудковой «Центр связности государственно-частного партнёрства в формировании проектного финансирования макрорегиона», а также совместная работа М.В. Клиценко и В.Н. Украинского «Студенты-заочники как туристы».

**ИЗОТОВ
Дмитрий
Александрович**

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**IZOTOV
Dmitry
Alexandrovich**

Ph.D. in economics, leading research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

izotov@ecrin.ru

УДК 332.1 + 339.9

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА РАСШИРЕНИЯ ТОРГОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА СО СТРАНАМИ АТР

В статье на основе гравитационных зависимостей оценены и декомпозированы торговые барьеры регионов Дальнего Востока со странами АТР. Показано, что обоюдное снижение различного рода барьеров способно интенсифицировать торговые взаимосвязи между регионами Дальнего Востока и странами АТР. На основе полученных оценок выделены две группы дальневосточных регионов, имеющих наибольший и наименьший потенциал расширения торговли в условиях сокращения институциональных барьеров со странами АТР. Расчёты показали, что для всех регионов Дальнего Востока было характерно значительное превышение сравнительных институциональных барьеров над тарифными в рамках торговых взаимодействий с территориально удалёнными рынками АТР.

Внешняя торговля, сравнительные торговые барьеры, декомпозиция, потенциал торговых взаимодействий, географическая диверсификация торговли, АТР, Дальний Восток

TRADE INTERACTIONS BETWEEN THE RUSSIAN FAR EAST REGIONS AND ASIA-PACIFIC COUNTRIES: ASSESSMENT OF POTENTIAL

This paper uses a gravity model to estimate and decompose the trade barriers between the Russian Far East regions and Asia-Pacific countries. The results indicate that the mutual reduction of various hurdles can intensify trade relations between the Far East regions and Asia-Pacific countries. Based on our estimates, we identify the Far Eastern regions with the largest and smallest potential for expanding trade in the face of reduced institutional barriers with Asia-Pacific countries. Our findings further suggest that all regions of the Far East exhibit comparative institutional barriers that significantly exceed tariff barriers in trade with geographically remote Asia-Pacific markets.

Foreign trade, comparative trade barriers, decomposition, potential of trade interactions, geographical diversification of trade, Asia-Pacific countries, Russian Far East

Работа выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток», проект 18-5-053 «Безопасность и устойчивость развития экономики Дальнего Востока в условиях интенсификации интеграционных процессов в АТР».

ТОШКОВ**Кирил
Илиев**Доктор экономики,
профессорТехасский христианский
университет, 2800
Ю. Юниверсити Драйв,
Форт-Уэрт, США, 76129**ТОШКОВ****Kiril
Iliyev**Ph.D. in economics, professor
Texas Christian University,
2800 S. University Dr., Fort
Worth, USA, 76129k.tochkov@tcu.edu© Изотов Д.А.,
Тошков К.И., 2019**Введение**

Как показывает международный опыт, общая открытость и снижение рисков для ведения хозяйственной деятельности способствуют развитию как национальной экономики в целом [16], так и входящих в неё регионов [21]. В последнее время к решению социально-экономических проблем Дальнего Востока приковано повышенное внимание, поскольку экономика макрорегиона имеет возможности для развития на основе имеющихся богатых природных ресурсов и специфики географического положения. Перспектива развития дальневосточного макрорегиона стала видеться в создании возможностей и условий для использования его потенциала, прежде всего связанного с торговыми взаимодействиями с близлежащими странами АТР, к которым относятся различные по своему развитию экономики, имеющие тесные торгово-экономические взаимодействия друг с другом, в том числе три крупнейшие в мире (США, КНР и Япония). С этой точки зрения важна оценка барьеров, препятствующих расширению торговых взаимодействий Дальнего Востока России со странами субглобального региона, которая позволит определить общий вектор интенсификации или потенциал торговых взаимодействий в рамках географической структуры торговли макрорегиона со странами АТР. Снижение взаимных торговых барьеров, вероятно, позволит нарастить торговлю между дальневосточными регионами и странами АТР.

Оценки торговых барьеров для всего Дальнего Востока могут быть показательными, но при этом довольно агрегированными [3]. К макрорегиону относятся разные по своему масштабу региональные экономики, которые в ряде случаев существенно удалены друг от друга в пространстве, а также в различной степени связаны торговыми взаимодействиями с зарубежными рынками, в том числе со странами АТР. Также на территории целого ряда дальневосточных регионов отсутствуют морские порты или железнодорожная и автомобильная инфраструктура для сухопутных взаимодействий, значительно облегчающие торговые взаимосвязи с зарубежными странами. Немаловажным также является и то, что некоторые экономики макрорегиона торгуют со странами АТР товарами, номенклатура которых существенно отличается от остальных регионов Дальнего Востока. Данные обстоятельства указывают на различия между дальневосточными регионами с точки зрения воздействия различных барьеров на их торговлю со странами АТР. Перечисленные аспекты могут являться причинами видимых расхождений в соотношении различного рода барьеров со странами АТР между регионами Дальнего Вос-

тока, которые необходимо учитывать при агрегированной оценке. При этом в данном исследовании не затрагивается проблематика соотношения экономических и административных единиц в пространстве¹.

Оценка торговых барьеров позволяет определить общий вектор интенсификации торговли регионов Дальнего Востока в рамках географической структуры их торговых взаимодействий со странами АТР. Количественная оценка потенциала двусторонних взаимодействий вследствие возможного снижения разнообразных барьеров является довольно распространённой задачей для исследования различных аспектов либерализации на рынках товаров, капитала и труда. В зависимости от цели исследования в рамках данной задачи применяются как комплексные модели, связанные с построением общего равновесия [10], так и более специализированные, к которым относятся модели частичного равновесия [15], структурные [11; 17] и гравитационные модели [19].

Из всех представленных модельных конструкций для получения количественных оценок эффектов торгово-экономических взаимодействий гравитационные модели являются одним из наиболее распространённых и сравнительно удобных инструментов. В данных моделях экспорт важен не сам по себе, а благодаря взаимности, достигаемой в процессе его обмена на импорт [13]. Несмотря на то, что комплексные теоретические работы были опубликованы почти четыре десятилетия назад [6; 9; 14], методические основы для получения количественных оценок барьеров в рамках гравитационных зависимостей применительно к торговым взаимосвязям были заложены сравнительно недавно [7]. Количественная оценка барьеров торговых взаимодействий связана с так называемым «эффектом границ», под которым понимается совокупность торгово-экономических барьеров, сдерживающих двусторонние торговые взаимодействия, или совокупные экономические издержки, возникающие вследствие пересечения товаром какой-либо границы. При этом отдельной исследовательской задачей может выступать декомпозиция эффекта границ. В рамках настоящего исследования будет проведено разложение эффекта границ на институциональные и тарифные барьеры.

Таким образом, экономика Дальнего Востока состоит из разных территориально-экономических образований, дифференцированно взаимодействующих со странами АТР. Данные аспекты указывают на возможные различия между дальневосточными регионами с точки зрения различных видов торговых барьеров, что может являться причинами видимых расхождений в их соотношении. Количественная оценка торговых барьеров позволит разделить дальневосточные регионы на группы по возможному потенциалу развития их внешнеторговых связей со странами АТР, что является важным с точки зрения понимания дифференцированных процессов перспективной интенсификации торговых взаимодействий.

Исследование включает в себя следующие этапы: 1) анализ динамики и структуры торговых взаимодействий дальневосточных регионов со странами АТР; 2) построение методики оценки декомпозиции торговых барьеров дальневосточных регионов со странами АТР на основе гравитационных зависимостей; 3) количественная оценка торговых барьеров между регионами Дальнего Востока и странами АТР и сравнительный анализ вклада институциональных и тарифных барьеров в эффект границ; 4) определение потенциала расширения внешней торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР на основе полученных оценок торговых барьеров.

¹ Подробнее см. в [2].

Динамика и структура торговых взаимодействий дальневосточных регионов со странами АТР

Для большинства дальневосточных регионов торговые взаимодействия с зарубежными странами стали определять долгосрочный рост их экономик. В 2002–2017 гг. наблюдалась следующая тенденция: высокая доля региона в суммарном товарообороте Дальнего Востока с зарубежьем соответствовала большому вкладу региональной экономики в ВРП макрорегиона (рис. 1).

Рис. 1. Соотношение вклада регионов Дальнего Востока в суммарный товарооборот и ВРП макрорегиона в 2002–2017 гг.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата и Дальневосточного таможенного управления России.

К 2017 г. доля регионов с малой численностью населения и преимущественно сырьевой специализацией экспорта в суммарном товарообороте Дальнего Востока увеличилась по сравнению с 2002 г.: Чукотский автономный округ (ЧАО) – в 2,6 раза, Сахалинская область – в 2,3 раза, Магаданская область – в 2,0 раза, Еврейская автономная область (ЕАО) – в 1,5 раза. В целом наблюдалось приоритетное развитие сырьевых отраслей макрорегиона в связи с благоприятными конъюнктурными факторами и благодаря привлечённым зарубежным капиталам и технологиям. Преимущественная направленность экспорта дальневосточных регионов в рамках ограниченной номенклатуры продукции с низкой добавленной стоимостью тесно увязала рост экономики макрорегиона с динамикой внешней конъюнктуры ценообразования на товары сырьевой группы. При этом регионы Дальнего Востока характеризовались различной специализацией в поставках продукции сырьевых отраслей на глобальный и субглобальные рынки.

По причине больших стоимостных объёмов привлечённых иностранных инвестиций в добычу углеводородного сырья на территории Сахалинской области с целью последующего масштабного экспорта сырой нефти и сжиженного природного газа доля экономики данного региона в ВРП Дальнего Востока за 2002–2017 гг. увеличилась в два раза – с 10 до 20%. На Дальнем Востоке экономика Сахалинской области была единственным заметным примером долгосрочного пропорционального увеличения региональной экономики в зависимости от ро-

ста её внешнеторгового оборота. По сравнению с Сахалинской областью для остальных дальневосточных регионов не были характерны такие же высокие показатели привлечения прямых иностранных инвестиций, зарубежных технологий и масштабы экспорта.

Очевидно, что механизмы влияния внешней торговли на результирующие экономические показатели регионов Дальнего Востока существенно отличаются. Так, для экономик Хабаровского края и Амурской области было характерно сокращение их доли во внешнеторговом товарообороте Дальнего Востока в 2017 г. по сравнению с 2002 г. на 63,2% и 5,2% соответственно, при этом снижение их вклада в суммарный ВРП макрорегиона в рамках указанного периода наблюдалось на уровне 20% и 30% соответственно. Говоря иначе, для экономики Амурской области торговый оборот с зарубежными странами играл гораздо большее значение, чем для экономики Хабаровского края по причине структурных особенностей и степени взаимосвязи с отечественным рынком. Тем не менее, по мере переориентации с отечественного рынка на рынки зарубежных стран внешнеторговые взаимодействия стали играть большую роль в долгосрочной динамике региональных экономик Дальнего Востока.

Внешний спрос со стороны зарубежных рынков на дальневосточную продукцию в основном определялся положительной экономической динамикой стран АТР, являющихся ведущими торговыми партнёрами Дальнего Востока. В среднем за 2002–2017 гг. доля географически близких стран АТР во внешнеторговом товарообороте макрорегиона составляла около 80%. Среди регионов Дальнего Востока наибольшая доля товарооборота с данной группой стран наблюдалась в Сахалинской области – 93,1%, наименьшая – в Республике Саха (Якутия) – 17,0%¹.

Основными рынками сбыта для продукции макрорегиона, а также поставщиками продукции инвестиционного и потребительского назначения являлись три близкие к Дальнему Востоку страны АТР: Китай, Республика Корея и Япония. В среднем за 2002–2017 гг. на каждую из этих стран приходилось около четверти от суммарного товарооборота макрорегиона с зарубежьем. С другими странами АТР товарооборот макрорегиона характеризовался гораздо меньшими стоимостными объёмами: на США и страны Юго-Восточной Азии (ЮВА – Тайвань и 10 государств АСЕАН) приходилось примерно по 3% от суммарного товарооборота Дальнего Востока с зарубежными странами.

За исключением Сахалинской области, экспорт которой преимущественно направлен на корейский и японский рынки, все остальные регионы Дальнего Востока увеличили долю товарооборота с КНР по сравнению с другими странами АТР (*табл. 1*).

Вероятно, привязка региональных рынков Дальнего Востока к КНР указывает на формирующуюся долгосрочную тенденцию, поскольку на китайской территории размещены производственные мощности, возведённые за счёт инвестиций из развитых стран мира, в том числе из АТР. Вероятно, бизнес из регионов Дальнего Востока вынужден по умолчанию считаться с результатами вертикальной торговли в АТР: компании из развитых стран субглобального региона производят продукцию на китайской территории, которая, в свою очередь, экспортируется на российский рынок. Общая либерализация внешнеэкономической деятельности, а также снижение транспортных издержек вследствие увеличения масштабов контейнерных перевозок способствовали, с одной стороны, перемещению производства массовых товаров в развивающиеся страны с трудоизбыточными экономиками, с другой – активизации торговых взаимодействий. Контейнерные перевозки в сочетании с фрагментацией производства транснациональных корпораций между различными странами способствовали тому, что расстоя-

¹ Вероятно, относительно низкие значения фиксируемого внешнеторгового оборота Республики Саха (Якутия) со странами АТР объясняются реэкспортом товаров из данного региона через другие территории России.

ния, на которые перемещаются готовые товары и их компоненты, значительно увеличились¹. Также, несмотря на рост потребительского рынка в КНР, определённая часть дальневосточных сырьевых товаров перерабатывается на китайской территории и в дальнейшем экспортируется в другие страны, в том числе расположенные в АТР.

Таблица 1

Доля стран – торговых партнёров в товарообороте регионов Дальнего Востока с АТР, %

Макрорегион / регион	КНР		Республика Корея		Япония		США		Страны ЮВА	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017
Республика Саха (Якутия)	7,1	61,7	5,8	11,4	44,1	16,1	36,8	6,3	6,2	4,4
Камчатский край	15,0	37,3	41,2	45,1	41,8	15,1	2,0	0,8	0,0	1,7
Приморский край	33,4	60,1	25,0	21,0	21,6	13,7	5,1	1,7	15,0	3,5
Хабаровский край	41,0	70,1	8,1	14,9	18,5	8,5	0,8	2,7	31,5	3,7
Амурская область	74,5	96,9	1,0	1,5	23,8	0,7	0,1	0,5	0,6	0,4
Магаданская область	4,1	23,2	17,7	44,4	17,8	29,4	59,2	2,4	1,3	0,6
Сахалинская область	14,3	10,3	50,7	44,9	20,4	36,4	12,6	1,8	2,0	6,6
ЕАО	55,1	99,4	41,6	0,1	3,3	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0
ЧАО	0,3	80,9	0,0	3,2	0,6	3,8	98,1	9,3	1,0	2,8
Дальний Восток	29,4	35,6	25,8	32,6	22,4	24,8	8,0	2,0	14,4	5,0

Источник: рассчитано авторами на основе таможенной статистики дальневосточных регионов.

За исключением ЕАО, Сахалинской области и Приморского края, наблюдалось увеличение доли Республики Корея во внешнеторговом обороте дальневосточных регионов со странами АТР. С этой точки зрения, помимо КНР, дальневосточные регионы стали также ориентироваться на корейский рынок. В отличие от торговых связей с Китаем, для всех регионов Дальнего Востока было характерно превышение экспорта над импортом в рамках торговых взаимодействий с Республикой Корея. Поэтому корейский рынок для большинства дальневосточных регионов является также приоритетным с точки зрения поддержания объёмов экспорта.

У целого ряда дальневосточных регионов доля Японии в товарообороте со странами АТР сократилась, вероятно, по следующим причинам: проведение недостаточно взвешенной политики по локализации лесопереработки в дальневосточных регионах, что вызвало переориентацию японского рынка на других поставщиков лесной продукции, а дальневосточных экспортёров – на другие страны; изменение правил ввоза транспортных средств из Японии на российский рынок с точки зрения их ужесточения. Увеличение доли в товарообороте с японской экономикой было характерно только для ЧАО, Сахалинской и Магаданской областей.

Похоже, что торговые связи для регионов Дальнего Востока с американским рынком становятся всё менее значимыми. Наблюдалась переориентация торговых потоков территориально

¹ Подробнее см. в [23].

близких к США Магаданской области и ЧАО в пользу стран Северо-Восточной Азии (СВА), возможно, по причине использования североамериканского капитала в ресурсных отраслях, продукция которых стала в дальнейшем ориентироваться на рынки Китая, Республики Корея и Японии.

У большинства регионов Дальнего Востока в долгосрочном периоде также наблюдалось сокращение доли стран ЮВА в товарообороте макрорегиона со странами АТР. Возможно, главными причинами данного обстоятельства являлись: отсутствие крупных капиталовложений со стороны развитых стран ЮВА в регионы Дальнего Востока; проявление эффектов интеграционных экономических объединений в южной части Тихого океана, способствовавших замещению дальневосточной продукции; фактор территориальной удалённости. На рынок США и стран ЮВА, как правило, ориентирован экспорт тех товаров из Дальнего Востока, которые по ряду причин нецелесообразно направлять на рынки стран СВА. Импорт в макрорегион инвестиционных и потребительских товаров из США и стран ЮВА в целом не выступает в роли совершенного субститута по отношению к поставкам из Японии, КНР и Республики Корея, являясь их важным дополняющим элементом.

До 2007 г. более 60% товарооборота Дальнего Востока со странами АТР приходилось на два крупнейших по численности населения региона – Хабаровский и Приморский края. Далее, в связи с выходом на проектную мощность совместных с зарубежным капиталом нефтегазовых проектов Сахалинской области, произошло наращивание в поставках за рубеж стоимостных объёмов углеводородного сырья. В 2007–2017 г. основная доля в торговле Дальнего Востока со странами АТР приходилась на Сахалинскую область, которая сформировала тенденцию превышения торговли с зарубежными странами над торговлей с отечественным рынком для всего Дальнего Востока. В результате на Сахалинскую область стало приходиться более половины товарооборота макрорегиона со странами АТР, главным образом за счёт наращивания стоимостных объёмов экспорта (рис. 2).

Рис. 2. Структура товарооборота Дальнего Востока со странами АТР по регионам.

Источник: рассчитано авторами на основе таможенной статистики дальневосточных регионов.

Что касается вклада регионов в суммарный товарооборот Дальнего Востока со странами АТР, то в данном аспекте в целом наблюдалась та же тенденция, что и в случае совокупной структуры внешней торговли: к 2017 г. аномально высокие значения экспорта Сахалинской области формировали более половины товарооборота данного региона с такими экономиками АТР, как Республика Корея, Япония, США и страны ЮВА (*табл. 2*).

Таблица 2

Вклад регионов в товарооборот Дальнего Востока со странами АТР, %

Регион	КНР		Республика Корея		Япония		США		Страны ЮВА	
	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017	2002	2017
Республика Саха (Якутия)	1,2	8,2	1,1	1,7	9,6	3,1	22,3	14,6	2,1	4,2
Камчатский край	2,4	3,6	7,5	4,8	8,7	2,1	1,1	1,3	0,0	1,2
Приморский край	42,4	41,8	36,2	16,0	35,9	13,7	23,7	20,0	38,9	17,6
Хабаровский край	35,4	21,2	8,0	4,9	20,9	3,7	2,6	14,3	55,5	8,0
Амурская область	6,6	5,9	0,1	0,1	2,8	0,1	0,0	0,6	0,1	0,2
Магаданская область	0,1	0,5	0,6	1,1	0,7	0,9	7,0	0,9	0,1	0,1
Сахалинская область	11,4	15,1	46,0	71,4	21,3	76,2	36,8	44,7	3,3	68,4
ЕАО	0,5	1,9	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
ЧАО	0,0	1,7	0,0	0,1	0,0	0,1	6,5	3,5	0,0	0,4

Примечание: товарооборот Дальнего Востока с соответствующими странами АТР = 100,0%.

Источник: рассчитано авторами на основе таможенной статистики дальневосточных регионов.

Торговля макрорегиона с КНР была неким исключением, поскольку более 40% товарооборота Дальнего Востока с китайским рынком приходилось на Приморский край, доля которого к 2017 г. осталась практически такой же, как и в 2002 г. Однако если в начале 2000-х гг. экспорт Приморского края превосходил импорт из КНР почти в два раза, то к 2017 г. ситуация была противоположной: импорт из Китая двукратно превосходил стоимостные объёмы регионально-го экспорта. Увеличение импорта из Китая в Приморский край в определённой мере отражает динамику распределения поставок китайских товаров практически во все остальные дальневосточные регионы, поскольку данный регион является транспортно-логистическим центром для взаимосвязей всего Дальнего Востока со странами АТР. С другой стороны, по причине тесного взаимодействия между глобальными корпорациями и национальными производственными секторами экономики товарная структура импорта, поставляемого в регионы Дальнего Востока из стран АТР, становится всё более сопоставимой с точки зрения соотношения товарных групп, усиливая конкуренцию между поставщиками продукции на рынке макрорегиона.

Вполне возможно, что доля субглобального региона в торговле Дальнего Востока с зарубежными странами будет находиться на довольно высоком уровне. При этом географическая диверсификация торговли между странами АТР в ближайшей перспективе вряд ли будет прослеживаться, несмотря на то, что бизнес из субглобального региона заинтересован в массовых поставках своей продукции на российский рынок, в том числе на рынок макрорегиона,

а также в приобретении различного рода товаров, преимущественно сырьевых. Однако это обстоятельство зависит от снижения рисков для ведения экономической деятельности, а также открытости глобальным рынкам товаров, капитала и труда. Двустороннему сближению помимо смягчения волатильности различных экономических параметров могло бы способствовать обоюдное снижение различного рода барьеров, количественную оценку которых можно получить с помощью гравитационных зависимостей.

Методика оценки торговых барьеров регионов Дальнего Востока со странами АТР

В данном исследовании методика оценки торговых барьеров регионов Дальнего Востока со странами АТР сводится к оценке и дальнейшей декомпозиции эффекта границ. Увеличение эффекта границ следует понимать как снижение интенсивности торговых взаимодействий между анализируемыми экономическими системами и наоборот. В исследовании к странам – ведущим торговым партнёрам регионов Дальнего Востока в АТР отнесены 15 государств: Республика Корея, КНР, Япония, США и страны ЮВА (Тайвань и 10 государств АСЕАН).

Для оценки эффекта границ использовалась следующая гравитационная зависимость:

$$\ln\left(\frac{x_{ijt}}{y_{it}y_{jt}}\right) = \beta_0 + \alpha_i\lambda_i + \alpha_j\lambda_j + \eta_t + \beta_1 \ln d_{ij} + \beta_2 CONT_{ij} + \beta_3(RFE_{1...9} \times KR) + \beta_4(RFE_{1...9} \times CN) + \beta_5(RFE_{1...9} \times JP) + \beta_6(RFE_{1...9} \times US) + \beta_7(RFE_{1...9} \times SA) + \varepsilon_{ijt}, \quad (1)$$

где: x_{ijt} – товаропоток из страны АТР/дальневосточного региона i в страну АТР/дальневосточный регион j ; y – размер экономики страны АТР/дальневосточного региона; t – временной промежуток. $RFE_{1...9}$ – девять дальневосточных регионов (по состоянию на 2017 г.), KR – Республика Корея, CN – КНР, JP – Япония, US – США, SA – страны ЮВА. d_{ij} – расстояние в километрах между торгующими сторонами. Прочие независимые переменные являются фиктивными для каждой страны/региона и года: $CONT_{ij}$ – для совместных границ между i и j ; $RFE_{1...9} \times KR$ – для торговли между соответствующим дальневосточным регионом и Республикой Корея, $RFE_{1...9} \times CN$ – для торговли между соответствующим дальневосточным регионом и КНР, $RFE_{1...9} \times JP$ – для торговли между соответствующим дальневосточным регионом и Японией, $RFE_{1...9} \times US$ – для торговли между соответствующим дальневосточным регионом и США, $RFE_{1...9} \times SA$ – для торговли между соответствующим дальневосточным регионом и странами ЮВА. Зависимости оценивались отдельно для каждого региона Дальнего Востока. Данные, используемые для получения оценок, представлены статистикой Госкомстата и Таможенного управления России, Всемирного банка, ООН и прочих организаций для периода 2002–2017 гг.

Тарифный эквивалент эффекта границ в адвалорном эквиваленте¹ рассчитывался следующим образом²: $e^{((\beta_{3...7}/1-\sigma)-1)}$, а эластичность замещения (σ) подбиралась на интервале от 5 до 10. Факторы контролировались включением фиксированных эффектов по времени (η_t) и по странам/регионам (λ). Модель (1) оценивалась как панельные данные с фиксированными эффектами.

В данном исследовании интерес представляет количественная оценка тарифного эквивалента эффектов границ между Дальним Востоком и странами АТР. Для этого необходимо определить показатель (*benchmark*), представляющий собой основу для сравнительной оценки эф-

¹ В процентах от стоимости товара.

² Подробнее см. в [7].

фекта границ [7]. Поскольку торговля регионов с отечественным рынком не рассматривается, то таким показателем является двусторонняя торговля дальневосточного региона с одной из стран АТР. Для этого последовательно тестировались пять альтернативных показателей: товарооборот регионов с Республикой Корея, КНР, Японией, США и странами ЮВА. В результате для подавляющего большинства дальневосточных регионов товарооборот с Республикой Корея характеризовался наименьшими из альтернативных значениями эффекта границ, поэтому данный показатель был выбран в качестве основы для последующей оценки данного эффекта в адвалорном эквиваленте. При этом следует иметь в виду, что полученный эффект границ регионов Дальнего Востока с остальными странами АТР будет пониматься как сравнительный (в дальнейшем – «сравнительный эффект границ»), предполагая его превышение над эффектом границ региона с Республикой Корея.

Поскольку эффект границ представляет собой совокупные издержки в торговых взаимодействиях стран/регионов друг с другом [8], его оценённые значения будут разложены на составляющие. В издержках торговых взаимодействий как минимум два параметра поддаются непосредственной количественной оценке: тарифная нагрузка на экспортные и импортные товаропотоки, отражённая динамикой таможенных пошлин; транспортные издержки [3]. Предполагается, что, приведя параметры к адвалорному эквиваленту, путём вычитания из эффекта границ тарифной нагрузки и транспортных издержек можно получить в общем виде количественную оценку *институциональных барьеров* двусторонних взаимодействий. Соответственно, эффект границ будет декомпозирован на две составляющие: *институциональные* и *тарифные* барьеры. При этом данные барьеры также будут сравнительными по аналогии со сравнительным эффектом границ.

Что касается количественной оценки тарифной нагрузки на торговлю, то вначале были рассчитаны адвалорные эквиваленты различных видов таможенных пошлин по шестизначному и десятизначному кодам для двусторонней торговли. В итоге тарифные барьеры были оценены как средневзвешенные таможенные пошлины по каждой товарной группе ТН ВЭД в торговле каждого региона Дальнего Востока со странами АТР. Для импортных товаров использовались ввозные пошлины, отражённые в Таможенном тарифе России и Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза. Для товаров, поставляемых из регионов Дальнего Востока за рубеж, оценивались вывозные или экспортные пошлины, которые указывались в многочисленных постановлениях российского правительства, а также пошлины на российскую продукцию, ввозимую в каждую из рассматриваемых стран АТР. В результате тарифная нагрузка на вывозимую продукцию из дальневосточных регионов в зарубежные страны является суммой уплаченной экспортной пошлины в России и импортной пошлины на товары из дальневосточных регионов в конкретной стране АТР. Для оценки импортных пошлин на дальневосточные товары в странах АТР использовались динамические ряды соответствующих ставок таможенных пошлин в адвалорном эквиваленте в рамках таможенных тарифов, отражённых в базе данных ВТО, Всемирного банка и прочих организаций, а также специализированных сборниках анализируемых стран. Перевод транспортных издержек в адвалорный эквивалент осуществлён с использованием косвенных процедур оценки [18] (каждые сутки в пути того или иного торгуемого товара соответствовали в среднем 1,35% его стоимости).

В ряде случаев дальневосточные регионы (например, Приморский край), в которых регистрируются результаты торговли с зарубежными странами, не имеют прямого отношения к производству/потреблению экспортных/импортных товаров. При этом транспортировка, складирование, хранение и первичная обработка этих товаров через указанные регионы способствует прямым или косвенным образом генерации и мультипликации в них доходов (прибыли), что способствует поддержанию высоких значений их ВРП или размера экономики, что явля-

ется важным моментом для построения гравитационной зависимости. Поэтому в настоящем исследовании привязка экспортных/импортных товарных потоков к территориям их фактического производства/потребления производиться не будет.

Таким образом, декомпозиция торговых барьеров регионов Дальнего Востока со странами АТР сводится к адаптации имеющихся гравитационных моделей и техник оценки эффекта границ, которая, в свою очередь, прямо дезагрегируется на институциональные и тарифные барьеры в торговле в адвалорном эквиваленте.

Результаты оценки торговых барьеров регионов Дальнего Востока со странами АТР

Расчёты показали определённые региональные различия в значениях сравнительного эффекта границ в адвалорном эквиваленте. Для большинства дальневосточных регионов полученные оценки указали на наличие прямой связи между эффектом границ и расстоянием между торгующими сторонами.

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с КНР

В соответствии с оценкой сравнительные эффекты границ для торговли с КНР практически у всех регионов Дальнего Востока имели тенденцию к ослаблению (*табл. 3*).

Таблица 3

Сравнительный эффект границ регионов Дальнего Востока для торговли с КНР

Регион	2002–2017		2002–2009		2010–2017	
	значение коэффициентов регрессии β_4	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициентов регрессии β_4	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициентов регрессии β_4	адвалорный эквивалент эффекта границ, %
Республика Саха (Якутия)	–0,42*	11,2	–2,03***	66,3	1,19*	–25,7
Камчатский край	–2,49***	86,2	–2,85***	103,7	–2,13*	70,3
Приморский край	–1,31***	38,7	–1,10**	31,5	–1,52***	46,3
Хабаровский край	0,02*	–0,4	–0,14*	3,6	0,11*	–2,7
Амурская область	2,17***	–41,9	2,02**	–39,7	2,32***	–44,1
Магаданская область	–3,83***	160,4	–4,05***	175,3	–3,61***	146,3
Сахалинская область	–1,99***	64,3	–0,67*	18,1	–3,31***	128,5
ЕАО	5,63***	–75,5	4,86***	–70,4	6,39***	–79,7
ЧАО	–0,36*	9,3	–1,23*	36,1	0,53*	–12,3

Примечание: * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; прочие коэффициенты и робастные значения стандартных ошибок не приводятся; товарооборот между Дальним Востоком и Республикой Корея является основой для сравнительной оценки эффекта границ; тарифный эквивалент эффекта границ рассчитан, исходя из значения $\sigma = 5$.

Источник: расчёты авторов.

На протяжении всего рассматриваемого периода в результате торговых взаимодействий с КНР по сравнению с другими странами АТР приграничные регионы – Амурская область и ЕАО – характеризовались наименьшими значениями сравнительных эффектов границ по причине наличия китайских прямых инвестиций в традиционных экспортных отраслях экономики этих регионов, а также близости к рынку Китая. Хабаровский край также характеризовался меньшим (по сравнению с Республикой Корея) эффектом границ с китайским рынком. Сравнительный эффект границ с КНР для Республики Саха (Якутия) и ЧАО был ниже, чем с Кореей в 2010–2017 гг. Для Сахалинской области и Приморского края сравнительный эффект границ с Китаем увеличился по причине большей диверсификации их торговых взаимосвязей с другими зарубежными рынками.

Соотношение эффекта границ и расстояния также не было прямым для торговых взаимодействий с китайским рынком некоторых регионов Дальнего Востока, что может быть связано в том числе с особенностями динамики тарифных и институциональных барьеров. Поэтому далее были оценены сравнительные тарифные и институциональные барьеры торговли дальневосточных регионов с КНР.

Декомпозиционная оценка эффекта границ вполне ожидаемо показала, что за 2002–2017 гг. дальневосточные регионы преимущественно характеризовались большими институциональными барьерами с китайским рынком по сравнению с Республикой Корея (*табл. 4*).

Таблица 4

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с КНР

Регион	Институциональные барьеры			Тарифные барьеры		
	2002–2017	2002–2009	2010–2017	2002–2017	2002–2009	2010–2017
Республика Саха (Якутия)	16,4	74,6	–23,5	–5,3	–8,3	–2,2
Камчатский край	81,1	99,8	63,9	5,2	3,9	6,4
Приморский край	38,2	30,5	46,2	0,5	1,0	0,1
Хабаровский край	4,3	8,1	2,1	–4,7	–4,6	–4,7
Амурская область	–36,0	–33,4	–38,6	–5,9	–6,3	–5,5
Магаданская область	160,4	178,5	143,1	0,0	–3,2	3,2
Сахалинская область	62,7	16,6	126,8	1,6	1,5	1,7
ЕАО	–68,9	–64,6	–72,3	–6,6	–5,7	–7,4
ЧАО	5,9	35,8	–18,7	3,4	0,4	6,4

Примечание: здесь и далее сравнительные тарифные барьеры представлены в агрегированном формате, без отражения пропорции между относительными средневзвешенными таможенными пошлинами и транспортными издержками.

Источник: расчёты авторов.

По причине территориальной близости меньшими сравнительными институциональными барьерами с КНР в 2002–2017 гг. характеризовались Амурская область и ЕАО, а в 2010–2017 гг., помимо двух упомянутых регионов, также Республика Саха (Якутия) и ЧАО. У этих четырёх регионов в 2010–2017 гг. тарифные барьеры были выше институциональных. Это

означает, что потенциал расширения их торговли может быть связан в большей мере с сокращением тарифной нагрузки и транспортных издержек с КНР, чем с поиском путей для сокращения институциональных барьеров. У Амурской области и ЕАО сравнительные тарифные барьеры с китайской экономикой были выше, чем институциональные, по причине высоких экспортных пошлин на продукцию из древесины. Нельзя исключать, что создание инфраструктуры для взаимодействия с китайским рынком (мосты через реку Амур) будет способствовать росту интенсивности взаимодействий приграничных с Китаем регионов, а также Республики Саха (Якутия). У Хабаровского края относительно меньшие тарифные барьеры с китайским рынком в целом нивелировали сдерживающее воздействие институциональных барьеров.

Наибольшие значения сравнительных институциональных барьеров в торговле с КНР наблюдались у Магаданской области, которая характеризовалась самой малой долей в торговых взаимодействиях всего Дальнего Востока с КНР в 2002–2017 гг. – только 0,4%. Возможно, в данном случае речь идёт о наличии барьеров для входа китайских фирм в традиционную отрасль Магаданской области – добычу драгоценных металлов, что может сдерживать расширение торговли региона с КНР.

За исключением Приморского края и Сахалинской области (со спецификой поставок нефтегазовой продукции на экспорт), у большинства регионов Дальнего Востока сравнительные институциональные барьеры с КНР снижались, что указывает на ориентацию экономик регионов на китайскую экономику. Вероятно, это является долгосрочной тенденцией, поскольку на территории КНР сосредоточены промышленные предприятия с капиталом и технологиями из развитых стран [24].

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с Японией

Торговые взаимодействия дальневосточных регионов с другим крупным для Дальнего Востока рынком СВА – японским – за некоторым исключением были менее интенсивны по сравнению с Республикой Корея и отчасти с КНР. За исключением ЕАО и Республики Саха (Якутия) сравнительный эффект границ в торговле с Японией для всех остальных дальневосточных регионов имел высокие значения (*табл. 5*).

Самыми высокими значениями сравнительного эффекта границ характеризовался ЧАО – регион с наименьшим стоимостным объёмом в торговле с Японией по отношению к другим дальневосточным регионам. Можно заметить, что у Камчатского края также наблюдались высокие значения сравнительного эффекта границ с Японией, вероятно, ввиду особенности внешнеторговой деятельности региона, определённую долю в экспорте которого формируют рыба и ракообразные, реализуемые за пределами таможенной зоны России, в том числе на японском рынке. Также в российской статистике не отражается импортный поток товаров и услуг, связанный с приобретением и ремонтом судов по добыче морских ресурсов, по причине регистрации данных морских судов в других странах. При этом даже на основе скорректированных данных с учётом представленной выше информации сравнительный эффект границ для Камчатского края, несмотря на некоторое снижение по отношению к данным, представленным в таблице 5, оставался довольно высоким. Это, в свою очередь, указывает на действительное наличие для данного региона эффекта границ, который не объясняется только различиями в статистическом учёте потоков внешней торговли.

Как показали расчёты, именно институциональные барьеры с Японией вносили основной вклад в эффект границ практически всех дальневосточных регионов и были заметно выше, чем с Республикой Корея (*табл. 6*).

Таблица 5

Сравнительный эффект границ регионов Дальнего Востока для торговли с Японией

Регион	2002–2017		2002–2009		2010–2017	
	значение коэффициента регрессии β_5	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_5	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_5	адвалорный эквивалент эффекта границ, %
Республика Саха (Якутия)	0,04*	–1,1	–0,13*	3,4	0,22*	–5,4
Камчатский край	–3,69***	151,2	–2,32***	78,7	–5,05***	253,1
Приморский край	–2,42***	83,3	–2,24***	75,1	–2,61***	91,9
Хабаровский край	–1,53***	46,7	–1,78***	56,1	–1,29**	38,0
Амурская область	–2,10***	68,8	–0,71*	19,5	–3,48***	138,5
Магаданская область	–2,51***	87,2	–2,18**	72,3	–2,84***	103,3
Сахалинская область	–1,04**	29,7	–0,80	22,1	–1,28***	37,8
ЕАО	1,82**	–36,5	0,63*	–14,6	3,00**	–52,7
ЧАО	–5,82***	328,3	–3,10**	117,2	–8,54***	744,7

Примечание: * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; прочие коэффициенты и робастные значения стандартных ошибок не приводятся; товарооборот между Дальним Востоком и Республикой Корея является основой для сравнительной оценки эффекта границ; тарифный эквивалент эффекта границ рассчитан, исходя из значения $\sigma=5$.

Источник: расчёты авторов.

Таблица 6

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с Японией

Регион	Институциональные барьеры			Тарифные барьеры		
	2002–2017	2002–2009	2010–2017	2002–2017	2002–2009	2010–2017
Республика Саха (Якутия)	–4,0	–1,1	–6,7	2,9	4,5	1,3
Камчатский край	146,4	75,5	246,5	4,9	3,2	6,5
Приморский край	82,9	74,6	91,6	0,4	0,5	0,3
Хабаровский край	49,4	57,4	42,0	–2,7	–1,4	–4,0
Амурская область	67,9	20,1	136,1	0,9	–0,6	2,4
Магаданская область	85,5	76,2	96,0	1,7	–3,9	7,3
Сахалинская область	30,9	24,3	38,0	–1,2	–2,2	–0,2
ЕАО	–41,5	–17,0	–60,5	5,0	2,4	7,7
ЧАО	328,4	118,3	743,5	0,0	–1,1	1,1

Источник: расчёты авторов.

Декомпозиция сравнительного эффекта границ для торговли регионов с Японией указала на то, что только для Республики Саха (Якутия) и ЕАО наблюдались меньшие институциональные барьеры, которые были ниже тарифных. Целый ряд дальневосточных регионов имел тенденцию увеличения институциональных барьеров с Японией, что было следствием переориентации экспортёров и импортёров на другие страны АТР, а также на внутренний рынок.

ЧАО и Камчатский край характеризовались наибольшими значениями институциональных барьеров, вероятно, по причине наличия относительно высоких рисков для ведения бизнеса, а также наличия теневого сектора в рыбной отрасли. По причине высоких экспортных пошлин на лесную продукцию, которая поставлялась на корейский рынок в гораздо меньших стоимостных объёмах, чем на японский, сравнительные тарифные барьеры с Японией характеризовались заметными значениями для Хабаровского края и Амурской области.

Можно предположить, что главным фактором, сдерживающим интенсификацию торговых взаимодействий дальневосточных регионов с японской экономикой, являлось увеличение торговых барьеров при экспорте необработанной древесины и импорте транспортных средств (преимущественно автомобилей), осуществляемых через Приморский край. Эти барьеры трансформировались из тарифных в институциональные.

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с США

По сравнению со странами СВА сравнительный эффект границ с США для всех регионов Дальнего Востока характеризовался довольно высокими значениями, в том числе для ЧАО – территориально близкого к американской экономике региона (*табл. 7*).

Таблица 7

Сравнительный эффект границ регионов Дальнего Востока для торговли с США

Регион	2002–2017		2002–2009		2010–2017	
	значение коэффициента регрессии β_6	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_6	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_6	адвалорный эквивалент эффекта границ, %
Республика Саха (Якутия)	–1,70**	52,8	–1,69**	52,0	–1,17*	34,0
Камчатский край	–8,81***	805,4	–8,33***	701,9	–9,30***	922,4
Приморский край	–5,87***	333,8	–5,65***	310,9	–6,09***	358,0
Хабаровский край	–5,96***	343,2	–6,05***	354,2	–5,86***	332,4
Амурская область	–9,84***	1069,0	–10,27***	1203,7	–9,40***	948,0
Магаданская область	–8,66***	771,0	–7,51***	553,9	–9,81***	1060,6
Сахалинская область	–6,19***	370,4	–3,71***	152,6	–8,68***	776,3
ЕАО	–3,91***	165,5	–3,57***	143,9	–4,25***	189,1
ЧАО	–2,63***	93,0	–2,02*	65,9	–3,24***	124,6

Примечание: * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; прочие коэффициенты и робастные значения стандартных ошибок не приводятся; товарооборот между Дальним Востоком и Республикой Корея является основой для сравнительной оценки эффекта границ; тарифный эквивалент эффекта границ рассчитан, исходя из значения $\sigma=5$.

Источник: расчёты авторов.

При торговле с США для всех регионов Дальнего Востока было характерно значительное превышение сравнительных институциональных барьеров над тарифными. Более того, у большинства регионов сравнительные институциональные барьеры имели тенденцию к увеличению (*табл. 8*).

Таблица 8

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока с США

Регион	Институциональные барьеры			Тарифные барьеры		
	2002–2017	2002–2009	2010–2017	2002–2017	2002–2009	2010–2017
Республика Саха (Якутия)	40,7	46,7	15,1	12,1	5,3	19,0
Камчатский край	803,2	701,3	917,9	2,3	0,6	4,5
Приморский край	334,5	311,6	360,2	–0,6	–0,7	–2,2
Хабаровский край	330,7	341,0	322,2	12,4	13,1	10,2
Амурская область	1058,7	1192,2	938,8	10,3	11,5	9,3
Магаданская область	770,0	552,2	1060,2	1,0	1,6	0,4
Сахалинская область	352,8	138,4	757,7	17,6	14,2	18,5
ЕАО	153,8	130,5	179,1	11,7	13,4	10,0
ЧАО	98,6	70,5	131,4	–5,6	–4,6	–6,8

Источник: расчёты авторов.

По причине территориальной близости, а также специфики торгуемых товаров сравнительные тарифные барьеры только двух регионов Дальнего Востока были ниже корейских – ЧАО и Приморского края. Следует заметить, что американский рынок территориально является наиболее удалённым от крупных торгово-экономических центров Дальнего Востока, тем не менее, импорт инвестиционных товаров из США является критически необходимым элементом развития экономики целого ряда дальневосточных регионов.

Во внешней торговле большинства регионов Дальнего Востока заметную долю формировал также импорт американской сельскохозяйственной продукции. После введения Россией в 2014 г. запрета на поставку на отечественный рынок данного вида товаров из США торговля с американским рынком немного сократилась, что отразилось в росте эффекта границ или его поддержании на высоком уровне. Возможно, при снятии запрета на поставку отдельных товаров в рамках введённого Россией режима контрсанкций доля импорта из США способна увеличиться. С другой стороны, не совсем понятно, какие товары из дальневосточных регионов можно было бы сориентировать на американский рынок, поскольку США производят практически весь перечень экспортных товаров Дальнего Востока, довольно схожих по качественным характеристикам. С этой точки зрения для повышения производительности экспортных отраслей регионов Дальнего Востока существуют определённые препятствия, которые в совокупности выступают в качестве барьера для массового проникновения дальневосточной продукции на рынок США за счёт снижения себестоимости выпускаемой продукции и преодоления тарифных барьеров.

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока со странами ЮВА

Другим территориально удалённым рынком для регионов Дальнего Востока являются страны ЮВА. Как и в случае с США, эффекты границ со странами ЮВА для всех дальневосточных регионов были выше, чем с Республикой Корея. Наименьшими значениями эффекта границ характеризовался Хабаровский край (*табл. 9*).

Таблица 9

Сравнительный эффект границ регионов Дальнего Востока для торговли со странами ЮВА

Регион	2002–2017		2002–2009		2010–2017	
	значение коэффициента регрессии β_7	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_7	адвалорный эквивалент эффекта границ, %	значение коэффициента регрессии β_7	адвалорный эквивалент эффекта границ, %
Республика Саха (Якутия)	–3,04***	113,6	–1,48**	44,9	–4,59***	214,8
Камчатский край	–9,40***	948,8	–10,15***	1163,5	–8,66***	770,6
Приморский край	–2,40***	82,4	–1,89***	60,5	–2,91***	107,2
Хабаровский край	–0,74**	20,3	–0,86*	24,1	–0,61*	16,6
Амурская область	–7,64***	576,0	–8,73***	785,7	–6,56***	415,9
Магаданская область	–10,00***	1116,1	–7,16***	498,4	–12,83***	2371,7
Сахалинская область	–2,53***	88,1	–0,86*	24,1	–4,19***	185,3
ЕАО	–2,44***	83,8	–2,38*	81,4	–2,49**	86,2
ЧАО	–4,32***	194,7	–0,70*	19,2	–7,94***	628,3

Примечание: * – $p < 0,10$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$; прочие коэффициенты и робастные значения стандартных ошибок не приводятся; товарооборот между Дальним Востоком и Республикой Корея является основой для сравнительной оценки эффекта границ; тарифный эквивалент эффекта границ рассчитан, исходя из значения $\sigma = 5$.

В торговле со странами ЮВА сравнительные институциональные барьеры превышали тарифные для всех регионов Дальнего Востока (*табл. 10*).

По сравнению со странами СВА неустойчивые и специфичные торговые взаимодействия регионов Дальнего Востока со странами ЮВА существенно влияли на рост эффекта границ, основу которого формировали институциональные барьеры. Наибольшими значениями сравнительных институциональных барьеров с ЮВА характеризовались Магаданская область и Камчатский край. Экспорт из регионов Дальнего Востока в страны ЮВА на протяжении рассматриваемого периода был в основном представлен до 2010 г. отходами и ломом чёрных металлов, далее – эпизодичными поставками каменного угля, нефтепродуктов и продукции промышленной обработки (главным образом военного назначения). Поэтому из всех дальневосточных регионов низкими сравнительными институциональными барьерами со странами ЮВА характеризовался только тот регион, который имел относительно устойчивый товарооборот с данной группой стран – Хабаровский край, несмотря на довольно резкое

снижение товарооборота в 2016–2017 гг. Что касается тарифных барьеров, то они определялись главным образом экспортными пошлинами на нефтепродукты и тарифной нагрузкой на импорт разнообразных товаров.

Таблица 10

Сравнительные торговые барьеры регионов Дальнего Востока со странами ЮВА

Регион	Институциональные барьеры			Тарифные барьеры		
	2002–2017	2002–2009	2010–2017	2002–2017	2002–2009	2010–2017
Республика Саха (Якутия)	103,0	35,2	202,4	10,6	9,7	12,4
Камчатский край	939,7	1153,7	764,0	9,1	9,8	6,6
Приморский край	78,4	57,8	101,7	3,9	2,6	5,5
Хабаровский край	12,4	14,0	11,0	7,9	10,1	5,6
Амурская область	565,6	774,7	406,2	10,4	11,0	9,7
Магаданская область	1115,9	498,2	2371,4	0,2	0,2	0,3
Сахалинская область	80,9	27,2	167,6	7,3	–3,2	17,7
ЕАО	77,0	76,2	77,1	6,8	5,2	9,1
ЧАО	188,9	13,2	622,0	6,2	6,1	6,3

Источник: расчёты авторов.

Потенциал расширения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР

При условии нивелирования сравнительных институциональных барьеров в 2002–2017 гг. доля Приморского и Камчатского краёв, а также Магаданской области в торговле Дальнего Востока со всеми рассматриваемыми странами АТР могла бы увеличиться (табл. 11).

Действительно, морские порты Приморского края выполняют функцию связующего звена для остальных регионов Востока России со странами АТР. С этой точки зрения может наблюдаться наращивание в определённой пропорции товарооборота практически всех дальневосточных регионов, особенно имеющих выход на транссибирскую магистраль. Однако данное положение нуждается в определённом уточнении. В некоторых работах [4; 5] было показано, что текущая структура ориентированных на внешний рынок отраслей экономики Приморского края развита сравнительно слабо. Однако потенциал для усложнения экспортной корзины у Приморского края, наряду с Хабаровским краем, является самым высоким по сравнению с другими дальневосточными регионами. С этой точки зрения существенное снижение различного рода институциональных барьеров во внешней торговле могло бы положительно сказаться на динамике взаимодействия региона со странами АТР.

У Камчатского края, вероятно, нереализованный потенциал в торговле со странами АТР данного региона может быть связан с высокими рисками в создании и развитии производства экспортной продукции морского промысла, недостаточным развитием экспорта разнообразных услуг, которые требуют импорта необходимых инвестиционных товаров, привлечения зарубежных технологий и капитала.

Таблица 11

Текущая и потенциальная региональная структура внешнеторгового оборота Дальнего Востока
(в среднем за 2002–2017 гг.)

Регион	Республика Корея		КНР		Япония		США		Страны ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Республика Саха (Якутия)	1,1	1,1	3,8	3,3	2,4	1,7	14,7	4,9	2,2	2,6
Камчатский край	3,5	3,5	2,6	3,6	1,7	2,9	0,8	1,8	0,6	3,5
Приморский край	17,8	17,8	48,7	50,8	18,0	23,1	20,7	21,4	33,7	35,2
Хабаровский край	5,8	5,8	19,5	15,4	4,6	4,8	10,1	10,4	28,3	18,6
Амурская область	0,2	0,2	7,4	5,6	0,2	0,3	1,0	2,8	0,2	0,8
Магаданская область	1,3	1,3	0,4	0,7	0,7	0,9	5,5	11,3	0,3	2,3
Сахалинская область	70,0	69,9	15,6	19,1	71,8	65,8	41,2	44,5	34,5	36,5
ЕАО	0,1	0,1	1,1	0,8	0,4	0,3	0,6	0,3	0,1	0,1
ЧАО	0,2	0,2	0,9	0,7	0,1	0,3	5,4	2,5	0,2	0,3

Примечание: 1 – текущая региональная структура внешнеторгового оборота Дальнего Востока; 2 – перспективная региональная структура внешнеторгового оборота Дальнего Востока при условии нивелирования сравнительных институциональных барьеров.

Экономика Магаданской области тесно связана с отечественным рынком во многом благодаря специфике реализации добываемых на территории региона драгоценных металлов. Поэтому вполне возможно, что в случае некоторого изменения товаропотоков от отечественного рынка в пользу зарубежных, а также диверсификации региональной экономики торговля Магаданской области со всеми странами АТР могла бы увеличиться.

Что касается остальных регионов Дальнего Востока, то в среднем за 2002–2017 гг. экономика Сахалинской области имела потенциал для увеличения доли в товарообороте макрорегиона с КНР, США и странами ЮВА; Хабаровского края – с Японией и США; Республики Саха (Якутия) – со странами ЮВА; Амурской области – с Японией, США и странами ЮВА; ЕАО и ЧАО – со странами ЮВА. При этом следует заметить, что указанные оценки могут отражать только долгосрочный потенциал расширения торговли регионов Дальнего Востока со странами АТР, вероятно, в условиях привлечения зарубежного капитала и современных технологий, а также снижения различного рода рисков.

Изменение товарооборота со странами АТР для дальневосточных регионов в случае существенного сокращения сравнительных институциональных барьеров могло бы быть довольно дифференцированным. Среди дальневосточных регионов максимальное увеличение товарооборота с КНР по сравнению с текущими значениями могло бы наблюдаться для Магаданской области (в 2,6 раза), с Республикой Корея¹ – для ЕАО (в 1,7 раза), с Японией – для ЧАО (в 4,3 раза), с США – для Амурской области (в 11,6 раза), со странами ЮВА – вновь для

¹ Несмотря на принятие для сравнения в качестве базового показателя наименьшего значения эффекта границ для всего Дальнего Востока с Республикой Корея, для некоторых дальневосточных регионов, к которым, в частности, относится ЕАО, эффект границ с другими странами АТР (в частности, с КНР), был ниже, чем для торговых взаимосвязей с корейским рынком.

Магаданской области (в 12,2 раза). При нивелировании сравнительных институциональных барьеров в целом для Дальнего Востока в наибольшей степени (в 4,2 раза) может пропорционально увеличиться товарооборот с американской экономикой (*табл. 12*).

Таблица 12

Потенциал расширения торговли регионов Дальнего Востока при нивелировании сравнительных институциональных барьеров (в среднем за 2002–2017 гг.)

Территория/регион	Республика Корея		КНР		Япония		США		Страны ЮВА	
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2
Республика Саха (Якутия)	1,04	2	1,16	37	1,00	0	1,41	38	2,03	16
Камчатский край	1,00	0	1,81	370	2,46	415	9,03	122	10,40	109
Приморский край	1,00	0	1,38	536	1,83	419	4,35	213	1,78	89
Хабаровский край	1,00	0	1,04	35	1,49	93	4,31	150	1,12	17
Амурская область	1,36	3	1,00	0	1,68	11	11,59	77	6,66	10
Магаданская область	1,00	0	2,60	208	1,86	201	8,70	1602	12,16	150
Сахалинская область	1,00	0	1,63	1098	1,31	2426	4,53	1745	1,81	365
ЕАО	1,69	12	1,00	0	1,00	0	2,54	30	1,77	3
ЧАО	1,00	0	1,06	56	4,28	344	1,99	625	2,89	41
Дальний Восток в целом	1,00	1	1,33	292	1,43	374	4,20	306	1,71	74

Примечание: 1 – отношение потенциальных к текущим значениям внешнеторгового оборота (текущие значения = 1); 2 – разница между потенциальными и текущими значениями товарооборота (на душу населения, долларов).

Наибольшими значениями среднегодового прироста торговли со странами АТР при снижении сравнительных институциональных барьеров могут характеризоваться две региональные экономики: Приморский край (для торговли с КНР) и Сахалинская область (для торговли с другими странами субглобального региона). При этом по среднедушевым значениям потенциального увеличения торговли со всеми рассматриваемыми странами АТР безусловным лидером является Сахалинская область (табл. 12). С этой точки зрения в большем выигрыше от снижения институциональных барьеров оказывается регион с малой численностью населения и изначально большим потоком экспорта с низкой добавленной стоимостью. Также это было характерно для Магаданской области, Камчатского края и отчасти ЧАО, которые так же, как и Сахалинская область, имели потенциал к заметному увеличению среднедушевых значений товарооборота со странами АТР.

В соответствии с расчётами не имеющие выхода к морям Тихого океана дальневосточные регионы – Республика Саха (Якутия), Амурская область и ЕАО – характеризовались наименьшим сравнительным потенциалом для расширения торговли со странами АТР по причине тесных связей с отечественным рынком и специфики торговли с зарубежными рынками. Экономика Республики Саха (Якутия) ориентирована на торговлю со странами Европейского союза, Амурской области и ЕАО – на КНР (эффект границ с данной страной выступал в качестве базового показателя для оценки потенциала этих регионов).

Что касается Хабаровского края, то данный регион можно охарактеризовать как имеющий средний потенциал для расширения торговли со странами АТР: низкие среднелюдские значения для торговли со странами ЮВА и КНР, средние – с Японией, высокие – с США. Говоря иначе, экономика Хабаровского края с точки зрения анализируемых процессов находилась между группами регионов с высоким и низким сравнительными потенциалами расширения торговли со странами АТР.

Необходимо также заметить, что в целом экспорт дальневосточных регионов является рентабельным, а успешное текущее и потенциальное продвижение продукции могли бы получить те регионы, которые имеют низкую численность населения и высокий досанкционный приток прямых иностранных инвестиций в добывающие отрасли. В свою очередь, сравнительно большие объёмы рентного экспорта, привлечённый иностранный капитал, а также дотации из федерального бюджета, расходуемые на инвестирование и потребление, способствуют расширению поставок импортных товаров в дальневосточные регионы.

Заключение

Дальний Восток состоит из совокупности региональных экономик, которые дифференцированно взаимодействуют со странами АТР и характеризуются отличающимися торговыми барьерами, что обуславливает видимые расхождения в их соотношении при том, что для большинства дальневосточных регионов полученные оценки указали на наличие прямой связи между эффектом границ и расстоянием между торгующими сторонами, а сравнительные эффекты границ для торговли с Китаем имели тенденцию к ослаблению. Также при торговых взаимодействиях с США и странами ЮВА для всех регионов Дальнего Востока было характерно значительное превышение сравнительных институциональных барьеров над тарифными. Возможно, существует определённый барьер в производительности для традиционных отраслей регионов Дальнего Востока, который не позволяет снизить себестоимость продукции для её массовых поставок на рынки территориально удалённых от макрорегиона стран АТР.

В соответствии с расчётами по потенциалу расширения торговли со странами АТР выделялись, как минимум, две группы дальневосточных регионов. К первой группе, характеризующейся большим выигрышем от снижения институциональных барьеров, относились регионы с малой численностью населения, а также изначально большим среднелюдским потоком экспорта с низкой добавленной стоимостью (Сахалинская область, Камчатский край, Магаданская область и ЧАО). Также к первой группе может быть отнесён Приморский край, крупнейшие морские порты которого выполняют роль транспортного-логистического центра для остальных регионов Дальнего Востока с точки зрения их торговых взаимодействий со странами АТР.

Ко второй группе, которая может получить самый меньший выигрыш от снижения взаимных институциональных барьеров по причине тесных связей с отечественным рынком и специфики торговли с зарубежьем, относятся внутренние регионы Дальнего Востока: Республика Саха (Якутия), Амурская область и ЕАО. Возможно, снижение тарифных барьеров могло бы быть наиболее предпочтительным для данных регионов для целей наращивания стоимостных объёмов торговли со странами АТР: создание инфраструктуры для взаимодействия с КНР, вероятно, будет способствовать росту интенсивности взаимодействий этих регионов с китайским рынком.

Хабаровский край находился между регионами с высоким и низким сравнительными потенциалами расширения торговли со странами АТР. С этой точки зрения экономика данного региона находилась в довольно нестабильном положении: в случае существенного снижения торговых барьеров какого-либо значимого отклика со стороны секторов, производящих торгу-

емые товары в данном регионе, может не последовать, вероятно, по причине их структурных особенностей. Хотя с точки зрения потенциала усложнения экспортной корзины [5] Хабаровский край всё же обладал определённым потенциалом для расширения торговых взаимосвязей с зарубежными странами. При этом нельзя исключать, что в данном случае может иметь не последнее значение соотношение экспортных отраслей и импортозамещающих (ориентированных на внутренний рынок).

При некоторых исключениях наблюдаемые различия во внешней торговле между регионами отчасти могли бы объясняться дифференциацией в номенклатуре торгуемых товаров, а не в их агрегированных стоимостных объёмах [17], то есть более крупные региональные экономики могли бы экспортировать более широкий диапазон продукции. И при прочих равных условиях силы экономического притяжения могли бы быть выражены тем больше, чем выше роль торговли дифференцированными товарами [12].

Другим аспектом является качество институтов. Страны, институты которых лучше обеспечивают исполнение контрактов, относительно больше экспортируют в секторах интенсивного использования контрактов¹. Причём этот эффект довольно значителен, превышая по величине суммарное влияние запасов труда и капитала в экспорте [20; 22]. Говоря иначе, ключевым является качество правовых институтов [1]. Страны со слабыми правовыми системами, к которым относится Россия, страдают от более высоких издержек в тех секторах, где важны договорные отношения. В свою очередь, страны с более качественными институтами обеспечения исполнения контрактов относительно много экспортируют продукции отраслей со сравнительно высокими долями факторов, использование которых происходит в рамках контрактных отношений. Возможно, это обстоятельство также мешает крупным и более сложным экономикам Дальнего Востока расширять торговое сотрудничество с зарубежными странами.

Роль торговли с зарубежными странами (со странами АТР в частности) является для дальневосточных регионов важным элементом функционирования их экономик. При этом, несмотря на единое национальное экономическое и институциональное пространство, сохранение застойной конструкции региональных экономик в условиях отсутствия тесной привязки к глобальным и субглобальным рынкам технологий и капитала, а также высокие риски, связанные с системой хозяйствования, низким качеством администрирования и правоприменения, способны создать определённые барьеры для развития экономики Дальнего Востока. С этой точки зрения дальнейшие исследования авторов в рамках данной тематики могут быть связаны с изучением потенциала расширения номенклатуры торгуемых товаров и более детальным анализом влияния качества институтов на взаимодействия Дальневосточного макрорегиона с глобальными рынками.

Список литературы

1. Григорьев Л., Курдин А. Нерешённый вопрос легитимности частной собственности в России // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 36–62.
2. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. М.: Прогресс, 1966. 660 с.
3. Изотов Д.А., Тошков К.И. Взаимодействие Дальнего Востока со странами АТР: оценка институциональных и тарифных барьеров торговли // Пространственная экономика. 2019. Том 15. № 3. С. 20–45.
4. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние связанного разнообразия экспорта на экономическое развитие регионов России // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 128–149.

¹ Чем сложнее отрасль, тем более интенсивные в ней контракты. В данном случае речь идёт об отраслях с глубокой переработкой, созданием различного рода сложных, в том числе инновационных, продуктов.

5. Любимов И.Л., Гвоздева М.А., Казакова М.В., Нестерова К.В. Сложность экономики и возможность диверсификации экспорта в российских регионах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2017. № 2 (34). С. 94–122.
6. Anderson J.E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation // American Economic Review. 1979. Vol. 69. № 1. Pp. 106–116.
7. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93. № 1. Pp. 171–192. DOI: 10.1257/00028280321455214
8. Baier S.L., Bergstrand J.H. Bonus vetus OLS: A Simple Method for Approximating International Trade-Cost Effects Using the Gravity Equation // Journal of International Economics. 2009. Vol. 77. № 1. Pp. 77–85. DOI: 10.1016/j.jinteco.2008.10.004
9. Bergstrand J.H. The Gravity Equation in International Trade: Some Microeconomic Foundations and Empirical Evidence // Review of Economics and Statistics. 1985. Vol. 67. № 3. Pp. 474–481. DOI: 10.2307/1925976
10. De Souza L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).
11. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What You Export Matters // Journal of Economic Growth. 2007. Vol. 12. № 1. Pp. 1–25. DOI: 10.1007/s10887-006-9009-4
12. Helpman E. Imperfect Competition and International Trade: Evidence from Fourteen Industrial Countries // Journal of the Japanese and International Economies. 1987. Vol. 1. № 1. Pp. 62–81. DOI: 10.1016/0889-1583(87)90027-X
13. Helpman E. Understanding Global Trade. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 232 p.
14. Helpman E., Krugman P. Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 285 p.
15. Hovhanesian H., Manasyan H. South Caucasus – People’s Republic of China Bilateral Free Trade Agreements: Why It Matters. URL: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP125_South_Caucasus_Hovhanesian_Manasyan.pdf (дата обращения: 28.10.2019).
16. Huchet-Bourdon M., Le Mouél C., Vijil M. The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue // World Economy. 2018. Vol. 41. № 1. Pp. 59–76. DOI: 10.1111/twec.12586
17. Hummels D., Klenow P.J. The Variety and Quality of a Nation’s Exports // American Economic Review. 2005. Vol. 95. № 3. Pp. 704–723. DOI: 10.1257/0002828054201396
18. Hummels D.L., Lugovskyy V., Skiba A. The Trade Reducing Effects of Market Power in International Shipping // Journal of Development Economics. 2009. Vol. 89. № 1. Pp. 84–97. DOI: 10.1016/j.jdevco.2008.05.001
19. Karkanis D. International Migration and Export Flows: Evidence from the People’s Republic of China // East Asian Economic Review. 2019. Vol. 23. № 3. Pp. 311–329. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2019.23.3.365
20. Levchenko A.A. Institutional Quality and International Trade // The Review of Economic Studies. 2007. Vol. 74. № 3. Pp. 791–819. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2007.00435.x
21. Ma J., Shi J., Luo D., Che Y. Effect of Trade Openness on Regional Economic Growth in China: Revisiting the Discussion // Applied Economics Letters. 2019. Vol. 26. № 16. Pp. 1313–1316. DOI: 10.1080/13504851.2018.1558331
22. Nunn N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts and the Pattern of Trade // Quarterly Journal of Economics. 2007. Vol. 122. № 2. Pp. 569–600. DOI: 10.1162/qjec.122.2.569

23. Urry J. Offshoring. Cambridge, UK: Polity, 2014. 212 p.

24. Xing Y. Rising Wages, Yuan's Appreciation and China's Processing Exports // China Economic Review. 2018. Vol. 48. Pp. 114–122. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.002

References

1. Grigoryev L., Kurdin A. Unresolved Issue of Private Property Legitimacy in Russia. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2016. No. 1. Pp. 36–62. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-36-62 (In Russian)
2. Isard W. *Methods of Regional Analysis: An Introduction to Regional Science*. Moscow. 1966. 660 p. (In Russian)
3. Izotov D.A., Tochkov K.I. Interaction of the Russian Far East with the Countries of the Pacific Rim: Evaluating Institutional and Tariff Trade Barriers. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 20–45. DOI: 10.14530/se.2019.3.020-045 (In Russian)
4. Kadochnikov S., Fedyunina A. The Impact of Related Variety in Export on Economic Development of Russian Regions. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2013. No. 9. Pp. 128–149. DOI: 10.32609/0042-8736-2013-9-128-149 (In Russian)
5. Lyubimov I.L., Gvozdeva M.A., Kazakova M.V., Nesterova K.V. Economic Complexity of Russian Regions and their Potential to Diversify. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association]. 2017. No. 2. Pp. 94–122. (In Russian)
6. Anderson J.E. A Theoretical Foundation for the Gravity Equation. *American Economic Review*. 1979. Vol. 69. No.1. Pp. 106–116.
7. Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with Gravitas: A Solution to the Border Puzzle. *American Economic Review*. 2003. Vol. 93. No. 1. Pp. 171–192. DOI: 10.1257/000282803321455214
8. Baier S.L., Bergstrand J.H. *Bonus vetus* OLS: A Simple Method for Approximating International Trade-Cost Effects Using the Gravity Equation. *Journal of International Economics*. 2009. Vol. 77. No. 1. Pp. 77–85. DOI: 10.1016/j.jinteco.2008.10.004
9. Bergstrand J.H. The Gravity Equation in International Trade: Some Microeconomic Foundations and Empirical Evidence. *Review of Economics and Statistics*. 1985. Vol. 67. No. 3. Pp. 474–481. DOI: 10.2307/1925976
10. De Souza L.V. *An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members*. Available at: <http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf> (accessed 28 October 2019).
11. Hausmann R., Hwang J., Rodrik D. What You Export Matters. *Journal of Economic Growth*. 2007. Vol. 12. No. 1. Pp.1–25. DOI: 10.1007/s10887-006-9009-4
12. Helpman E. Imperfect Competition and International Trade: Evidence from Fourteen Industrial Countries. *Journal of the Japanese and International Economies*. 1987. Vol. 1. No. 1. Pp. 62–81. DOI: 10.1016/0889-1583(87)90027-X
13. Helpman E. *Understanding Global Trade*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. 232 p.
14. Helpman E., Krugman P. *Market Structure and Foreign Trade: Increasing Returns, Imperfect Competition, and the International Economy*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 285 p.
15. Hovhanesian H., Manasyan H. *South Caucasus – People's Republic of China Bilateral Free Trade Agreements: Why It Matters*. Available at: http://aric.adb.org/pdf/workingpaper/WP125_South_Caucasus_Hovhanesian_Manasyan.pdf (accessed 28 October 2019).
16. Huchet-Bourdon M., Le Mouél C., Vijil M. The Relationship between Trade Openness and Economic Growth: Some New Insights on the Openness Measurement Issue. *World Economy*. 2018. Vol. 41. No. 1. Pp. 59–76. DOI: 10.1111/twec.12586

17. Hummels D., Klenow P.J. The Variety and Quality of a Nation's Exports. *American Economic Review*. 2005. Vol. 95. No. 3. Pp. 704–723. DOI: 10.1257/0002828054201396
18. Hummels D.L., Lugovskyy V., Skiba A. The Trade Reducing Effects of Market Power in International Shipping. *Journal of Development Economics*. 2009. Vol. 89. No. 1. Pp. 84–97. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2008.05.001
19. Karkanis D. International Migration and Export Flows: Evidence from the People's Republic of China. *East Asian Economic Review*. 2019. Vol. 23. No. 3. Pp. 311–329. DOI: 10.11644/KIEP.EAER.2019.23.3.365
20. Levchenko A.A. Institutional Quality and International Trade. *The Review of Economic Studies*. 2007. Vol. 74. No. 3. Pp. 791–819. DOI: 10.1111/j.1467-937X.2007.00435.x
21. Ma J., Shi J., Luo D., Che Y. Effect of Trade Openness on Regional Economic Growth in China: Revisiting the Discussion. *Applied Economics Letters*. 2019. Vol. 26. No. 16. Pp. 1313–1316. DOI: 10.1080/13504851.2018.1558331
22. Nunn N. Relationship-Specificity, Incomplete Contracts and the Pattern of Trade. *Quarterly Journal of Economics*. 2007. Vol. 122. No. 2. Pp. 569–600. DOI: 10.1162/qjec.122.2.569
23. Urry J. Offshoring. Cambridge, UK: Polity, 2014. 212 p.
24. Xing Y. Rising Wages, Yuan's Appreciation and China's Processing Exports. *China Economic Review*. 2018. Vol. 48. Pp. 114–122. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.002

■ ■ ■
Для цитирования:

Изотов Д.А., Тошков К.И. Оценка потенциала расширения торговых взаимодействий регионов Дальнего Востока со странами АТР // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 6–30. DOI: [10.14530/reg.2019.5.6](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.6)

For citing:

Izotov D.A., Tochkov K.I. Trade Interactions between the Russian Far East Regions and Asia-Pacific Countries: Assessment of Potential. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 6–30. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.6](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.6)

АНТОНОВА
Наталья
Евгеньевна

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

ANTONOVA
Natalia
Evgenyevna

Doctor of economics, chief
researcher

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

antonova@ecrin.ru

© Антонова Н.Е.,
Ломакина Н.В., 2019

УДК 332.1+ 502.31

МОДЕЛЬ «ЗЕЛЁНОЙ» ЭКОНОМИКИ И ЕЁ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В РЕСУРСНЫХ РЕГИОНАХ

В статье представлен обзор существующих международных и российских подходов к измерению «зелёной» экономики. Рассмотрены принципы, цели и индикаторы измерения «зелёного» роста применительно к ресурсным регионам. На примере лесного сектора исследованы подходы к оценке реализации целей и задач его движения в сторону «зелёной» экономики, а также индикаторы измерения «зелёного» роста в секторе. Сделаны выводы о том, что для перехода ресурсных регионов на траекторию «зелёного» развития нужны институциональные механизмы и инструменты, базирующиеся на адаптации существующих методических подходов к конкретным экономическим, региональным и структурным особенностям.

«Зелёная» экономика, ресурсные регионы, индикаторы, интегральные индексы, институциональные механизмы, лесной сектор

THE MODEL OF A «GREEN» ECONOMY AND ITS IMPLEMENTATION IN RESOURCE REGIONS

The article provides an overview of existing international and Russian approaches to measuring the «green» economy. The principles, goals and indicators of measuring «green» growth in relation to resource regions are considered. On the example of the forest sector, approaches to assessing the implementation of the goals and objectives of its movement towards the «green» economy, as well as indicators for measuring «green» growth in the sector, are investigated. Conclusions are drawn that for the transition of resource regions to the trajectory of «green» development, institutional mechanisms and tools based on adapting existing methodological approaches to specific economic, regional, structural features are needed.

«Green» economy, resource regions, indicators, integrated indices, institutional mechanisms, forest sector

Статья подготовлена по результатам выполненного в ИЭИ ДВО РАН исследовательского проекта «Адаптация критериев и показателей «зелёной» экономики для Амурского экорегиона», поддержанного WWF России.

ЛОМАКИНА
Наталья
Валентиновна

Доктор экономических наук,
главный научный сотрудник
Института экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LOMAKINA
Natalia
Valentinovna

Doctor of economics, chief
researcher

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

lomakina@ecrin.ru

Введение

«Зелёная» экономика и её модификации – это широко обсуждаемый и уже частично реализуемый формат новой экономической модели развития мира и отдельных стран. В официальных документах, касающихся развития «зеленой» экономики, государства делают разные акценты, но в основе трансформации традиционной экономической модели предполагаются глубокие структурно-технологические изменения.

Формирование «зелёной» экономики в ресурсных регионах обладает своими особенностями, которые определяются как величиной природно-ресурсного потенциала, так и преимущественно экспортоориентированной сырьевой политикой государств. Логично предположить, что сбережение природного капитала и снижение природоёмкости экономического развития – это направления движения в сторону «зелёной» экономики, приближающие к ней. Снижение ресурсоёмкости экономики таких регионов способствовало бы повышению их конкурентоспособности на внешних рынках для формирования «зелёного имиджа» в борьбе за привлечение иностранных инвестиций из стран, ориентирующихся на принципы «зелёной» экономики.

Всё это определяет актуальность исследования возможностей и условий реализации модели «зелёной» экономики в ресурсном регионе. Переход ресурсного региона на принципы «зелёной» экономики требует «перенастройки» инструментов и механизмов государственной политики. При этом первым необходимым этапом является исследование возможностей адаптации имеющихся в мировой практике и предлагаемых в научных исследованиях критериев и показателей «зелёной» экономики для регионов ресурсного типа. Такая задача является предметом предлагаемой статьи.

Международные подходы к измерению «зелёной» экономики: принципы, цели и индикаторы

Под «зелёной» принято понимать такую экономику, результатом которой являются рост благосостояния населения и социальной справедливости, а также значительное уменьшение экологических рисков и предотвращение дефицита природных ресурсов [20].

Это означает отказ на национальном уровне от субсидирования неэкологичных отраслей и производств, имплантацию в национальные экономические политики системы

стимулов развития «зелёной» экономики. Стимулы должны быть направлены на столь существенное снижение альтернативных издержек для «коричневых» технологий, чтобы в будущем обеспечить массовый переход частного бизнеса к «зелёной» экономике в ключевых секторах. Такой переход должен обеспечить трансформацию экономического поведения и технологий по ряду направлений, что, в конечном счёте, приведёт к изменению всей структуры как производства, так и потребления в мировой экономике [25, с. 519].

Помимо укрепления экосистем, улучшения экологического качества жизни и устойчивости агропродовольственных систем политика зелёного роста даёт целый ряд экономических выгод и преимуществ, включая повышение эффективности производственных процессов и создание новых, усовершенствованных продуктов, инновации и структурные изменения в экономике, ведущие к появлению новых секторов, продуктов и услуг.

Прогноз развития экономики до 2050 г., предложенный в докладе Программы ООН по окружающей среде, содержит сценарий, согласно которому ежегодное инвестирование 2% мирового ВВП (примерно 1,3 трлн долларов США, что составляет менее 10% мировых инвестиций в материальный капитал) в десять ключевых секторов может инициировать переход к низкоуглеродной, ресурсоэффективной «зелёной» экономике: сельское хозяйство, отопление и освещение зданий, энергоснабжение, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, утилизация отходов, управление водными ресурсами [20]. Именно эти сектора, чья деятельность основывается на использовании природных ресурсов, позволят при реализации «зелёного» сценария обеспечить приращение природного капитала при соблюдении обязательного условия – снижении интенсивности использования ресурсов, для чего необходимы соответствующие политика и инвестиции.

Стратегии «зелёного» роста охватывают два широких направления:

1. Рамочная политика, включающая главным образом фискальные и регуляторные параметры, а также политику в области конкуренции, торговли и инноваций, которая содействует максимально эффективному распределению ресурсов.
2. Природоохрannая политика, создающая дальнейшие стимулы к рациональному использованию природных ресурсов и экосистем и корректирующая существующие провалы рынка [21].

Обобщённо выделяют четыре основных цели «зелёного» роста: переход к низкоуглеродной, ресурсоэффективной экономике; сбережение и рациональное использование ресурсов; повышение экологического качества жизни; реализация политики «зелёного» роста и связанных с ней экономических возможностей [32].

Вопросами измерения прогресса перехода к «зелёной» экономике занимаются несколько крупнейших международных организаций [11]. Свои показатели предложили Организация экономического сотрудничества и развития (OECD – Organization for Economic Cooperation and Development), Программа ООН по окружающей среде (UNEP – The United Nations Environment Programme), Группа ООН по управлению окружающей средой (UNEMG – United Nations Environment Management Group), Платформа знаний «зелёного» роста (GGKP – Green Growth Knowledge Platform).

В работах, выполненных под эгидой UNEP, для измерения «зелёной» экономики предлагается использовать показатели, разделённые на 4 группы: экологические показатели, показатели оценки политики, воздействия политических мер на благосостояние и социальную справедливость. Показатели применяются в зависимости от стадий развития «зелёной» экономики: на начальной стадии развития предлагаются индикаторы повышения эффективности

использования ресурсов, на следующей стадии – индикаторы мер экономической политики, на третьей – индикаторы благосостояния [34]. Разработки UNEMG опираются на методологические подходы к определению индикаторов устойчивого развития: индекс развития человеческого потенциала и показатель скорректированных чистых накоплений. В докладах по «зелёному» развитию OECD рассматриваются четыре группы показателей: экологическая и ресурсная эффективность; база природных активов; экологические аспекты качества жизни; экономические возможности и политические инструменты, связанные с «зелёным» ростом. Кроме того, для учёта специфики разных стран используются показатели, отражающие социально-экономический контекст. GGKP предлагает систему показателей, основанную на подходе, разрабатываемом экспертами OECD, но расширенную за счёт включения показателей социально-экономического развития и благосостояния.

Общее в подходах состоит в рассмотрении окружающей среды как природного капитала, который обеспечивает существенный вклад в производство и потребление продукции наряду с другими формами капитала [11].

Остановимся более подробно на подходе OECD, в котором значительное внимание уделяется вопросам эффективности использования природных ресурсов, что представляется актуальным в контексте исследования ресурсных регионов. Для оценки групп вышеназванных показателей предлагается рассчитывать на национальном уровне ряд индикаторов (*табл. 1*).

Таблица 1

Рамочная система измерения «зелёного» роста OECD

№ п/п	Группа	Показатели
1	Экологическая и ресурсная эффективность экономики	Углеродная и энергетическая эффективность Ресурсная эффективность: материалы, нутриенты, вода Многофакторная производительность
2	Природные активы	Возобновляемые запасы: водные, лесные, рыбные ресурсы Невозобновляемые запасы: минеральные ресурсы Биоразнообразие и экосистемы
3	Экологическое измерение качества жизни	Экологические факторы риска для здоровья человека Экосистемные услуги и экологические блага
4	Экономические возможности и инструменты политики	Технологии и инновации Экологические товары и услуги Международные финансовые потоки Цены и трансферты Обучение и навыки Регулирование и управление
5	Социально-экономический контекст и параметры роста	Экономический рост и структура экономики Производительность и торговля Занятость, образование и доходы Социально-демографические параметры

Источник: [21].

Как замечают сами разработчики, представленный набор показателей имеет определённые ограничения в использовании. Например, данные показатели в неравной степени актуальны для разных стран и должны интерпретироваться с учётом их специфики. Кроме того, некоторые из отобранных показателей не могут измеряться в настоящее время.

Важным для ресурсных регионов¹ является расчёт ресурсной эффективности, характеризующей экологическую и экономическую эффективность, с которой природные ресурсы и материалы используются в производстве и потреблении. Этот показатель оценивает действенность политики в поддержку ресурсной эффективности и устойчивого управления материальными ресурсами во всех секторах [21]. Прогресс в направлении «зелёного» роста может в определённой степени оцениваться по изменениям в количестве материалов, потребляемых экономикой, и эффективности их использования.

С точки зрения экономики эффективность использования материалов и управления их запасами имеет значение для долгосрочной экономической устойчивости, обеспечения экономики материалами, эффективности экономической деятельности и производительности в отдельных отраслях экономики.

С точки зрения охраны окружающей среды эффективность использования материалов и управления их запасами имеет значение для количества и качества самих природных ресурсов, состояния экосистем и окружающей среды. Интенсивность и параметры экологических последствий зависят от характера и количества используемого природного ресурса, от конкретных этапов ресурсного цикла, на которых он используется, от управления запасами данного ресурса, от географии и характера природной среды, из которой получен ресурс.

Российские исследования формирования «зелёной» экономики: обзор ключевых подходов

В российском исследовательском ландшафте сложился уже круг учёных и специалистов, активно работающих в области как теоретических, так и прикладных вопросов формирования, измерения, мониторинга реализации возможных моделей устойчивого развития (в том числе «зелёной» экономики) [3; 4; 5; 10; 11; 12; 23; 27]. Исходя из целей нашего исследования, особый интерес вызывают работы по формированию и практическим расчётам интегральных индексов, позволяющих не только оценить текущую ситуацию, но и определить возможные направления и регуляторы для её улучшения с позиции устойчивого развития на региональном уровне.

Одним из важных аспектов оценки степени развития «зелёной» экономики является исследование эффектов декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов. При этом выделяют ресурсный декаплинг (resource decoupling) и декаплинг воздействия (impact decoupling). Ресурсный декаплинг подразумевает сокращение объёмов использования первичных ресурсов (энергии, воды, минерального сырья и др.) на единицу экономического результата (то есть повышении эффективности использования ресурсов в процессе производства экономических благ). Декаплинг воздействия предполагает увеличение объёма выпуска при одновременном снижении экологической нагрузки на окружающую среду (объёмов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу, сбросов сточных вод, образования отходов и др.) [29].

¹ Не обсуждая различных решённых и дискуссионных вопросов определения понятия и признаков региона ресурсного типа, в рамках настоящей статьи остановимся на том, что «к регионам ресурсного типа относятся субъекты РФ, основу экономики которых составляют экспортноориентированные отрасли добывающей промышленности и обрабатывающей промышленности первого передела» [17].

Эффект декарпинга может быть интерпретирован в показателях природоёмкости. Они отражают объёмы использования природных ресурсов (например, энергоёмкость, водоёмкость и др.) и количество загрязнений (эко-интенсивность) в расчёте на единицу экономического результата, в качестве которого чаще всего используется основной измеритель уровня экономического развития – ВВП (на региональном уровне – ВРП). Для выявления рассогласования темпов экономического роста и загрязнения окружающей среды используется коэффициент декарпинга. Его отрицательная величина указывает на отсутствие эффекта декарпинга. Положительное значение показателя свидетельствует о разнонаправленных тенденциях экономического развития и антропогенного воздействия: увеличение добавленной стоимости сопровождается снижением экологической нагрузки на природные среды. Существование эффекта рассогласования темпов экономического развития и загрязнения окружающей среды свидетельствует о движении к «зелёной» экономике [5].

Значительное количество работ с новыми, интересными результатами, в том числе и с практическими оценками различных аспектов формирования и развития «зелёной» экономики в субъектах РФ, выполнено исследовательским коллективом под руководством профессора И.П. Глазыриной [5; 6; 9; 31]. В числе таких работ – исследования проявления эффектов декарпинга негативного воздействия на окружающую среду и потребления ресурсов в процессе экономической деятельности в приграничных регионах Востока РФ, имеющих трансграничные экономические связи с КНР. Для многих из них проблема влияния экономического развития на состояние окружающей среды и здоровье населения особенно актуальна, поскольку удельная экологическая нагрузка в этих районах (например, в расчёте на душу населения или единицу экономического результата) существенно превышает среднероссийский уровень [6]. Действующий формат трансграничных взаимоотношений с сопредельным государством, в рамках которого в восточных регионах реализуются проекты преимущественно в сфере добычи и переработки природного сырья, вместе с перспективами несёт и определённые угрозы [5]. Близость к Китаю, его заинтересованность в импорте топливно-энергетических, минерально-сырьевых и лесных ресурсов для собственного производства способствуют закреплению ресурсной направленности экономики большинства восточных регионов России – участников трансграничного взаимодействия. Преимущественное развитие сырьевого сектора экономики, характеризующееся невысокой степенью переработки природного сырья, не обеспечивает повышения благосостояния населения, соответствующего экономическому росту.

Ещё одним исследовательским направлением, позволяющим оценить динамику эколого-экономического развития территорий с позиции концепции «зелёного» роста, является использование модели П. Виктора для определения направленности и «цвета» экономического роста [35]. В соответствии с этой концепцией выделяют шесть эколого-экономических зон:

- 1) зона «зелёного» роста: увеличение экономического результата и снижение общих и удельных показателей экологической нагрузки;
- 2) зона «коричневого» роста: снижение удельных показателей экологической нагрузки, а также увеличение экономического результата и общего объёма загрязняющих веществ;
- 3) зона «чёрного» роста: увеличение экономического результата, общих и удельных показателей экологической нагрузки;
- 4) зона «чёрного» спада: снижение экономического результата, а также увеличение общих и удельных показателей экологической нагрузки;
- 5) зона «зелёного» спада: снижение экономического результата и общего объёма загрязняющих веществ, а также увеличение удельных показателей экологической нагрузки;

б) зона «абсолютно зелёного» спада: снижение экономического результата, общих и удельных показателей экологической нагрузки [35].

Исследовательским коллективом под руководством И.П. Глазыриной была выполнена целая серия работ в рамках этой модели для регионов Востока России. Расчёты проводились для различных измерителей экономических результатов и экологической нагрузки для отдельных территорий.

По мнению И.П. Глазыриной и её соавторов, хотя путь к «зелёной» экономике не обязательно означает рост, для России путь к «зелёной» экономике можно назвать «зелёным» ростом, поскольку без растущей экономики цель вряд ли будет достижима, учитывая высокую планку социальных и гуманитарных требований концепции [8]. Авторы исходят из того, что модель «зелёного роста» может рассматриваться как инструмент, позволяющий диагностировать положительную или отрицательную динамику в процессах использования природного капитала и в контексте сохранения экосистемных услуг. Это означает, что необходимо ориентироваться на снижение использования природных ресурсов и негативного воздействия на окружающую среду в расчёте на единицу экономического результата.

Целая серия работ по оценке интегральных показателей «зелёного» (устойчивого) развития для регионального уровня сделана (и делается) в рамках научной школы под руководством профессора С.Н. Бобылёва. Среди достоинств этих работ – ориентация на синтез современных международных концепций и индикаторов с их практическими расчётами для России и её регионов. В частности, указывается, что для российской практики наиболее приемлем с точки зрения статистической обеспеченности расчёт интегральных оценок устойчивости на основе следующих индексов:

- индекс развития человеческого потенциала Программы развития ООН;
- индекс качества жизни, разработанный для Минэкономразвития;
- индекс устойчивости социально-экономического развития;
- индекс адаптированных чистых (истинных) сбережений;
- сводный индекс устойчивости [26].

Особенный интерес с позиции применимости к тематике «зелёной» экономики вызывает последний из предложенных индексов – сводный индекс устойчивости (СИУ). Он «сбалансировано включает в себя ключевые экономические, социальные и экологические индикаторы, что позволяет использовать его для оценки динамики социально-эколого-экономической устойчивости» [26, с. 325]. На его основе были сделаны расчёты для России и некоторых регионов, однако авторы указывают, что «требуются более длительные наблюдения поведения данного индекса в динамике» [26, с. 239].

При всём приближении данного индекса к учёту всех важнейших составляющих устойчивого развития – экономики, социальной сферы, экологии, он, на наш взгляд, недостаточно учитывает особенности сырьевых территорий, которых в России немало. К таким территориям относится и большинство субъектов РФ в Дальневосточном макрорегионе. «Для экономики таких территорий характерны существенная изменчивость деловой активности, уровня занятости и доходов жителей, а также проблемы наполнения бюджета по мере выработки основных месторождений и в периоды неблагоприятной конъюнктуры сырьевых рынков. Такого рода нестабильность социально-экономической обстановки ставит во главу угла проблемы устойчивого развития, в рамках которого необходимо обеспечить создание достойных условий жизни не только ныне живущим, но и будущим поколениям» [16, с. 4].

В этой связи серьёзный интерес и надежды на возможности практического использо-

вания для адаптации индикаторов «зелёной» экономики для субъектов РФ, в том числе и ресурсных регионов, вызывает исследование, выполненное коллективом под руководством С.Н. Бобылёва в рамках совместного проекта WWF России – РИА Новости [4]. По мнению авторов, наиболее проработанным в теоретическом плане, имеющим хорошую статистическую базу и возможность расчёта на страновом и региональном уровнях является интегральный эколого-социально-экономический индекс скорректированных чистых накоплений (adjusted net savings): «Безусловно, индекс скорректированных чистых накоплений имеет ряд недостатков. Он не учитывает некоторые важные компоненты экологической деградации: такие как деградация земли, истощение подземных вод, перелов рыбы и др. Тем не менее, этот индекс важен тем, что он даёт агрегированную оценку устойчивого развития, показывает необходимость компенсации истощения природного капитала и ущерба от загрязнения окружающей среды за счёт роста инвестиций в человеческий и физический капиталы» [4, с. 29]. Для расчётов эколого-экономического индекса регионов России был добавлен ряд важных экологических и социальных индикаторов.

В соответствии с авторской методикой [4, с. 33], скорректированные чистые накопления (СЧН) для регионов РФ рассчитываются по формуле

$$\text{СЧН} = \text{ВН} - \text{ИД} - \text{ИПР} - \text{УЗОС} + \text{РЧК} + \text{ЗОС} + \text{ООПТ},$$

где ВН – валовые накопления основного капитала;

ИД – инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых»;

ИПР – истощение природных ресурсов;

УЗОС – ущерб от загрязнения окружающей среды;

РЧК – расходы бюджета на развитие человеческого капитала;

ЗОС – затраты на охрану окружающей среды;

ООПТ – оценка особо охраняемых природных территорий.

Эколого-экономический индекс (Индекс скорректированных чистых накоплений – ИСЧН) рассчитывался как отношение скорректированных чистых накоплений к ВРП.

Безусловным привлекательным моментом указанной работы, в определённой степени отражающим особенности развития регионов с преимущественно сырьевой специализацией, является включение в расчёты интегрального индекса таких показателей, как инвестиции в основной капитал по виду деятельности «Добыча полезных ископаемых» и истощение природных ресурсов. Кроме того, достоинством является то, что исследование было выполнено на основе официальной статистической информации, взятой из открытых источников. При всем известных недостатках официальной статистики это всё же несомненный плюс указанной работы, обеспечивающий возможность её повторения в динамике.

Как уже указывалось, коллектив учёных под руководством С.Н. Бобылёва занимает весьма активную позицию на исследовательском поле, где предметом являются методологические и прикладные вопросы формирования, измерения и адаптации критериев и показателей устойчивого развития социо-эколого-экономических систем различного уровня. И эти подходы постоянно совершенствуются. Тем не менее, вопросы выбора критериев и показателей устойчивого развития, особенно для стран и регионов с богатым природно-ресурсным потенциалом, не перестают быть актуальными. В частности, по-прежнему обсуждаются вопросы «ключевых критериев» устойчивого развития и «негодности» для этого такого показателя, как ВВП [3].

Трудно не согласиться ни с этим посылом, ни с оценками других известных специалистов в области региональной и ресурсной экономики [7; 18; 23] о том, что сам по себе рост ВВП и ВРП, даже и среднедушевого, ещё не определяет качество экономического развития. И здесь парадоксы налицо. Так, например, в Республике Саха (Якутия), являющейся лидером ДФО по масштабам и экономики в целом, и минерально-сырьевого комплекса, и размерам удельного ВРП (в 2016 г. – 903,6 тыс. рублей при общероссийском значении 472,2 тыс. рублей), уровень бедности населения в 2017 г. был одним из самых высоких в макрорегионе (20,3% против 13,2% среднероссийского). Хуже ситуация только в Еврейской автономной области (24,9%) и Забайкальском крае (21,5%), что прослеживается на протяжении уже многих лет¹.

По мнению Э.М. Зомоновой и Е.Б. Дондовой, дальнейшие шаги по разработке и использованию показателей «зелёного» экономического развития должны быть направлены на улучшение целевых показателей, имеющих широкое применение и помогающих в передаче информации в политических целях [12]. Они необходимы, чтобы привлечь внимание общественности и обеспечить ориентиры для измерения адекватности ответных мер политики с учётом конкретных экологических, географических, социальных, экономических, структурных и институциональных особенностей стран.

Как уже указывалось, теоретические и прикладные вопросы формирования и измерения критериев и показателей устойчивого (в том числе и «зелёного») развития имеют особый интерес для российских регионов с преимущественно сырьевой специализацией. Это привело к формированию целого пласта соответствующих исследований и исследовательских групп. Ряд результатов был получен не только для ресурсных регионов Востока России, как было показано выше, но и для регионов Урала [2], Поволжья [14], Северо-Запада страны [28] и т.д. При этом вполне справедливо, на наш взгляд, что наиболее адекватные реальному положению дел результаты являются следствием оценок для конкретных регионов, поскольку позволяют учесть региональные особенности развития [10].

Лесной сектор как один из ключевых секторов «зелёной» экономики: принципы и практика измерения

Как упомянуто выше, лесной сектор относится к одному из десяти ключевых секторов «зелёной» экономики. Исходя из определения «зелёной» экономики, деятельность, осуществляемая в лесном секторе, должна ориентироваться на минимизацию выбросов углерода, эффективное использование лесных ресурсов и быть социально ориентированной.

Согласно сценарному прогнозу развития экономики до 2050 г., для обеспечения «зелёного» роста в улучшение управления лесным хозяйством и лесной промышленностью необходимо ежегодно дополнительно вкладывать до 40 млрд долларов США, которые пойдут на мероприятия по сокращению вырубки лесов, увеличению лесопосадок для обеспечения стабильного производства лесной продукции, а также эффективное управление имеющейся сетью охраняемых лесов [20]. По сравнению с 2010 г. увеличение площади восстановленных лесов к 2050 г. по «зелёному» варианту составит 140% [30], общая площадь лесов вырастет более чем в 5 раз, что позволит уменьшить втрое затраты экономики, связанные с изменением климата. Восстановление лесных массивов может привести к повышению уровня секвестрации углерода в 4 раза. Переход на «зелёный» сценарий позволит создать дополнительно 10 млн рабочих мест в основном в малом и среднем бизнесе, которые обеспечивают 50% занятых в лесном секторе мира [25].

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/4890740049342bcf8657de3fbd401489

Обсуждение на международном уровне измерения роли лесного сектора в «зелёной» экономике активно ведётся около 10 лет. В результате этих обсуждений и для перевода накопленных знаний в практическую плоскость в 2013 г. в рамках ООН был принят «План действий для лесного сектора в условиях развития «зелёной» экономики» (Рованиемийский план действий, по названию финского города Рованиеми) [24].

В нём были определены общая концепция, задачи и конкретные мероприятия, а также потенциальные участники, которые могли бы способствовать выполнению поставленных задач. План содержит пять ключевых компонентов (*табл. 2*). По каждому компоненту выделена главная цель, которая детализируется в ряд задач и конкретных мероприятий. Всего было выделено 29 задач и 129 мероприятий. Многие из этих задач адресованы международным организациям, но есть задачи для национальных правительств и корпоративного сектора.

Таблица 2

Компоненты Рованиемийского плана действий для лесного сектора
в условиях развития «зелёной» экономики

Компонент	Цель	Количество мероприятий
А. Устойчивое производство и потребление лесных продуктов	Структуры производства, потребления и торговли лесными продуктами являются действительно устойчивыми	36
В. Низкоуглеродный лесной сектор	Лесной сектор вносит максимально возможный вклад в смягчение последствий изменения климата и адаптацию к нему	34
С. Достойные рабочие места в лесном секторе	Рабочая сила обеспечивает устойчивое лесопользование, лесной сектор содействует достижению социальных целей путём создания достойных рабочих мест	19
Д. Предоставление лесных экосистемных услуг на долгосрочной основе	Определены и оценены функции лесов и установлена плата за экосистемные услуги	15
Е. Разработка политики и мониторинг лесного сектора в связи с развитием «зелёной» экономики	Политика способствует устойчивому лесопользованию, процесс разработки политики основывается на фактических данных, инструменты политики эффективны, действенны и справедливы, а мониторинг адекватен	26

Источник: [24].

Ряд стран в 2015 г. представил отчёты о выполнении целей Рованиемийского плана по некоторым компонентам [33]. По сути, это набор мероприятий, проводимых национальными правительственными органами, включая принятие нормативно-правовых актов, программных документов, руководств, формирование дополнительных функций у органов государственной власти и т.д., которые могли бы иметь отношение к «позеленению» лесного сектора.

Россия также представила отчётные данные по реализации Рованиемийского плана по некоторым целям, обозначенным в трёх из пяти компонентов [22]. Строго говоря, эти отчётные данные имеют довольно условное отношение к реализации Рованиемийского плана, поскольку часть из них была реализована ещё до его принятия в рамках выполнения национальных программ.

Одним из актуальных вопросов является измеримость вклада лесного сектора в «зелёную» экономику. В докладе Комитета по лесам и лесной отрасли ЕЭК ООН [13] представлены подходы к измерению этого вклада исходя из уже имеющихся наработок международных организаций в рамках Платформы знаний о «зелёном» росте, а также с учётом Монреальского [19] и Общеввропейского списка критериев и индикаторов устойчивого лесопользования.

Были выделены 6 основных сфер для измерения вклада лесного сектора в развитие «зелёной» экономики и дан примерный набор показателей, которые можно было бы использовать для иллюстрации прогресса или регресса по каждой сфере:

1. Сохранение природного капитала лесов.
2. Многофакторная производительность и эффективное использование ресурсов.
3. Вклад в смягчение последствий изменения климата.
4. Учёт экстерналий и взимание платы за лесные экосистемные услуги.
5. Устойчивость рабочей силы, занятой в лесном секторе.
6. Надлежащая организация управления и принятие обоснованных решений.

Выделение этих сфер коррелирует с теми стратегиями, по которым должен развиваться лесной сектор, двигаясь в сторону «зелёной» экономики согласно Рованиемийскому плану действий.

Были предложены некоторые показатели, которые могли бы использоваться для измерения прогресса лесного сектора на пути перехода к «зелёной» экономике на национальном уровне (*табл. 3*).

Таблица 3

Показатели для национального лесного сектора в «зелёной» экономике

№ п/п	Показатель	Направление прогресса
1	Сохранение природного капитала лесов	
1.1	Изменение в природном капитале лесов: физические параметры и стоимость земли и деревьев в денежном выражении с поправкой на факторы внешнего порядка и экосистемные услуги	Стабильность или рост
2	Многофакторная производительность и эффективное использование ресурсов	
2.1	Материалоотдача в лесном секторе	Рост
2.2	Энергоэффективность в лесном секторе	Рост
2.3	Коэффициент рекуперации бумаги и изделий из древесины	Рост
3	Вклад в смягчение последствий изменения климата	
3.1	Накопления и потоки углерода в лесных экосистемах и товарах из заготовленной древесины	Рост накоплений и сокращение чистого объёма выбросов
3.2	Доля энергии на базе древесины в общем объёме производства первичной энергии	Рост

Продолжение таблицы 3

№ п/п	Показатель	Направление прогресса
3.3	Показатель замещения или каскадного использования в лесном секторе	О прогрессе будет свидетельствовать относительно высокая доля древесины, используемой в качестве промышленного сырья, а не для получения энергии, при условии низкого уровня отходов
3.4	Доля изделий из древесины, рекуперированных после истечения срока их службы для использования в качестве сырья или для производства энергии	Рост
4	Учёт факторов внешнего порядка и взимание платы за лесные экосистемные услуги	
4.1	Стоимость экосистемных услуг, источником которых являются леса	Рост
4.2	Системы взимания платы за экосистемные услуги: число систем и общий стоимостной объём операций	Рост
4.3	Стоимостной объём связанных с лесами операций на углеродных рынках	Рост
5	Устойчивость рабочей силы, занятой в лесном секторе	
5.1	Безопасность и гигиена труда в лесном хозяйстве	Рост
5.2	Инвестиции в обучение и подготовку	Рост
5.3	Число «достойных «зелёных» рабочих мест» в лесном секторе	Рост
6	Надлежащая организация управления и принятие обоснованных решений	
6.1	Национальные программы по лесам (НПЛ), интегрированные в более широкие национальные стратегии	Существование НПЛ, соответствующих согласованным руководящим принципам
6.2	Системы мониторинга, благодаря которым можно получать показатели по «зелёной» экономике и данные, необходимые для систем национальных «зелёных» счетов	Наличие систем

Источник: [13].

Однако предлагаемые индикаторы измерения носят во многом общий характер, являются трудноизмеримыми. Например, устойчивость рабочей силы в лесном секторе предлагается измерять индикатором «число достойных «зелёных» рабочих мест в лесном секторе» (или доля достойных «зелёных» рабочих мест в лесном секторе в общем показателе занятости). При этом сами авторы затрудняются дать характеристику, что такое достойное «зелёное» рабочее место.

В национальных стратегиях стран Европы для оценки «зелёного» роста в лесном секторе применяются различные вариации из представленных выше индикаторов, которые дополняются собственными показателями в зависимости от специфики экономики [27].

В российских исследованиях по измерению «зелёного» роста в лесном секторе пока можно найти отдельные идеи по набору показателей, которые предлагается применять для этой цели. Появляются исследования по измерению «зелёного» движения на региональном уровне [1; 8]. И.П. Глазыриной с соавторами для оценки эффективности регионального лесопользования в контексте движения в сторону «зелёного» роста были проведены межрегиональные сравнения по следующим показателям: налоговые поступления в консолидированный федеральный и региональный бюджеты от ВЭД «Обработка древесины и производство изделий из дерева» в расчёте на 1 кубометр заготовленной древесины; объём заработной платы работников лесопромышленного комплекса от ВЭД «Обработка древесины и производство изделий из дерева» в расчёте на 1 кубометр заготовленной древесины. Была поставлена задача оценки значимости и эффективности использования лесных ресурсов в контексте благосостояния населения регионов. Выяснено, что региональные лесные сектора, имеющие высокие удельные платежи в бюджеты, обеспечивают и формирование значительного фонда заработной платы [8].

М.А. Шишелов считает, что измерение «зелёного» роста в лесном секторе России требует формирования определённого набора показателей с учётом общенациональной и региональной специфики, доступности необходимых статистических данных и их информативности [27]. Он предлагает набор показателей измерения «зелёного» роста в лесном секторе России, составленный на основе Рованиемийского плана действий, а также возможные источники информации для их получения (табл. 4).

Таблица 4

Набор показателей измерения «зелёного» роста в лесном секторе России

Показатель	Какую сферу характеризует
Площадь лесного фонда, га	Сохранение природного капитала лесов
Запасы древесины, м ³	Сохранение природного капитала лесов
Структура покрытой лесом площади	Сохранение природного капитала лесов
Выход продукции с 1 тыс. м ³ использованной древесины, рублей	Эффективность использования древесины
Доля продукции с высокой добавленной стоимостью в отраслевой структуре, %	Эффективность использования древесины
Выручка/добавленная стоимость на 1 м ³ использованной древесины, рублей	Эффективность использования древесины
Потребление лесных товаров на душу населения, м ³ /чел.	Вклад в смягчение последствий изменения климата

Источник: [27].

По мнению автора, предлагаемые им показатели характеризуют три из шести основных сфер для измерения вклада лесного сектора в развитие «зелёной» экономики. Не совсем ясно, каким образом потребление лесных товаров на душу населения характеризует вклад в смягче-

ние последствий изменения климата. Тем не менее, на наш взгляд, эти индикаторы могут быть использованы в оценке лесного сектора с позиций «зелёной» экономики.

Поиск инструментов перехода к «зелёной» экономике также является одним из важных компонентов исследуемой политики. Мы пока что обнаружили очень мало инструментов для адаптации лесного сектора на региональном уровне, предлагаемых для российской практики. Можно привести работу Г.А. Князевой и Н.Ю. Кирушевой, где для лесного сектора Республики Коми предложено создание инновационного экоиндустриального парка, который объединяет как компании, использующие «зелёные» технологии или производящие «зелёные» продукты, так и спроектированные на принципах организации производства замкнутого цикла [15]. Предлагаемая авторами производственная программа представляет собой замкнутый цикл производства, преимуществом которого является полное использование поступающего сырья и отходов. По их мнению, формирование сети индустриальных парков будет способствовать развитию отрасли на принципах «зелёной» экономики.

Таким образом, вопрос измеримости движения лесного сектора в сторону «зелёной» экономики очень важен для ответа на вопросы: Насколько «зелёным» является лесной сектор в данной стране и данном регионе? Становится ли лесной сектор более экологичным? Какие отрасли лесного сектора являются более экологичными, а какие менее экологичными? То есть важным является понимание, те ли это цели, к которым мы идём. Но также важно и то, с какой скоростью мы к ним движемся. Это может стать новым ориентиром в исследованиях специалистов не только в формирующейся «зелёной» экономике, но и в традиционной ресурсной экономике [1].

Заключение

Рассмотренные в статье подходы различных международных и российских организаций и исследовательских коллективов к характеристике «зелёной» экономики фокусируются на ряде целей, наиболее актуальными из которых для ресурсных регионов можно назвать переход к ресурсоэффективной экономике, а также сбережение и рациональное использование ресурсов.

Среди измерителей движения в сторону «зелёной» экономики для природно-ресурсных регионов в первую очередь должны применяться индикаторы изменения структуры экономики в пользу обрабатывающих/перерабатывающих отраслей. Но и развитие добывающих отраслей в контексте «зелёной» экономики должно ориентироваться на снижение ресурсоёмкости производства, сокращение объёма отходов при добыче сырья, что требует от бизнеса применения более совершенных технологических способов и оборудования. Для внедрения «зелёных» технологий нужны институциональные механизмы и инструменты, направленные на стимулирование бизнеса развиваться по этой траектории. Можно ли создать унифицированные, но при этом действенные механизмы, в том числе за счёт импорта институтов из других стран, которые будут эффективно действовать в ресурсных регионах России? Нам представляется, что нет: слишком сильное влияние будут оказывать региональные особенности развития. Наиболее вероятный путь – адаптация уже разработанных методических подходов и критериев «зелёного» развития на основе учёта конкретных региональных экономических, структурных и институциональных особенностей.

Список литературы

1. Антонова Н.Е. Лесопользование на Дальнем Востоке: возможности и препятствия движения к «зеленой» экономике // Восточный вектор России: шанс для «зеленой» экономики в природно-ресурсных секторах. Материалы научного семинара (оз. Байкал, малое Море, 27 июля – 1 августа 2015 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 203–216.
2. Белик И.С., Камдина Л.В. Взаимосвязь антропогенного воздействия и качества жизни населения в Свердловской и Челябинской областях // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 7. С. 39–48. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10705
3. Бобылёв С.Н. Новые модели экономики и индикаторы устойчивого развития // Экономическое возрождение России. 2019. № 3. С. 23–29.
4. Бобылев С.Н., Минаков В.С., Соловьева С.В., Третьяков В.В. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета. URL: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (дата обращения: 10.08.2019).
5. Глазырина И.П., Забелина И.А. Перспективы «зеленого» роста на Востоке России и Новый Шелковый путь // ЭКО. 2016. № 7. С. 5–20.
6. Глазырина И.П., Забелина И.А., Клевакина Е.А. Экологическая составляющая экономического развития: приграничные регионы России и Китая // ЭКО. 2014. № 6. С. 5–24.
7. Глазырина И.П., Фалейчик А.А., Фалейчик Л.М. Инвестиции и экономическое развитие: сравнительный анализ для регионов России // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24. № 8. С. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111
8. Глазырина И.П., Фалейчик Л.М., Яковлева К.А. «Зеленый рост» экономики восточных регионов России: концепция, методология оценки и применение к задачам управления лесопользованием // Восточный вектор России: шанс для «зеленой» экономики в природно-ресурсных секторах. Материалы научного семинара (оз. Байкал, малое Море, 27 июля – 1 августа 2015 г.). Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2016. С. 135–150.
9. Забелина И.А. Эффект декаплинга в эколого-экономическом развитии регионов – участников трансграничного взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 1. С. 241–255.
10. Зандер Е.В., Сырцова Е.А., Пыжжева Ю.И. Комплексная оценка устойчивости развития региональных социо-эколого-экономических систем // Эколого-экономические проблемы развития регионов и стран (устойчивое развитие, управление, природопользование). Материалы 14-й Межд. научно-практ. конф. Российского общества экологической экономики. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. С. 189–193.
11. Зоменова Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. 283 с.
12. Зоменова Э.М., Дондокова Е.Б. Вопросы формирования показателей «зеленого» экономического развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2016. № 1. С. 30–36. DOI: 10.18323/2221-5689-2016-1-30-36
13. Измерение вклада лесного сектора в развитие «зеленой» экономики и представление соответствующей информации. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/efsos/general/ECE_TIM_2014_5.pdf (дата обращения: 01.09.2019).
14. Кириллов С.Н., Пакина А.А., Тульская Н.И. Оценка устойчивости развития на региональном уровне: пример Республики Татарстан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2017. № 4. С. 127–137.
15. Князева Г.А., Кирушева Н.Ю. Переход к «зеленой» экономике на примере инновационного развития регионального лесного комплекса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2016. № 2. С. 119–145. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.207

16. Лавлинский С.М. Модели индикативного планирования социально-экономического развития ресурсного региона. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. 247 с.
17. Левин С.Н., Казан Е.С., Саблин К.С. Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7. № 3. С. 92–101. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101
18. Михеева Н.Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // Регион: экономика и социология. 2017. № 4. С. 151–176. DOI: 10.15372/REG20170407
19. Монреальский процесс: критерии и индикаторы сохранения и устойчивого управления лесами умеренной и бореальной зон. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/Forest_Policy/Capacity_building/Montrealskiy_process_Kriterii_i_Indikator_i_2008.pdf (дата обращения: 11.09.2019).
20. Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности – обобщающий доклад для представителей властных структур. URL: old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 10.09.2019).
21. Оценка зеленой трансформации экономики. Руководство для стран Восточного партнерства ЕС. URL: www.eap-green.org/ru/resources/EaP%20GREEN_GGI%20Guide_clean_RUS_Final.pdf (дата обращения: 10.08.2019).
22. Панфилов А.В. Имплементация плана Рованиеми в Российской Федерации. URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/meetings/20141118/presentations/38-panfilov_RUS.pdf (дата обращения: 01.09.2019).
23. Ресурсные регионы России в «новой реальности» / Под ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 308 с.
24. Рованиемийский план действий для лесного сектора в условиях развития «зеленой» экономики. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/publications/SP35R.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).
25. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
26. Устойчивое развитие: методология и методики измерения / под ред. С.Н. Бобылёва. М.: Экономика, 2011. 358 с.
27. Шишелов М.А. Зеленый рост в лесном секторе России: разработка метода оценки и измерение (на примере Республики Коми) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4. С. 178–186.
28. Шкиперова Г.Т., Курило А.Е. Оценка развития регионов Северо-Запада в контексте концепции «зеленой» экономики // Проблемы рыночной экономики. 2019. № 3. С. 5–13. DOI: 10.33051/2500-2325-2019-3-05-13
29. Decoupling Natural Resource Use and Environmental Impacts from Economic Growth. URL: http://www.gci.org.uk/Documents/Decoupling_Report_English.pdf (дата обращения: 09.09.2019).
30. Forests in a Green Economy: A Synthesis. URL: <http://www.unep.org/green-economy/Forest-final.pdf> (дата обращения: 09.09.2019).
31. Glazyrina I.P., Faleichik L.M., Yakovleva K.A. Socioeconomic Effectiveness and «Green» Growth of Regional Forest Use // Geography and Natural Resources. 2015. Vol. 36. № 4. Pp. 327–334. DOI: 10.1134/S1875372815040022
32. Green Growth Indicators (Russian version). URL: https://read.oecd-ilibrary.org/environment/green-growth-indicators-2014_9789264256767-ru#page7 (дата обращения: 10.09.2019).
33. Implementation of the Rovaniemi Action Plan for the Forest Sector in a Green Economy. URL: www.fao.org/3/a-mo950e.pdf (дата обращения: 12.09.2019).
34. Using Indicators for Green Economy Policymaking. URL: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/9532/-Using%20indicators%20for%20Green%20Economy%20policymaking-2014IndicatorsWorkingPaper.pdf> (дата обращения: 10.09.2019).

35. Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological Economics: A Personal Journey // Ecological Economics. 2015. Vol. 109. Pp. 93–100. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

References

1. Antonova N.E. Forest Use in the Far East: Opportunities and Obstacles of the Movement to «Green» Economy. In: *The Eastward Vector of Russia: The Chance for a «Green» Economy in Natural Resource Regions. Proceedings of a Scientific Seminar (Lake Baikal, Maloe More, July 27 – August 1, 2015)*. Irkutsk, 2016. Pp. 203–216. (In Russian)
2. Belik I.S., Kamdina L.V. Analysis of the Relationship between Human Impact and Quality of Population Life (on the Example of Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2018. No. 7. Pp. 39–48. DOI: 10.24411/1994-2796-2018-10705 (In Russian)
3. Bobylev S.N. New Economic Models and Indicators of Sustainable Development. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Economic Revival of Russia]. 2019. No. 3. Pp. 23–29. (In Russian)
4. Bobylev S.N., Minakov V.S., Solovieva S.V., Tretiakov V.V. *Ecological-Economic Index of Regions of the Russian Federation. Methodology and Indicators for Calculation*. Available at: <https://wwf.ru/upload/iblock/dc8/index.pdf> (accessed 10 August 2019). (In Russian)
5. Glazyrina I.P., Zabelina I.A. The Prospects of Green Growth in Eastern Russia and the New Silk Road. *EKO* [ECO]. 2016. No. 7. Pp. 5–20. (In Russian)
6. Glazyrina I.P., Zabelina I.A., Klevakina E.A. Environmental Component of Economic Development: Transboundary Regions of Russian Federation and China. *EKO*. [ECO]. 2014. No. 6. Pp. 5–24. (In Russian)
7. Glazyrina I.P., Faleychik A.A., Faleychik L.M. Investment and Economic Development: Comparative Analysis for Russian Regions. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikalian State University Journal]. 2018. Vol. 24. No. 8. Pp. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2018-24-8-101-111 (In Russian)
8. Glazyrina I.P., Faleychik L.M., Yakovleva K.A. «Green Growth» for Eastern Russia: Concept and Methodology of Evaluation. In: *The Eastward Vector of Russia: The Chance for a «Green» Economy in Natural Resource Regions. Proceedings of a Scientific Seminar (Lake Baikal, Maloe More, July 27 – August 1, 2015)*. Irkutsk, 2016. Pp. 135–150. (In Russian)
9. Zabelina I.A. Decoupling in Environmental and Economic Development of Regions-Participants of Cross-Border Cooperation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2019. Vol. 12. No. 1. Pp. 241–255. DOI: 10.15838/esc.2019.1.61.15 (In Russian)
10. Zander E.V., Syrtsova E.A., Pyzheva Y.I. Complex Assessment of Sustainable Development of the Regional Social, Ecological and Economic Systems. In: *Ecological-Economic Problems of Development of Regions and Countries (Sustainable Development, Management, Environmental Management). The Materials of the 14th International Conference of the Russian Society for Ecological Economics RSEE-2017*. Petrozavodsk, 2017. Pp. 189–193. (In Russian)
11. Zomonova E.M. *The Strategy of Transition to Green Economy: Experience and Measuring Methods*. Novosibirsk, 2015. 283 p. (In Russian)
12. Zomonova E.M., Dondokova E.B. The Issues of Formation of Green Economic Growth Indicators. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomika i upravlenie* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Economics and Management]. 2016. No. 1. Pp. 30–36. DOI: 10.18323/2221-5689-2016-1-30-36 (In Russian)
13. *Measuring the Contribution of the Forest Sector to the Development of the Green Economy and Providing Relevant Information*. Available at: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/efsos/general/ECE_TIM_2014_5.pdf (accessed 1 September 2019). (In Russian)

14. Kirillov S.N., Pakina A.A., Tulskeya N.I. Evaluation of Development Sustainability at the Regional Level: The Case of Tatarstan Republic. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System]. 2017. No. 4. Pp. 127–137. (In Russian)
15. Knyazeva G.A., Kirusheva N.Yu. Transition to a Green Economy on the Example of Innovative Development of the Regional Forest Complex. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [St Petersburg University Journal of Economic Studies]. 2016. No. 2. Pp. 119–145. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2016.207 (In Russian)
16. Lavlinsky S.M. *Models of Indicative Planning of Socio-Economic Development of the Resource Region*. Novosibirsk, 2008. 247 p. (In Russian)
17. Levin S.N., Kagan E.S., Sablin K.S. «Resource Type» Regions in the Modern Russian Economy. *Journal of Institutional Studies*. 2015. Vol. 7. No. 3. Pp. 92–101. DOI: 10.17835/2076-6297.2015.7.3.092-101 (In Russian)
18. Mikheeva N.N. Factors of Growth of Russian Regions: Adaptation to New Conditions. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. 2017. No. 4. Pp. 151–176. DOI: 10.15372/REG20170407 (In Russian)
19. *Montreal Process: Criteria and Indicators for the Conservation and Sustainable Management of Temperate and Boreal Forests*. Available at: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/Forest_Policy/Capacity_building/Montrealskiy_process_Kriterii_i_Indikatori_2008.pdf (accessed 11 September 2019). (In Russian)
20. *Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication. A Synthesis for Policy Makers*. Available at: old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (accessed 10 September 2019). (In Russian)
21. *Assessing the Green Transformation of the Economy. Guide for EU Eastern Partnership Countries*. Available at: www.eap-green.org/ru/resources/EaP%20GREEN_GGI%20Guide_clean_RUS_Final.pdf (accessed 10 August 2019). (In Russian)
22. Panfilov A.V. *Implementation of the Rovaniemi Plan in the Russian Federation*. Available at: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/meetings/20141118/presentations/38-panfilov_RUS.pdf (accessed 1 September 2019). (In Russian)
23. *Resource Regions of Russia in the «New Reality»*. Ed. by V.V. Kuleshov. Novosibirsk, 2017. 308 p. (In Russian)
24. *Rovaniemi Action Plan for the Forest Sector in a Green Economy*. Available at: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/publications/SP35R.pdf> (accessed 10 September 2019). (In Russian)
25. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (In Russian)
26. *Sustainable Development: Methodology and Methods of Measurement*. Ed. by S.N. Bobylev. Moscow, 2011. 358 p. (In Russian)
27. Shishelov M.A. Green Growth in the Forest Sector of Russia: Development of Assessment Method and Measurement (on the Example of the Komi Republic). *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order]. 2017. No. 4. Pp. 178–186. (In Russian)
28. Shkiperova G.T., Kurilo A.E. Assessment of the North-West Regions Development in the Concept of Green Economy Context. *Problemy rynochnoy ekonomiki* [Market Economy Problems]. 2019. No. 3. Pp. 5–13. DOI: 10.33051/2500-2325-2019-3-05-13 (In Russian)
29. *Decoupling Natural Resource Use and Environmental Impacts from Economic Growth*. Available at: http://www.gci.org.uk/Documents/Decoupling_Report_English.pdf (accessed 9 September 2019).
30. *Forests in a Green Economy: A Synthesis*. Available at: http://www.unep.org/greeneconomy/Forest_final.pdf (accessed 9 September 2019).

31. Glazyrina I.P., Faleichik L.M., Yakovleva K.A. Socioeconomic Effectiveness and «Green» Growth of Regional Forest Use. *Geography and Natural Resources*. 2015. Vol. 36. No. 4. Pp. 327–334. DOI: 10.1134/S1875372815040022
32. *Green Growth Indicators (Russian version)*. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/environment/green-growth-indicators-2014_9789264256767-ru#page7 DOI:<https://dx.doi.org/10.1787/9789264256767-ru> (accessed 10 September 2019).
33. *Implementation of the Rovaniemi Action Plan for the Forest Sector in a Green Economy*. Available at: www.fao.org/3/a-mo950e.pdf (accessed 12 September 2019).
34. *Using Indicators for Green Economy Policymaking*. Available at: <https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/9532/-Using%20indicators%20for%20Green%20Economy%20policymaking-2014IndicatorsWorkingPaper.pdf> (accessed 10 September 2019).
35. Victor P. The Kenneth E. Boulding Memorial Award 2014: Ecological Economics: A Personal Journey. *Ecological Economics*. 2015. Vol. 109. Pp. 93–100. doi.org/10.1016/j.ecolecon.2014.11.009

■ ■ ■
Для цитирования:

Антонова Н.Е., Ломакина Н.В. Модель «зелёной» экономики и её имплементация в ресурсных регионах // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 31–49. DOI: [10.14530/reg.2019.5.31](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.31)

For citing:

Antonova N.E., Lomakina N.V. The Model of a «Green» Economy and Its Implementation in Resource Regions. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 31–49. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.31](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.31)

ЛЕОНОВ
Сергей
Николаевич

Доктор экономических наук,
профессор, ведущий научный сотрудник

Институт экономических
исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

LEONOV
Sergey
Nikolaevich

Doctor of economics,
professor, leading researcher
Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

leonov@ecrin.ru

УДК 339.9

АКТИВИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В АРКТИКЕ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Возрастающий международный интерес к Арктике объясняется ожидаемыми климатическими изменениями. Большой интерес к освоению энергетических и минеральных ресурсов на шельфе арктических морей, расширению судоходства и рыболовства выражают не только приарктические державы, но и страны Восточной Азии, так как именно эти государства могут получить максимальные выгоды от круглогодичной эксплуатации Северного морского пути (СМП). С 2013 г. Китай входит в число тринадцати стран-наблюдателей при Арктическом совете и принимает активное участие в решении трансрегиональных проблем. В январе 2018 г. КНР опубликовал Белую книгу об арктической политике страны. В статье рассмотрены предпосылки активизации деятельности КНР в Арктике, выявлены проблемы и оценены последствия данного процесса.

Арктика, Китай, арктическая политика

ACTIVATION OF CHINA'S POLICY IN THE ARCTIC: BACKGROUND, PROBLEMS, PROSPECTS

The growing international interest in the Arctic is due to the expected climate changes. Great interest in the development of energy and mineral resources on the shelf of the Arctic seas, the expansion of shipping and fishing is expressed not only by the Arctic countries, but also by the countries of East Asia. These States can get the maximum benefits from year-round operation of the Northern sea route (NSR). Since 2013, China has been among the thirteen observer countries of the Arctic Council and is actively involved in solving trans-regional problems. In January 2018 China has published a «White paper» on the Arctic policy of the country. The article considers the prerequisites for the activation of China's activity in the Arctic, identifies problems and assesses the consequences of this process.

Arctic, China, Arctic policy

Работа выполнена в рамках проекта «Дальневосточная Арктика: системные исследования по разработке экономических механизмов и прогнозов имплантации новых технологий рационального использования региональных ресурсов», реализуемого в соответствии с Приоритетными направлениями научных исследований Президиума РАН.

© Леонов С.Н., 2019

Введение

Возрастающий международный интерес к Арктике объясняется ожидаемыми климатическими изменениями. В настоящее время на международных площадках обсуждаются перспективы освоения энергетических и минеральных ресурсов на шельфе арктических морей¹, расширения судоходства и рыболовства². Большой интерес к этим вопросам демонстрируют не только арктические государства³, но и страны Восточной Азии. Именно эти страны могут получить максимальные выгоды от эксплуатации арктических ресурсов и Северного морского пути (СМП) в круглогодичном варианте. СМП ввиду глобального потепления стал считаться проходимым практически круглогодично⁴. Предполагается, что объём перевозки только российских грузов по трассе СМП увеличится с 20 млн т (2018 г.) до 80 млн тонн в 2030 г.⁵

В этих условиях значительный и всё более возрастающий интерес к освоению Арктики демонстрирует Китайская Народная Республика. Ежегодно Китай затрачивает на проведение арктических исследований 60–63 млн долларов США [7, с. 114; 9, с. 55], что превышает затраты России, Канады или США на эти же цели. Начиная с 1990-х гг. Китай организовал свыше 10 арктических экспедиций в Арктику, совместно с Норвегией в 2004 г. обустроил и эксплуатирует полярную станцию «Хуанхэ» («Жёлтая река») на Шпицбергене [1, с. 242–243], в 2018 г. совместно с Исландией открыл арктическую станцию в Картхолле⁶; финская компания «Aker Arctic Technology» осуществляет строительство второго тяжёлого китайского ледокола [14]. Одновременно Китай модернизирует базу проведения арктических исследований, перестраивая ледокольный порт в Шанхае, возводя новые корпуса для обработки данных, расширяя и модернизируя хранилища полярного льда [1, с. 243]. В январе 2018 г. в Китае опубликована так называемая «Белая книга», в которой изложена национальная арктическая стратегия КНР [21]. С 2013 г. Китай входит в число тринадцати стран-наблюдателей при Арктическом совете и с совещательным голосом принимает активное участие в решении трансрегиональных проблем. Все названные действия демонстрируют стабильный рост интереса КНР к освоению Арктики и её ресурсов.

В этих условиях требуется понять причины, оценить проблемы и перспективы, в первую очередь для России, активизации политики Китая в Арктической зоне планеты в целом и в Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) в частности.

Причины интереса Китая к Арктике

Китай не входит в число арктических стран. Несмотря на это, он намерен самым энергичным образом участвовать в освоении арктического региона планеты. В своей совокупно-

¹ По оценкам Геологической службы США, потенциальные неразведанные запасы нефти и природного газа в Арктике составляют соответственно 13% и 30% общемировых, причём 84% из них расположены на морском шельфе (<http://www.winnipegfreepress.com/opinion/editorials/chinas-arctic-ambition-241934391.html>).

² Около 1/4 мировых рыбных запасов находится в Арктике. Таяние снегов и повышение температуры воды влияет на миграцию рыбы, что, в свою очередь, сказывается на рыболовстве. Оно смещается всё дальше и дальше на север, в ранее не использовавшиеся воды [9, с. 55].

³ Группа из пяти государств, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану и которые имеют здесь свои внутренние морские воды, территориальное море, континентальный шельф, исключительную экономическую зону, – Россия, Канада, США, Норвегия и Дания (из-за о. Гренландия).

⁴ В 2017 г. по СМП прошли 423 российских и 80 иностранных судов (<https://news.mail.ru/economics/35683774/?frommail=1>).

⁵ Постановление Правительства РФ № 1064 от 31 августа 2017 г. «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»; Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.».

⁶ http://russian.news.cn/2018-10/19/c_137542671.htm

сти интересы Китая, являющегося в настоящее время второй экономикой мира, образуют комплекс, в структуре которого выделяются три блока:

- экономические (природно-ресурсные и транспортно-логистические);
- эколого-климатические, включающие изучение как фундаментальных, так и научно-прикладных задач¹;
- геополитические, тесно увязанные с военно-стратегическими задачами КНР в этом регионе².

В данной статье остановимся на анализе экономических причин интереса Китая к Арктическому региону.

В 1996 г. Китай, не имеющий «морского фасада» в Северном Ледовитом океане, присоединился к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и, как следствие, признал суверенные права арктических государств на этот регион. Интерес Китая при этом заключался в том, что международное морское право гарантирует любой стране право на проведение научно-исследовательских работ, свободу судоходства, использование природных ресурсов, добычу углеводородов и ведение рыбного промысла в международных водах. Правда, возможное расширение суверенных прав любого из арктических государств, как и увеличение размеров их исключительной экономической зоны, приведёт к одновременному значительному сокращению международных арктических вод. В настоящее время подобное развитие событий беспокоит многие неарктические страны. Речь идёт о заявке России на подводную часть территории Северного Ледовитого океана между хребтами Ломоносова и Менделеева, которая была подана в ООН в 2015 году (*рис. 1*). В случае положительного решения этого вопроса³ Россия может получить право единолично распоряжаться ресурсами шельфа в этом районе, арктическая территория Российской Федерации увеличится на 1,2 млн км² и 4,9 млрд т.у.т. углеводородного сырья. Многие страны, включая Китай, окажутся в этом случае в невыгодном положении в связи с сокращением площади международных вод в Арктике.

Китаю принципиально важно получить доступ к арктическим месторождениям углеводородов и рудных полезных ископаемых, так необходимых для функционирования национальной промышленности. Чтобы поддерживать стабильно высокие темпы промышленного роста, КНР вынуждена импортировать всё более широкий ассортимент природных ресурсов, часть из которых для удовлетворения внутреннего спроса ранее добывалась в достаточных объёмах внутри страны. Учитывая, что 88–95% потенциальных арктических ресурсов находятся в исключительных экономических зонах пяти прибрежных арктических государств, Китай вынужден активно сотрудничать с данными странами в добыче полезных ископаемых [9, с. 55].

¹ По мнению китайских экспертов, результаты исследований Арктики необходимы стране для получения более чёткого представления об отрицательных последствиях влияния изменения климата в Арктике на окружающую среду Китая и в первую очередь на его сельское хозяйство. В настоящее время установлено, что потоки арктических воздушных масс являются главной причиной чрезвычайных погодных условий в Китае и сильно воздействуют на экономическое и социальное развитие страны. При этом, как отмечается, современная КНР продвинулась в плане научно-технического освоения Арктики дальше многих арктических держав, включая Россию [7, с. 114].

² Отметим, что до настоящего времени по дипломатическим каналам Китай не демонстрирует своих явных и активных претензий на Арктический регион, понимая, что чрезмерная политическая деятельность в Арктике может спровоцировать конфликт, подобный возникшему в Южно-Китайском море. В последнем случае позиция КНР по спорным территориям привела к ситуации, когда страны региона (Индия, Япония, Вьетнам, Республика Корея, Филиппины, Малайзия и Индонезия) объединились и активно противодействуют попыткам Пекина захватить контроль над Южным морем [7, с. 116].

³ В начале апреля 2019 г. подкомиссия ООН заявила о признании геологической принадлежности 1,2 млн км² территорий, которые Россия включает в расширенные границы континентального шельфа, к структурам продолжения шельфа Российской Федерации. По заявлению главы Роснедр Евгения Киселёва, официальное признание спорной территории шельфа за Россией в ООН может произойти «в течение двух–трёх сессий» (<https://topwar.ru/156372-stalo-izvestno-ob-odobrenii-v-onn-zajavki-na-rasshirenie-arkticheskogo-shelfa-rf.html>).

Рис. 1. Площадь расширенного континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане за пределами 200-мильной зоны

Источник: <https://eadaily.com/ru/news/2019/04/03/podkomissiya-oon-odobrila-zayavku-rossii-na-kontinentalnyy-shelf-v-arktike>

В качестве главного партнёра в освоении Арктики Китай выбрал Россию. Масштабным примером сотрудничества двух стран в Арктике выступает проект производства сжиженного газа «Ямал СПГ», в котором китайской стороне принадлежит почти треть¹. Наряду с этим Китай готов вкладывать средства в строительство нового глубоководного порта в Архангельске и железнодорожной магистрали Белкомур (Белое море – Коми – Урал), которая на 800 км сократит путь из Сибири до Белого моря. В этом проекте архангельский порт с грузооборотом около 30 млн тонн в год выступит пунктом «стыковки» СМП с российской системой железных дорог [16].

¹ В составе акционеров «Ямал СПГ» значатся российский «НОВАТЭК» (располагает 50,1% акций), французский концерн Total (20% акций), китайские China National Petroleum и Silk Road Fund (20% и 9,9% акций соответственно). Ресурсной базой завода является Южно-Тамбейское месторождение с запасами 926 млрд м³ газа (<https://www.vedomosti.ru/business/news/2015/12/17/621420-fond-shelkovogo-puti-yamal-spg>).

Другими словами, кроме природных ресурсов выделяется ещё как минимум одно обстоятельство, стимулирующее интерес Китая к российской части Арктики, – вопросы транспортной логистики по маршруту Азия – Европа (*рис. 2*). Поскольку весомую роль в наращивании экономического потенциала Китая играют морская торговля и наличие стратегических морских путей, то очевидно, что без использования Северного морского пути Китаю не удастся создать по-настоящему глобальную систему морской торговли в XXI в.

Рис. 2. Сравнение маршрутов транспортировки грузов из Даляня (Китай) в Роттердам (Нидерланды) через СМП и Суэцкий канал

Источник: <https://territoryengineering.ru/infrastrukturnaya-revolyutsiya/infra-revolution/>

Отметим отсутствие в настоящее время единого экспертного мнения о коммерческой привлекательности СМП для перевозки транзитных грузов.

Так, руководство крупнейшей в мире датской судоходной компании «Maersk», занимающей 16% рынка морских контейнерных перевозок, базируясь на результатах тестового рейса из Норвегии в Республику Корея (2018 г.), убеждено в низком коммерческом потенциале Северного морского пути [22], что определяется ограниченным временем навигации, расходами на ледоколы¹ и неразвитой инфраструктурой. По мнению руководства «Maersk», СМП станет коммерчески привлекательным не раньше, чем через 20–30 лет [10].

¹ На некоторых участках пути, например, между островами Врангеля и Новая Земля (свыше 3,5 тыс. км), требуется ледовая проводка даже в летнее время. Это значительно снижает скорость перехода (дооборудование судна снижает его скорость на 10–15%, а плавающие льды – в 2 раза), обледенение судов снижает полезную загрузку и повышает расход топлива. В связи с этим СМП используется преимущественно Россией для организации «северного завоза», транспортировки добываемого на Севере сырья и для ряда других целей [16].

Другие эксперты утверждают, что уже в ближайшее время следует ожидать интенсивного роста транзитных перевозок в этом направлении, а главным преимуществом СМП выступает возможность экономии времени и финансов [6; 15]. Ключевым аргументом при этом является интенсивное сокращение (на 2,3 млн км²) площади льда в Арктике с 1984 г. по 2018 гг. [20].

Несмотря на существующие организационные, экономические и климатические проблемы эксплуатации СМП, Китай демонстрирует повышенную активность в попытках использования Северного морского пути для транспортировки грузов в Европу. Значительная роль в этом принадлежит экономическим причинам: СМП на 6 400 км короче маршрута, проходящего через Суэцкий канал, как следствие, суда потребляют меньше топлива. По расчётам китайских экономистов, проведение одного контейнеровоза или сухогруза по СМП экономит от 0,5 до 3,5 млн долларов США [1, с. 115] и две недели [13] в сравнении с вариантом транспортировки через Суэцкий канал.

Арктическая стратегия Китая и документы, её закрепляющие

Основы современной арктической политики Китая были заложены в 2012 г. на XVIII Всекитайском съезде Коммунистической партии, где был провозглашён курс на превращение КНР в великую морскую державу [3, с. 44]. В 2013 г., развивая эти предложения, Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул инициативу «Один пояс и один путь» [18]. Суть названной инициативы – модификация существующих и поиск новых механизмов регионального экономического партнёрства, стимулирование экономического роста вовлечённых в инициативу стран, укрепление связей между разными цивилизациями, а также содействие сохранению мира и устойчивого развития. Реализация инициативы «Один пояс и один путь» включена в число важнейших мероприятий правительства страны.

В 2017 г. к числу морских коридоров инициативы «Один пояс и один путь» был официально добавлен «Северный шёлковый путь», обеспечивающий кратчайшую транспортную связь Китая с Европой через российский Северный морской путь. Это явилось одной из причин публикации в 2018 г. китайской национальной арктической стратегии («Белая книга») [13; 19]. В «Белой книге» отмечается, что, хотя Китай не является арктической державой, это не мешает ему «пытаться понять, защищать, развивать и участвовать в управлении Арктикой» [19]. Заложенная в документе дипломатическая модель участия КНР в освоении Арктики предполагает развитие отношений со всеми арктическими странами, однако акцент делается на развитии отношений с Россией как со страной, располагающей огромными запасами природных ресурсов на своих арктических территориях, имеющей самую длинную береговую линию в Северном Ледовитом океане и контролирующей СМП. При этом подчеркнём, что, несмотря на взаимный интерес и совместно реализуемые проекты в Арктике, позиции Китая и России в отношении использования Северного морского пути кардинально различаются. В китайской арктической стратегии, изложенной в «Белой книге», заложены принципы свободного судоходства в Арктике, а Россия стремится к полному контролю над этой транспортной артерией, что вполне естественно, поскольку СМП проходит вдоль её арктического побережья [11].

Проблемы организации эффективной работы арктической транспортной инфраструктуры и создания рациональной системы управления в АЗРФ

Интерес Китая и мирового сообщества к использованию российского Северного морского пути как арктической транспортной артерии ставит перед Россией ряд вопросов в части организации эффективной работы арктической транспортной инфраструктуры и создания рациональной системы управления в АЗРФ.

Во-первых, организация эффективной работы СМП невозможна без реализации единой скоординированной государственной политики на всей территории Арктической зоны России. В феврале 2019 г. Президент РФ Владимир Путин подписал указ о передаче функций по развитию АЗРФ Министерству по развитию Дальнего Востока РФ, одновременно возложив на это ведомство дополнительные функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере развития Арктической зоны страны¹. При этом до сих пор Арктическая зона РФ не определена в нормативных документах как единый объект регулирования хозяйственной деятельности, объединяя в одном понятии («АЗРФ») различные по статусу административно-территориальные образования (как отдельные субъекты РФ, так и муниципалитеты). Сохраняющаяся институциональная нечёткость в отношении АЗРФ приводит к тому, что государственные ведомства и каждый из 8 арктических субъектов РФ реализуют здесь собственные стратегии развития, механизмы взаимодействия и координации между которыми в настоящее время не прописаны [11]. Не случайно, выступая в апреле 2019 г. на V Международном арктическом форуме, В.В. Путин заявил, что до конца этого года в России необходимо разработать и принять новую «Стратегию развития АЗРФ до 2035 г.», которая должна установить правовые рамки деятельности в Арктике². Другими словами, Россия, располагая огромными арктическими территориями и длительным опытом освоения этого региона, в настоящее время находится в состоянии формирования рациональной системы управления в этом регионе и создания эффективно работающей арктической транспортной инфраструктуры.

При этом Китай, не имеющий ни арктических, ни антарктических территорий, в организации управления своей «полярной деятельностью» гораздо более последователен. В структуре его органов власти функционирует особая Арктическая и Антарктическая Администрация (Chinese Arctic and Antarctic Administration), на которую возложена ответственность за координацию и выполнение научных программ, наращивание активности на этих направлениях [1, с. 243].

Во-вторых, серьёзными проблемами российской Арктики являются её слабая заселённость, назревшие вопросы с реализацией концепции расселения населения в регионе [12] и связанная с этим проблема транспортной доступности. Если в советское время «освоение» и «заселение» региона понимались как синонимы, и государство предпочитало заселять Арктику и Крайний Север, создавая здесь крупные города, то в 1990-е гг. возобладала концепция освоения ресурсов вахтовым методом, что привело к упадку социальной инфраструктуры во многих северных населённых пунктах. В настоящее время в регионе применяется государственно-корпоративная модель трудоустройства, ориентированная на вахтовый метод при освоении ресурсов во вновь создающихся точках роста и на стационарные поселения в староосвоенных районах при условии постепенного перевода постоянных поселений в вахтовый режим. Отмечается наличие сильной государственной поддержки коренных малочисленных

¹ Указ Президента РФ № 78 от 28 февраля 2019 г. «О совершенствовании государственного управления в сфере развития Арктической зоны РФ».

² <http://ysia.ru/rossijskuyu-strategiyu-arktiki-do-2035-goda-primut-v-etom-godu/>

народов Севера в местах их компактного проживания. Грузы для местных жителей завозят из базовых портов и опорных баз юга страны в рамках северного завоза.

При этом география транспортной сети, сформировавшейся в российской Арктике, достаточно проста и включает Северный морской путь как основную широтную магистраль и выходящие к ней с юга меридиональные (водные и сухопутные) трассы, требующие соединения между собой. Для современной ситуации характерно наличие значительного числа проблем по всем составляющим системы транспортной инфраструктуры арктического региона [8].

В-третьих, одним из главных вопросов развития транспортной инфраструктуры АЗРФ, имеющей не только российское, но и международное значение, является строительство автомобильного и железнодорожного мостов через реку Лену у Якутска. В настоящее время Амуро-Якутская железнодорожная магистраль заканчивается у станции Нижний Бестях, находящейся на противоположном от Якутска берегу реки. Автодорожный мост является основным звеном российского «Северного широтного пояса» – транспортного коридора от Иркутска до Магадана, связывающего Восточную Сибирь с портами Охотского моря. С другой стороны, железнодорожный мост через Лену соединит Транссиб и БАМ с СМП, что позволит в перспективе создать международный транспортный коридор от Европы до Китая через СМП, Тикси, Якутск и Благовещенск. Это возможно при условии реконструкции порта Тикси и строительства причалов на реках Анабар, Яна, Индигирка и Колыма. В этом случае Якутск, оказавшись на пересечении сухопутных и водных путей, может превратиться в оживлённый транспортный узел. Как отмечают эксперты, вовлечение в систему российского СМП речного пункта пропуска «Джалинда», расположенного вблизи пересечения Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожных магистралей, обеспечит более короткий международный транспортный коридор («Северный транзит») [5]. Участок «Мохэ (Китай) – Джалинда – Сковородино – Тында – Нерюнгри – Якутск» позволит связать КНР с СМП через Амурскую область и Якутию. Новый транспортный коридор может явиться наземной частью маршрута «Северный шёлковый путь», который расценивается Китаем как важный элемент развития его морских торговых путей и рассматривается как дополнительный наземный транспортный маршрут СМП и «Северного шёлкового пути» в перспективе [4].

В связи с развитием Северного морского пути и дальневосточных транспортных коридоров на Китай, Японию и Республику Корея, Дальний Восток России совместно с Аляской может превратиться в крупнейший «перекрёсток» морских дорог и узел важнейших политико-экономических проблем. Для решения возникающих проблем и расшивки «узких мест» необходимо активное взаимодействие России не только с арктическими странами, но и со странами АТР, в первую очередь – с Китайской Народной Республикой.

Предпосылки и перспективы развития партнёрских отношений Китая и России в Арктике

Эксперты выделяют несколько групп предпосылок развития партнёрских отношений России и Китая в части совместной деятельности в Арктике [2; 3; 17]:

1) Геополитические факторы. Оба государства декларируют предпочтение конструктивного диалога в вопросах развития стабильного и сбалансированного международного сотрудничества в арктическом регионе, выступают против иностранного вмешательства в суверенные дела других государств. Сближение позиций России и Китая в части развития Арктики в значительной степени определяется резким ухудшением отношений между Москвой, Европой и США в рамках «санкционной войны». На фоне украинского кризиса российско-ки-

тайское сотрудничество в экономической сфере (особенно в нефтегазовой) приобрело новый мощный стимул.

2) Транспортные факторы. Растущая экономика Китая требует новых, более экономичных путей экспорта товаров и импорта ресурсов. Суровые климатические условия Арктического региона позволяют осуществлять навигацию лишь в три летних месяца, что не устраивает ритмично работающую экономику Китая. Отсутствуют в КНР и специалисты-полярники, а также ощущается нехватка транспортных средств для передвижения в Арктике (на данный момент у Китая в наличии лишь 2 ледокола). Для решения названных вопросов Китай нуждается в сотрудничестве с Россией.

3) Экономические факторы. В обозримом будущем Китай сохранит за собой роль одного из крупнейших в мире потребителей энергоресурсов, в то время как добыча энергоресурсов в Арктике является достаточно конкурентоспособной для России. В условиях существующей «санкционной войны» США и Европы против РФ и декларируемого Россией «поворота на восток» Китай может легко зарезервировать себе существенные источники арктических энергоресурсов в российской зоне, не контролируемой западными странами.

4) Инвестиционные факторы. Экономика России нуждается в китайских инвестициях для развития арктической транспортной и производственной инфраструктуры, финансирования проектов добычи углеводородного сырья на арктическом шельфе, реализации программ развития опорных зон в АЗРФ.

5) Технологические факторы. Экстремальные условия освоения Арктики предоставляют Китаю возможность для тестирования новейших технологий, инструментов и материалов в части их дальнейшего использования, что, в свою очередь, позволяет России компенсировать выпадающие из-за санкций технологии и технологические решения, необходимые для реализации её арктических проектов.

Другими словами, современная геополитическая и экономическая ситуация даёт основания для развития двусторонних российско-китайских отношений в Арктике. При этом, правда, традиционное присутствие России в Арктике входит в противоречие с появившимися исторически относительно недавно арктическими амбициями Китая. У России есть основания опасаться стремительного вхождения КНР в арктические дела. Даже интерес Китая к СМП и объявленная программа строительства флота собственных ледоколов и судов для работы в Арктике¹ могут интерпретироваться как стремление Китая установить монополию на использование этой транспортной артерии и снизить цену перевозки, ухудшив этим ситуацию России на транспортном рынке.

Тем не менее, Российская Федерация, обладающая Северным морским путём и значительной частью арктических ресурсов планеты, выступает для Китая важнейшим партнёром в реализации его амбициозных планов в Арктике. В обмен на доступ к использованию СМП и ресурсов арктического региона Китай готов предложить России инвестиции и передовые технологии.

Выводы

Китай, не имеющий формальных прав претендовать на титул арктической державы, стремится активизировать свою деятельность в Арктике, делая ставку в национальной арктической стратегии на кооперацию и «тактику настойчивости», свойственную этой восточной державе в реализации как национальных, так и международных проектов. Если на первом

¹ <http://www.inosmi.info/kitay-planiruet-vvesti-v-ekspluatatsiyu-atomnyy-ledokol.html>

этапе международного сотрудничества в Арктике полярные научные исследования являлись для КНР инструментом «мягкой силы», позволявшим закрепиться в полярном регионе, то в долгосрочной перспективе Китай уже рассматривает Северный морской путь Российской Федерации как составную часть собственного национального «Северного шёлкового пути».

В перспективе, одновременно с ростом экономической мощи Китая, следует ожидать активизации усилий КНР в борьбе за передел сфер влияния в Арктике, попыток «прогнать» формирующееся экономическое пространство полярного региона в свою сторону.

Освоение Арктики ставит перед Россией задачу сохранения этого региона как национальной ресурсной базы и транспортной артерии, поэтому российские долгосрочные отношения с Китаем в деле хозяйственного освоения Арктики должны строиться с учётом национальных интересов, на компромиссе взаимодействия и соперничества. Поиск разумного баланса в этом вопросе является для России важной задачей XXI в., которую ещё только предстоит решить.

Список литературы

1. Арктическое пространство России в XXI веке: факторы развития, организация управления / Под ред. В.В. Ивантера. СПб.: Наука, 2016. 1040 с.
2. Ван Ц. Российско-китайские отношения в Арктике: проблемы и перспективы // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 1. С. 92–97.
3. Гао Т. Сотрудничество России и Китая в Арктике в формате опорных зон // Вестник университета. 2018. № 4. С. 43–50.
4. Глумова Ж.Е. Сотрудничество России и Китая в нефтегазовой сфере на примере совместного газового проекта «Сила Сибири» и заполярного проекта «Ямал-СПГ» (по материалам китайских СМИ) // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 2. С. 35–41.
5. Гомилевская Г.А., Сакун В.С. Возможности государственно-частного партнерства при создании региональных предпринимательских проектов на примере концепции приграничного кластера «Джалинда» в Амурской области // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2016. Т. 8. № 4. С. 92–109.
6. Евдокимов Г. Арктический транспортный флот // Морская стратегия России и приоритеты развития Арктики. Апатиты: КНИЦ РАН, 2013. С. 170–173.
7. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–145.
8. Заостровских Е.А. Морские порты Восточной Арктики и опорные зоны Северного морского пути // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 6. С. 92–106. DOI: 10.14530/reg.2018.6.92
9. Комиссина И.Н. Арктический вектор внешней политики Китая // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 1. С. 54–73.
10. Корнилов В.Д. Почему западный транзит не спешит в Арктику // Морские вести России. 2013. № 16. С. 8–9.
11. Леонов С.Н. Взаимодействие России и Китая в Арктике // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 3. С. 7–16. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).7-16
12. Леонов С.Н. Проблемы трудоустройства регионов российской Арктики // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 2. С. 56–63.
13. Мануков С. «Белая книга» Китая: Пекин бросает все силы на освоение Арктики. URL: <https://planet-today.ru/geopolitika/item/82511-belaya-kniga-kitaya-pekina-brosaet-vse-sily-na-osvoenie-arktiki> (дата обращения: 08.10.2019).

14. Митько А. Китайские ледоколы на СМП. URL: <https://ru.arctic.ru/analytic/20180419/737492.html> (дата обращения: 08.10.2019).
15. Михайличенко В.В. Северный морской путь – национальная транспортная магистраль России в Арктике // Российский Север: модернизация и развитие. М.: Центр стратегического партнерства, 2012. С. 350–353.
16. Морозов Ю.В., Клименко А.Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «Арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2005. Т. 20. № 20. С. 173–191.
17. Ягья В.С., Харлампьева Н.К., Лагутина М.Л. Арктика – новый регион внешней политики Китая // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43–52.
18. Action plan on the Belt and Road Initiative. URL: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (дата обращения: 08.10.2019).
19. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (дата обращения: 08.10.2019).
20. Hansen C.O., Gronstedt P., Graversen C.L., Hendriksen C. Arctic Shipping – Commercial Opportunities and Challenges. URL: <https://services-webdav.cbs.dk/doc/CBS.dk/Arctic%20Shipping%20-%20Commercial%20Opportunities%20and%20Challenges.pdf> (дата обращения: 08.10.2019).
21. Humpert M. China Publishes First Ever Comprehensive Arctic Policy URL: <https://www.highnorthnews.com/en/china-publishes-first-ever-comprehensive-arctic-policy> (дата обращения: 08.10.2019).
22. Review of Maritime Transport 2018. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2018_ru.pdf (дата обращения: 08.10.2019).

References

1. *Arctic Space of Russia in XXI Century: Development, Organization of Management*. Ed. by V.V. Ivanter. S.-Petersburg, 2016. 1040 p. (In Russian)
2. Wan J. Russian-Chinese Relations in the Arctic: Problems and Prospects. Nauchno-tehnicheskiye vedomosti SPbGPU. *Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]. 2016. No. 1. Pp. 92–97. (In Russian)
3. Gao T. Collaboration between Russia and China in the Arctic in the Format of Development Zones. *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University]. 2018. No. 4. Pp. 43–50. (In Russian)
4. Glumova Z.E. Cooperation between Russia and China in the Oil and Gas Sphere as Exemplified by the Joint Gas Project «Power Of Siberia» and the Polar Project «Yamal-LNG» (Based on Chinese Media). *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya* [Russian and Chinese Studies]. 2019. Vol. 3. No. 2. Pp. 35–41. (In Russian)
5. Gomilevskaya G.A., Sakun V.S. Opportunities for Public-Private Partnership to Create and Development of Cross-Border Clusters on the Example of Cluster «Dzhalinda» in the Amur Region. *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service]. 2016. Vol. 8. No. 4. Pp. 92–109. (In Russian)
6. Evdokimov G. Arctic Transport Fleet. In: *Maritime Strategy of Russia and the Development Priorities of the Arctic*. Apatity, 2013. Pp. 170–173. (In Russian)
7. Zhuravel V.P. China, Republic of Korea, Japan in the Arctic: Politics, Economy, Security. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2016. No. 24. Pp. 112–145. (In Russian)
8. Zaostrovskikh E.A. Eastern Arctic Seaports and Support Zones of Northern Sea Route. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 6. Pp. 92–106. DOI: 10.14530/reg.2018.6.92 (In Russian)

9. Comissina I.N. Arctic Vector of China's Foreign Policy. *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of National Strategy]. 2015. No. 1. Pp. 54–73. (In Russian)
10. Kornilov V.D. Why the West Does Not Hurry Transit in the Arctic. *Morskiye vesti Rossii* [Marine News of Russia]. 2013. No. 16. Pp. 8–9. (In Russian)
11. Leonov S.N. Cooperation of Russia and China in the Arctic. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya* [Russian and Chinese Studies]. 2019. Vol. 3. No. 3. Pp. 7–16. DOI: 10.17150/2587-7445.2019.3(3).7-16 (In Russian)
12. Leonov S.N. Problems of Labor Supply of The Russian Arctic Regions. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri* [Problems of Social and Economic Development of Siberia]. 2018. No. 2. Pp. 56–63. (In Russian)
13. Manukov S. «White Book» of China: Beijing Throws All Its Forces on the Development of the Arctic. Available at: <https://planet-today.ru/geopolitika/item/82511-belaya-kniga-kitaya-pekina-brosaet-vse-sily-na-osvoenie-arktiki> (accessed 8 October 2019). (In Russian)
14. Mitko A. *Chinese Icebreakers on the NSR*. Available at: <https://ru.arctic.ru/analytic/20180419/737492.html> (accessed 8 October 2019). (In Russian)
15. Mikhailichenko V.V. Northern Sea Route – Russia's National Transportation Route in the Arctic. In: *Russian North: Modernization and Development*. Moscow, 2012. Pp. 350–353. (In Russian)
16. Morozov Yu.V., Klimenko A.F. China and Other North-East Asian States in the «Arctic Race». *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity]. 2005. Vol. 20. No. 20. Pp. 173–191. (In Russian)
17. Yagya V. S., Kharlampieva N. To., Lagutina M. L. The Arctic – A New Region of China's Foreign Policy. *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of PFUR. International Relations Series]. 2015. No. 1. Pp. 43–52. (In Russian)
18. *Action Plan on the Belt and Road Initiative*. Available at: http://english.gov.cn/archive/publications/2015/03/30/content_281475080249035.htm (accessed 8 October 2019).
19. *China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Jan. 2018. First Edition 2018*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (accessed 8 October 2019).
20. Hansen C.O., Grønsedt P., Graversen C.L., Hendriksen C. *Arctic Shipping – Commercial Opportunities and Challenges*. URL: <https://services-webdav.cbs.dk/doc/CBS.dk/Arctic%20Shipping%20-%20Commercial%20Opportunities%20and%20Challenges.pdf> (accessed 8 October 2019).
21. Humpert M. *China Publishes First Ever Comprehensive Arctic Policy*. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/china-publishes-first-ever-comprehensive-arctic-policy> (accessed 8 October 2019).
22. *Review of Maritime Transport 2018*. Available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2018_ru.pdf (accessed 8 October 2019).

■ ■ ■
Для цитирования:

Леонов С.Н. Активизация политики Китая в Арктике: предпосылки, проблемы, перспективы // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 50–61. DOI: 10.14530/reg.2019.5.50

For citing:

Leonov S.N. Activation of China's Policy in the Arctic: Background, Problems, Prospects. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 50–61. (In Russian). DOI: 10.14530/reg.2019.5.50

**БАРДАЛЬ
Анна
Борисовна**

Кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**BARDAL
Anna
Borisovna**

PhD in economics, assistant professor, leading research fellow

Economic Research
Institute FEB RAS, 153,
Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

Bardal@ecrin.ru

© Бардаль А.Б., Грицко М.А.,
Хван И.С., Халикова С.С.,
2019

УДК 332.1

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ МАКРОРЕГИОНЕ: ИНТЕГРАЛЬНАЯ ОЦЕНКА

Дальний Восток России в настоящее время является объектом активной экономической политики государства. В качестве одного из приоритетов результативности социально-экономического развития макрорегиона выступает повышение качества жизни и создание комфортных условий проживания и осуществления трудовой деятельности. Цель проведённого исследования – оценка изменения качества жизни населения Дальнего Востока в 2005–2017 гг. При этом специфика и новизна исследования состоят в дополнении количественных показателей качественными оценками. Используются экономико-статистические и социологические (очный анкетный опрос) методы.

Дальний Восток России, качество жизни, индексы, социальная инфраструктура, доходы населения, транспортное обслуживание населения

QUALITY OF LIFE IN THE FAR EASTERN MACROREGION: INTEGRAL ASSESSMENT

The Russian Far East is currently an object of an active economic policy of the state. One of the priorities of the effectiveness of the socio-economic development of the region is improving the quality of life and creating comfortable living conditions and employment. The purpose of the study is to assess changes in the quality of life of the population of the Far East in 2005–2017. At the same time, the specificity and novelty of the study consist in the addition of quantitative indicators to qualitative assessments. The economic-statistical and sociological (full-time questionnaire survey) methods are used.

Russian Far East, quality of life, indices, social infrastructure, population incomes, population transportation services

**ГРИЦКО
Мария
Анатовьевна**

Кандидат экономических наук, учёный секретарь, старший научный сотрудник
Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**GRITSKO
Maria
Anatolyevna**

PhD in economics, scientific secretary, senior research fellow

Economic Research Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

gritsko@ecrin.ru

Введение

Опережающее экономическое развитие, повышение качества жизни и создание комфортных условий для проживания и осуществления трудовой деятельности на Дальнем Востоке¹ относятся к приоритетным направлениям государственной региональной политики России на современном этапе. Этот макрорегион представляет естественную контактную зону со странами Северо-Восточной Азии, в связи с чем имеет важное стратегическое геополитическое значение для страны.

Реализация поставленной цели по ускоренному развитию макрорегиона сопровождается рядом институциональных новаций, в числе которых создание территорий опережающего развития, программа «дальневосточный гектар», режим свободного порта Владивосток, доведение энергетических тарифов до среднероссийского уровня, субсидируемые авиаперевозки для льготных категорий [13]. Готовится к утверждению «Национальная программа развития Дальнего Востока до 2025 г. и на перспективу до 2035 г.», одной из задач которой является повышение параметров качества жизни и социального развития макрорегиона до уровня, превышающего среднероссийский [12; 15].

Для Дальнего Востока данная задача приобретает особую актуальность в связи с тем, что, несмотря на уже реализуемые в макрорегионе меры государственной региональной политики, отток населения из дальневосточных субъектов РФ сохраняется. Отрицательное миграционное сальдо за 2005–2017 гг. составило 278,5 тыс. человек, из которых порядка 50% относятся к категории населения трудоспособного возраста. Среди причин отъезда с Дальнего Востока выделяются: низкая обеспеченность жильём, качественными услугами здравоохранения, образования, связи, нехватка современных объектов культуры и спорта, неудовлетворительная транспортная доступность, отставание в благоустройстве городов и посёлков [10].

В этой связи оценка параметров качества жизни в макрорегионе имеет актуальность не просто с точки зрения анализа накопленного в макрорегионе потенциала, но и изучения его динамики и понимания сложившихся тенденций.

Цель исследования состояла в оценке качества жизни населения Дальнего Востока в 2005–2017 гг. При этом специфика и новизна исследования заключались в адаптации методики оценки качества жизни к условиям конкретного региона, а также дополнении аналитических расчётных показателей качественными оценками.

¹ Дальний Восток рассматривается в границах ДФО по состоянию на начало 2018 г.

**ХВАН
Инна
Сукиловна**

Кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
ул. Муравьева-Амурского, 33,
Хабаровск, Россия, 680000

**KHVAN
Inna
Sukilovna**

PhD in economics, associate professor, head of the chair
Far Eastern Institute of Management – Branch of RANEPH,
33, Muravyev-Amurskiy Street,
Khabarovsk, Russia, 680000

iskhvan@mail.ru

Дальний Восток России – это значительный по площади, географически удалённый от центральных и западных районов страны регион с неравномерно распределёнными, локализованными в пространстве очагами расселения и ведения хозяйственной деятельности. Учитывая вышесказанное, наличие комфортных транспортных услуг, доступных для населения, является одной из важных составляющих общей оценки качества жизни в макрорегионе. Для оценки удовлетворённости транспортом нами было проведено социологическое исследование, результаты которого дополняют проведённые расчёты.

В научной литературе среди множества работ, посвящённых оценке качества жизни населения, можно выделить как минимум два укрупнённых направления.

Исследователи, придерживающиеся первого из них, исходят из определения интегрального показателя качества жизни населения по аналогии с расчётом индекса человеческого развития (ИЧР)¹. Интегральный показатель рассчитывается на основе трёх индикаторов, выступающих основными характеристиками развития человеческого потенциала и качества жизни: уровень жизни, измеряемый доходами населения; образование (сочетание показателей грамотности и образованности) и долголетие (ожидаемая продолжительность жизни). Принимая ряд допущений (о равном обеспечении граждан базовыми свободами, уровне безопасности, равном качестве предоставляемого образования, сильной прямой зависимости уровня ВВП на душу населения и среднедушевого дохода), показатель позволяет провести сравнительную оценку между странами и определить вклад каждого элемента в достижение общего показателя [26].

Современные работы, основанные на данном подходе к измерению качества жизни, различаются составом включённых в интегральный индекс индикаторов. Помимо учитываемых при расчёте ИЧР показателей включаются данные о демографической ситуации, уровне криминогенности, экологической ситуации, культуре, спорте, уровне благоустройства и т.д.².

Второе направление исследований в области оценки качества жизни основывается на работах научного коллектива ЦЭМИ РАН под руководством С.А. Айвазяна. Соответствующая методика рассматривает качество жизни как комплексную многоаспектную категорию, оценка которой зависит от множества факторов. Для определения интегрального показателя используется пять компонентов, каждый из которых включает

¹ До 2013 г. использовался индекс развития человеческого потенциала.

² См., например, следующие работы [8; 11; 14; 16; 17; 20; 21; 23; 24; 30].

ХАЛИКОВА
Светлана
Сергеевна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права

Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС,
ул. Муравьева-Амурского, 33,
Хабаровск, Россия, 680000

HALIKOVA
Svetlana
Sergeevna

PhD in sociology, associate professor of the chair of state and municipal administration and service law

Far Eastern Institute of Management – Branch of RANEPH,
33, Muravyev-Amurskiy Street,
Khabarovsk, Russia, 680000

halikovas@yandex.ru

несколько показателей: 1) качество населения (12 показателей), 2) благосостояние (14 показателей), 3) социальная безопасность (или качество социальной среды) (11 показателей), 4) качество окружающей среды (8 показателей), 5) природно-климатические условия. При этом показатели природно-климатических условий оцениваются экспертами по нескольким параметрам и применяются в виде поправочных коэффициентов в общих индексах качества жизни [2; 3; 18].

Различия в подходах к оценке качества жизни, помимо двух описанных выше направлений, состоят также в характере используемых показателей. Выделяют субъективный подход, при котором качество жизни определяется в зависимости от восприятия индивидами своего материального, физического, духовного состояния, обусловленного культурными особенностями и системой ценностей, принятой в данном обществе, устоявшимися жизненными стандартами социальной микро- и макросреды, ожиданиями и целями индивида. При объективном подходе используются статистические показатели, отражающие разные аспекты социально-экономического развития. Набор показателей зависит от конкретного региона, для которого проводится оценка, и должен отражать условия жизни на данной территории [4]. В публикациях представлен также комбинированный подход, при котором объективные показатели дополняются субъективными оценками [22; 27; 31].

Методология исследования

В рамках данного исследования авторы придерживались комбинированного подхода, заключающегося в сочетании наряду с широко используемыми количественными методиками качественных оценок по одному из блоков показателей. В соответствии с ним был рассчитан интегральный индекс качества жизни населения Дальнего Востока, включающий пять блоков показателей: 1) доходы населения, 2) здравоохранение, 3) образование, 4) жильё и 5) транспортные услуги. Выбранный перечень характеризует, по мнению авторов, ключевые составляющие качества жизни в макрорегионе. Обоснованность выбора подтверждается формулируемыми на федеральном уровне наиболее острыми проблемами социально-экономического развития Дальнего Востока на современном этапе [10].

В состав каждого из пяти блоков входили несколько показателей. Первый блок включал следующие показатели: номинальные среднедушевые денежные доходы (рублей), покупательная способность среднедушевых денежных доходов (раз). Второй блок – ожидаемая продолжительность жизни

(лет) и младенческая смертность (число детей, умерших до 1 года, на 1 тысячу родившихся живыми). Третий блок – число образовательных организаций начального, основного, среднего общего, среднего профессионального и высшего образования (ед./1 тыс. человек) и охват детей дошкольным образованием (%). Четвертый блок – средний размер жилой площади, приходящейся на одного человека ($\text{м}^2/\text{человека}$), удельный вес семей, состоявших на учёте в качестве нуждающихся в жилых помещениях, в общем числе семей (%) и коэффициент доступности жилья (годы)¹. Пятый блок – протяжённость автомобильных и железных дорог общего пользования (км), экономическая доступность транспортных услуг (соотношение транспортного тарифа на определённые виды транспорта² со среднедушевыми денежными доходами), коэффициент транспортной подвижности населения (поездок/человека), среднее расстояние перевозки (км) и пассажирооборот (пасс.-км).

Значения показателей для расчётов за 2005–2017 гг. в разрезе субъектов РФ были получены из Единой межведомственной информационно-статистической системы Росстата³. При расчётах использовались данные по стране в целом и всем субъектам РФ с тем, чтобы оценить компоненты качества жизни на Дальнем Востоке по сравнению со среднероссийским уровнем.

Поскольку отобранные для оценки качества жизни показатели имеют разные единицы измерения, для приведения их к единому диапазону был использован метод линейного масштабирования. По каждому из пяти блоков был рассчитан интегральный индекс, после чего полученные индексы по пяти блокам были сведены в общий интегральный индекс качества жизни путём нахождения среднеарифметического.

На каждом этапе расчётов при положительном влиянии индекса на качество жизни расчёт производился по формуле (1), при наличии обратной зависимости – по формуле (2):

$$I_i = \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (1)$$

$$I_i = 1 - \frac{X_i - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (2)$$

где: X_i – фактическое значение показателя; $X_{\min}$ – минимальное значение показателя; $X_{\max}$ – максимальное значение показателя.

В качестве референтных точек использовался минимум и максимум среди всех субъектов РФ.

В дополнение к расчёту интегрального индекса качества жизни были получены оценки доступности транспортных услуг и уровня удовлетворённости населения предоставляемыми услугами. Для этого было проведено исследование с использованием такого метода сбора эмпирической информации, как анкетный опрос, который позволил получить информацию, касающуюся объективных знаний, мнений, оценок поведения населения при получении транспортных услуг⁴. Репрезентативность выборки была обеспечена расчётом долевой

¹ Определялся по стандартной методике как соотношение номинальных доходов семьи из трёх человек и стоимости квартиры площадью 54 м^2 .

² Для расчёта принимался тариф на полёт в салоне экономического класса на 1 тыс. км пути.

³ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/databases/emiss/

⁴ Массовый очный опрос был проведён Дальневосточным институтом управления – филиалом РАНХиГС в Хабаровске в мае–июне 2018 г. Генеральную совокупность составило население Хабаровского края (опрос проводился в ключевых транспортных узлах краевого центра) старше 18 лет, пользующееся услугами междугороднего транспорта (авиатранспорт, железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, речной транспорт). Тип выборки – стратификационная, $n=600$. Выборка репрезентативна по гендерной, территориальной, возрастной принадлежности. Доверительный интервал равен 95%, ошибка выборки – 5%. Полученные данные обрабатывались с использованием программного обеспечения «Statistical Package for the Social Sciences».

представленности респондентов по признакам пола, возраста (от 18 лет и старше), территориальной принадлежности (городское, сельское население) с использованием статистических данных о численности рассматриваемых социальных групп в регионе и проведением ремонта выборки по завершении формирования базы данных опроса.

Опрос проводился в точках локализации предоставления транспортных услуг: аэропорт (внутренний и международный терминалы), железнодорожный вокзал, автовокзал. Выбор мест был обусловлен задачей максимального участия в опросе пользователей транспортных услуг всех имеющихся видов транспорта в системе междугороднего сообщения. Для сбора информации была разработана анкета, включающая вопросы о доступности транспортных услуг для населения региона. Доступность транспортных услуг трактовалась в рамках исследования как возможность населения пользоваться междугородним транспортом с учётом физической, временной и экономической составляющих. Вопросы анкеты были составлены в разрезе отдельных видов транспорта: воздушного, железнодорожного, автомобильного, речного.

Оценка текущей ситуации на Дальнем Востоке в разрезе пяти исследуемых блоков

Традиционно денежные доходы дальневосточников в номинальном выражении превышают среднероссийский уровень, на протяжении 2005–2017 гг. разрыв составлял порядка 13%. По итогам 2017 г. величина среднедушевых денежных доходов дальневосточников составила 37 070 рублей, превысив средний по стране показатель на 18%. При общей тенденции к росту денежных доходов отчётливо проявляется ежегодное снижение темпов их изменения, а также снижение их номинальных значений. Если в начальные годы исследуемого периода, в том числе во время финансового кризиса 2008 г., прирост номинальных денежных доходов населения Дальнего Востока сохранялся на уровне порядка 2 000 рублей в год, то в 2016 г. и 2017 г. он составил только 184,4 и 566 рублей соответственно. Впервые за исследуемый период произошло снижение номинальных денежных доходов населения в большинстве (шести) дальневосточных субъектов РФ. В 2016 г. исключением стали Республика Саха (Якутия), Хабаровский край и Сахалинская область. В 2017 г. число субъектов РФ с отрицательным темпом роста среднедушевых доходов сократилось до трёх: к ЕАО, демонстрирующей спад доходов на протяжении двух лет, добавились Хабаровский край и Сахалинская область, которые в 2016 г., напротив, входили в группу субъектов с положительным темпом роста показателя.

Низкие темпы экономического роста и сохранение темпов инфляции, превышающих рост доходов, обусловили падение реальных доходов населения. В 2014 г. зафиксировано снижение реальных располагаемых доходов в целом по экономике РФ. На Дальнем Востоке снижение темпов роста реальных доходов населения также началось в этот период, но до 2016 г. их изменение оставалось в положительной плоскости. Ситуация изменилась в 2016 г., когда снижение произошло во всех дальневосточных субъектах РФ, в наибольшей степени в Магаданской области (на 16,1%), Еврейской автономной области (на 11%) и Чукотском автономном округе (на 17,3%). В 2017 г. падение реальных доходов населения продолжилось в большинстве дальневосточных субъектов РФ. Незначительный прирост доходов населения Амурской и Магаданской областей и Чукотского автономного округа не компенсировал потери предыдущего периода.

Снижение реальных доходов населения привело к росту уровня бедности. Согласно используемому в российской практике абсолютному подходу бедными считаются лица, уровень дохода которых находится ниже величины прожиточного минимума. За рассматриваемый пе-

риод удельный вес данной категории населения в целом по стране снизился в 2012 г. до 10,7%, но с 2013 г. рост возобновился, и в течение трёх последних лет показатель не опускается ниже 13%. Общероссийская тенденция роста бедного населения характерна и для дальневосточных субъектов. При этом уровень бедности населения в ДФО выше среднероссийского, исключение составляют Сахалинская область и Чукотский автономный округ. В ЕАО за чертой бедности находится около 25%, в Республике Саха (Якутия) – 20% населения.

Соотношение величины среднедушевых доходов и прожиточного минимума характеризует потенциальные возможности населения по приобретению товаров и услуг и показывает, сколько наборов прожиточного минимума может приобрести человек исходя из имеющихся доходов. В большинстве дальневосточных субъектов, несмотря на относительно высокий уровень номинальных доходов, их покупательная способность ниже среднероссийского показателя. Так, в 2017 г. соотношение между величиной номинальных денежных доходов среднестатистического россиянина и величиной прожиточного минимума составляло 3,74, тогда как в дальневосточных субъектах оно варьировало от 2,14 в Еврейской автономной области до 4,16 на Чукотке.

Период 2014–2016 гг. характеризовался повсеместной отрицательной динамикой покупательной способности доходов населения как в целом по РФ, так и по регионам ДФО в частности, но уже в 2017 г. ситуация изменилась. При этом рост покупательной способности доходов произошёл и в тех субъектах РФ, где сократились среднедушевые доходы населения. Это обусловлено тем, что динамика показателя определяется исключительно изменением величины прожиточного минимума, которая устанавливается на уровне субъектов РФ и может варьировать исходя из имеющихся бюджетных ограничений (как повышаться, так и снижаться) независимо от доходов населения.

Показатели обеспеченности населения Дальнего Востока медицинским персоналом, больничными и амбулаторно-поликлиническими учреждениями в анализируемый период не уступают среднероссийским. По численности больничных коек на 10 тыс. человек в 2017 г. все дальневосточные субъекты РФ опережали среднероссийский показатель минимум на 7% (Хабаровский край), максимум – на 66% (Чукотский автономный округ).

При уровне обеспеченности населения РФ врачами всех специальностей 47,5 человека на 10 тыс. человек населения соответствующий дальневосточный показатель составляет 55,1 и характеризуется положительной динамикой изменения за анализируемый период – относительно 2005 г. показатель увеличился на 5,8%. Ситуация в региональном разрезе отличается. Низкий уровень обеспеченности отмечается в Камчатском и Приморском краях, а также Еврейской автономной области, в которой проблема нехватки врачей стоит наиболее остро – показатель составляет 37 человек.

По числу больничных коек обеспеченность дальневосточников также выше среднероссийского показателя – 99,6 против 80,5 в расчёте на 10 тыс. человек населения. При этом во всех дальневосточных субъектах РФ величина показателя выше среднего значения по стране.

Показатели обеспеченности населения медицинскими учреждениями и врачебным персоналом на Дальнем Востоке в условиях ежегодного сокращения численности населения при прочих равных условиях сохраняются на достаточно высоком уровне. Вместе с тем эффективность функционирования инфраструктуры здравоохранения низкая, о чём свидетельствуют показатели здоровья дальневосточников. Общий уровень заболеваемости населения на Дальнем Востоке в 2017 г. составил 796,1 случая на 1 000 человек населения при среднероссийском показателе 778,9. По ряду заболеваний разрыв более значителен: по инфекционным заболеваниям дальневосточный показатель выше на 20%, болезням органов дыхания – 7%, органов пи-

щеварения – 20%, врождённым аномалиям, деформациям и хромосомным нарушениям – 15%, по заболеваниям, вызванным травмами и другими внешними причинами – 13%.

Общий коэффициент смертности населения на Дальнем Востоке ниже среднего по стране – 12,1 промилле против 12,4, но по уровню младенческой смертности ситуация обратная – 5,8 и 5,6 промилле соответственно. Высокие показатели заболеваемости и смертности населения, в особенности мужчин трудоспособного возраста, обуславливают низкий уровень продолжительности жизни. По итогам 2017 г. продолжительность жизни дальневосточников достигла 70,09 года при среднем по стране показателе 72,7 года. В региональном разрезе отставание от среднероссийского показателя ещё более существенно. Так, в Чукотском автономном округе ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов составляет 66,1 года, в Еврейской автономной области – 68,83.

Важным элементом качества жизни населения является возможность получения образования различного уровня, что косвенно можно оценить через обеспеченность населения учреждениями образования.

Обеспеченность населения Дальнего Востока учреждениями образования в 2005–2017 гг. по всем уровням образования была выше среднероссийского уровня. Так, число образовательных организаций региона, осуществляющих образовательную деятельность по программам среднего профессионального образования, в 2017 г. составляло 199. Несмотря на то, что на Дальнем Востоке показатель обеспеченности выше, чем в среднем по Российской Федерации, внутри макрорегиона наблюдается разброс данного показателя от 0,17 в Амурской области до 0,80 в Чукотском автономном округе.

Число образовательных организаций высшего образования и научных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, в изучаемом периоде имеет негативную динамику. Количество ВУЗов в этот период на Дальнем Востоке уменьшилось с 49 до 35, филиальная сеть уменьшилась ещё более значительно (со 100 в 2005 г. до 35 в 2017 г.). Численность студентов ВУЗов на 10 000 человек населения сократилась с 494 в 2005 г. до 249 в 2017 г., то есть в 2 раза. При этом следует отметить, что если в 2005 г. данный показатель на Дальнем Востоке был несколько выше среднероссийского, то в 2017 г. стал ниже среднероссийского на 16%. Пространственное распределение учебных заведений на Дальнем Востоке неравномерно.

Охват детей дошкольным образованием в 2005–2017 гг. увеличился на 7,4%, составив к концу периода 67,9%. Положительная динамика определяется опережающим ростом числа воспитанников дошкольных учреждений на 42% при увеличении числа учреждений лишь на 7%.

Обеспеченность населения Дальнего Востока учреждениями, осуществляющими образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, выше среднероссийского уровня, но снизилась в рассматриваемый период с 0,43 до 0,38 школы на 1 тыс. человек. В макрорегионе за 2005–2017 гг. было закрыто 514 школ (снижение на 18% от общего числа), в то время как численность школьников уменьшилось на 6%. В результате удельный вес школьников, обучающихся во вторую и третью смены, на Дальнем Востоке стабильно выше (14,9% в 2017 г.), чем в среднем в Российской Федерации (12,6%).

Одним из ключевых блоков оценки качества жизни выступают жилищные условия, оценка которых проводилась прежде всего с точки зрения возможности их улучшения.

В 2005–2017 гг. общий жилищный фонд Дальнего Востока увеличился незначительно – с 132 до 146 млн м² (1,1%). В результате к 2017 г. площадь жилого помещения, приходящаяся в среднем на одного жителя, составила 23,7 м² при среднероссийском показателе 25,2 м². Удель-

ный вес ветхого и аварийного жилья превышает темп роста жилищного фонда, в 2017 г. его доля на Дальнем Востоке составляла 2,3%, в то время как в среднем по России – 0,7%.

Опережающие темпы снижения численности населения при низких темпах увеличения жилищного фонда на Дальнем Востоке определяют незначительное снижение численности нуждающихся в жилье (на 0,2% за 2005–2017 гг.), показатель был равен 116,2 тыс. человек в 2017 г. Удельный вес семей, нуждающихся в жилье в макрорегионе, в 2017 г. составил 4,7%, что выше среднероссийского уровня на 6%.

Коэффициент доступности жилья в ДФО по состоянию на 2017 г. составлял 2,4 года против 3,3 года в среднем по России¹. Основным положительным фактором, влияющим на данный показатель в макрорегионе, являются высокие номинальные денежные доходы населения. В 2017 г. относительно базового 2005 г. значение коэффициента доступности жилья сократилось на 1 год, что соответствует среднероссийской динамике.

Право свободного перемещения населения закреплено основным законом РФ, а возможность реализации этого права является важным показателем качества и комфортности проживания на определённой территории. Роль транспорта в обеспечении условий жизни на Дальнем Востоке более значима, чем в других регионах, поскольку: 1) макрорегион обладает значительной территорией (36% от общего показателя России), экономическое единство которой может быть обеспечено лишь развитой транспортной системой; 2) макрорегион отдалён от центральных и западных центров экономической активности, транспорт предоставляет возможность осуществлять деловые связи, поддерживать родственные контакты, перемещаться к местам отдыха, обучения и пр.; 3) макрорегион имеет приграничное положение с активно развивающимися странами Азии (в первую очередь КНР), при этом транспорт необходим для поддержания экономических и гуманитарных контактов. Транспортная дискриминация населения, то есть отсутствие возможности использовать транспортные услуги, может негативно повлиять на перспективы общего экономического развития Востока России [5; 6].

В 2005–2017 гг. динамика пассажирских перевозок на Дальнем Востоке не была однозначной. Сократились перевозки речным транспортом (на 38%), автомобильным (на 28%), железнодорожным (на 16%). Снижение численности перевезённых пассажиров было вызвано в том числе изменением институциональных условий: монетизация льгот на автомобильном транспорте, реформа системы пригородных перевозок на железнодорожном, изменение системы организации перевозок речным транспортом.

Положительные тенденции в 2005–2017 гг. наблюдались в пассажирских перевозках морским транспортом (рост в 9 раз): в последние годы восстанавливается система прибрежных перевозок в северных районах Дальнего Востока. Также положительная тенденция прослеживается в воздушных перевозках пассажиров (рост в 2,9 раз), в том числе как результат действия программ субсидирования федерального (с 2009 г.) и регионального (с 2013 г.) уровней.

Коэффициент транспортной подвижности населения является одним из ключевых при анализе динамики транспортных услуг для населения. Именно он был выбран одним из индикаторов результативности развития транспортной системы России в стратегической перспективе². За 2005–2017 гг. подвижность населения Дальнего Востока снизилась на 29,7% и составила в 2017 г. 84,2 поездки на человека (на 33% ниже, чем в среднем по России).

Изменение подвижности населения происходит под влиянием динамики 1) физической до-

¹ <http://www.urbanecomomics.ru/centr-obshchestvennyh-svyazey/news/ck-ieg-opublikovany-pokazateli-dostupnosti-zhilya-v-subektah-0>

² Например, согласно Транспортной стратегии РФ на период до 2030 г. предполагается рост данного показателя в 2 раза.

ступности транспорта для населения (сокращение протяжённости дорожной сети, снижение числа маршрутов различных видов транспорта, увеличение транспортных средств и пр.) и 2) экономической доступности транспортных услуг для населения (повышение покупательной способности среднедушевых денежных доходов населения относительно транспортных тарифов). Учитывая это, коэффициент подвижности населения макрорегиона в данном исследовании был дополнен двумя коэффициентами: агрегированным показателем транспортной инфраструктуры (изменение протяжённости автомобильных и железных дорог общего пользования) и показателем экономической доступности транспортных услуг (покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения относительно тарифа на полёт в салоне экономического класса).

На Дальнем Востоке за 2005–2017 гг. при снижении физической доступности транспортных услуг возросла их экономическая доступность (в 2,8 раза) за счёт роста доходов, опережающего рост транспортных тарифов на пассажирские перевозки, а также развития конкуренции в сфере воздушных перевозок.

Результаты исследования

Расчёт интегрального индекса качества жизни в отдельном федеральном округе либо субъекте РФ для одного года является малоинформативным. Более содержательно использование индекса для проведения сопоставлений положения субъектов РФ и анализа динамики показателя в определённом временном интервале.

Согласно проведённым расчётам интегральный индекс качества жизни в Дальневосточном федеральном округе за исследуемый период увеличился с 0,476 до 0,586. По уровню показателя Дальний Восток в 2017 г. уступил только Центральному федеральному округу (0,671). В течение анализируемого периода изменение индекса качества жизни по всем федеральным округам характеризовалось волнообразной динамикой. По итогам 2017 г. интегральный индекс в разрезе федеральных округов составил в Северо-Западном округе 0,581, Южном – 0,410, Северо-Кавказском – 0,220, Приволжском – 0,448, Уральском – 0,467, Сибирском – 0,362.

Рассмотрим более подробно динамику и основные составляющие индекса качества жизни для субъектов РФ в составе Дальнего Востока (*табл. 1*).

Таблица 1

Интегральный индекс качества жизни

Территория	2005	2010	2013	2015	2016	2017
Республика Саха (Якутия)	0,484	0,492	0,476	0,475	0,494	0,486
Камчатский край	0,499	0,501	0,485	0,483	0,491	0,500
Приморский край	0,377	0,404	0,402	0,437	0,420	0,393
Хабаровский край	0,444	0,490	0,471	0,470	0,477	0,449
Амурская область	0,364	0,346	0,394	0,393	0,407	0,400
Магаданская область	0,487	0,518	0,528	0,534	0,576	0,576
Сахалинская область	0,412	0,494	0,512	0,512	0,544	0,516
Еврейская автономная область	0,375	0,426	0,358	0,329	0,324	0,325
Чукотский автономный округ	0,505	0,445	0,454	0,504	0,506	0,521

Источник: расчёты авторов.

В региональном разрезе увеличение интегрального индекса наблюдалось во всех дальневосточных субъектах РФ за исключением ЕАО, где показатель снизился на 13,3%. Самые высокие темпы прироста индекса наблюдались в Магаданской и Сахалинской областях (18,3% и 25,2% соответственно). В остальных дальневосточных субъектах РФ при положительной динамике темп прироста интегрального индекса качества жизни за 2005–2017 гг. варьировал в пределах от 0,3% до 9,8%.

Необходимо отметить, что в большинстве (семи) субъектов РФ на Дальнем Востоке сдерживающее влияние на рост индекса качества жизни оказывают негативные тенденции показателей здоровья населения. Только в Амурской и Сахалинской областях индекс здоровья в 2017 г. увеличился относительно базового периода на 22,9% и 12,9% соответственно.

Среди субъектов РФ, демонстрирующих отрицательный темп изменения данного показателя, наблюдался значительный разброс значений. Так, в Чукотском автономном округе значение индекса здоровья сократилось на 97,3%. В Еврейской автономной области индекс уменьшился на 75%. Сокращение индекса здоровья по другим субъектам РФ колебалось в диапазоне от 2% в Магаданской области до 29% в Камчатском крае.

По другим блокам интегрального индекса можно отметить следующее. Индекс по блоку «доходы населения» за рассматриваемый период увеличился во всех дальневосточных субъектах РФ, за исключением ЕАО. Индекс по блоку «образование» снизился в Хабаровском крае и Амурской области (под влиянием снижения охвата детей услугами детских дошкольных образовательных учреждений и числа школ). Отрицательные темпы изменения индекса по блоку «жильё» отмечались в Республике Саха (Якутия), Амурской области, ЕАО и Чукотском автономном округе. В большей части субъектов РФ на Дальнем Востоке (пяти) произошло сокращение индекса по блоку «транспортные услуги». При этом в Приморском крае сокращение составило менее 1%, тогда как в ряде северных регионов – Магаданской области и Чукотском автономном округе – оно достигло 28,7% и 33% соответственно, более чем на 22% сократился индекс в Хабаровском крае и Амурской области. В числе лидеров по росту индекса оказались такие северные субъекты, как Республика Саха (Якутия) и Камчатский край, в которых индекс по блоку «транспортные услуги» вырос на 95,7% и 27,9% соответственно.

Результаты объективных оценок динамики качества жизни населения на Дальнем Востоке, полученные путём расчёта интегрального индекса качества жизни, были дополнены субъективными данными, основанными на результатах социологического опроса.

Исходной предпосылкой являлось то, что качество жизни – это «объективно-субъективная характеристика условий существования человека, которая зависит от развития потребностей самого человека и его субъективных представлений и оценок своей жизни» [7, с. 34]. В связи с этим применение наряду с количественными качественными методов представляется обоснованным [25; 28; 29].

В рамках исследования был проведён очный анкетный опрос по блоку «транспортные услуги». Для этого была разработана авторская анкета, включающая открытые, полужакрытые, закрытые, альтернативные шкальные вопросы, вопросы-меню, что позволило соблюсти принципы экономичности и надёжности при опросе.

Анкета состояла из различных тематических блоков, позволяющих анализировать мнение населения по отдельным аспектам транспортных услуг. В контексте данной работы рассмотрим лишь отдельные результаты опроса.

Так, отвечая на вопрос о качестве транспортных услуг, более 80% опрошенных в целом положительно оценило железнодорожные и авиационные перевозки: 82,9% – для железнодорожного транспорта, 87,4% – для воздушного (*табл. 2*).

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос
«Как Вы оцениваете качество предоставления транспортных услуг в целом?», %

Варианты ответа	Вид транспорта			
	железнодорожный	воздушный	автомобильный	речной
Очень хорошо	22,9	46,7	10,2	8,6
Скорее хорошо	60,0	40,7	47,4	25,8
Скорее плохо	12,2	3,3	30,2	7,1
Очень плохо	3,1	1,4	6,8	4,5
Затрудняюсь ответить	1,8	7,9	5,3	54,0

Источник: расчёты авторов.

При этом почти половина респондентов отметила отсутствие проблем при использовании железнодорожного транспорта. Другие к числу проблем отнесли не комфортные условия в пути, высокую цену билета и неудобное расписание (*табл. 3*).

Таблица 3

Результаты ответа на вопрос «Каковы основные проблемы при пользовании данным видом транспорта?» (возможен множественный выбор), %

Варианты ответа	Вид транспорта			
	железнодорожный	воздушный	автомобильный	речной
Нет проблем	49,2	40,7	26,4	25,0
Некомфортные условия	15,3	3,0	31,0	9,0
Неудобный маршрут	6,0	2,3	5,4	1,9
Неудобное расписание	11,1	4,6	7,4	11,6
Нарушения расписания	2,4	4,3	7,1	4,5
Высокая цена	12,3	47,9	9,5	1,3
Плохое качество инфраструктуры (дороги, аэропорта и пр.)	1,6	0,2	35,1	5,2
Плохой сервис	10,3	0,7	7,6	3,9
Другое	0,4	0,5	0,2	7,1
Затрудняюсь ответить	4,6	7,3	4,1	37,7

Источник: расчёты авторов.

Для воздушного транспорта ожидаемо основной выделяемой проблемой для пассажиров стала высокая цена авиабилета – почти половина опрошенных отметила этот факт (47,9%).

Менее благоприятны были оценки качества междугородних и международных автобусных перевозок в макрорегионе. Лишь 57,6% респондентов дали положительную оценку работе автомобильного транспорта, отметив в числе проблем некомфортные условия в пути и плохое качество инфраструктуры. Полученные ответы соответствуют фактической ситуации. На Дальнем Востоке износ парка автомобильного транспорта на сегодня достаточно высок, а около 46% протяжённости дорог общего пользования не соответствует нормативным требованиям [19]. В результате чего ДФО занимал по итогам 2017 г. первое место по числу дорожно-транспортных происшествий среди федеральных округов России.

Ответы относительно качества перевозок речным транспортом показали неопределённость мнения большей части опрошенных, что объясняется низкой частотой его использования.

Заключение

Полученные оценки динамики интегрального индекса качества жизни для Дальнего Востока России за 2005–2017 гг. свидетельствуют о росте показателя на 5,2%. При этом положительная динамика была отмечена по всем блокам интегрального показателя за исключением «здравоохранения». Наибольший положительный вклад был зафиксирован по блокам «доходы населения» и «транспортные услуги». При этом в последнем блоке при негативных изменениях объёмов перевозок пассажиров и слабом развитии сетей возросла экономическая доступность транспортных услуг.

Проведённый анкетный опрос выявил высокие оценки населением макрорегиона качества услуг железнодорожного и воздушного транспорта. При использовании междугородних автобусных перевозок потребители отмечали некомфортные условия (использование изношенных транспортных средств) и низкое качество дорожной сети, что в целом подтверждается данными официальной статистики.

В целом исследуемый период характеризовался улучшением качества жизни населения Дальнего Востока по рассматриваемым параметрам. Расчёты интегрального индекса по представленной методике по федеральным округам России показали довольно высокие позиции Дальнего Востока: по итогам 2017 г. он занимал второе место, уступив только Центральному округу. Высокий интегральный индекс был обусловлен прежде всего положительной динамикой показателей двух блоков – «доходы» (в силу высоких номинальных денежных доходов населения) и «транспорт» (что связано в том числе с реализацией на территории Дальнего Востока крупных проектов – строительство транспортной инфраструктуры к саммиту АТЭС 2012 г., модернизация восточного полигона железных дорог, масштабное развитие автомобильной сети в Республике Саха (Якутия) и др.).

Однако делать заключение о высоком качестве жизни на Дальнем Востоке, сопоставимом с центральными и западными районами страны, основываясь только на данных полученного интегрального индекса, не представляется возможным по ряду обстоятельств. Во-первых, состав индекса ограничен пятью блоками, набор показателей которых, безусловно, оставил за рамками исследования другие значимые параметры качества жизни населения. Во-вторых, фиксируемое статистически улучшение качества жизни населения в округе не сопровождается масштабным притоком населения в макрорегион, который бы смог компенсировать миграционные потери. Несмотря на снижение числа желающих покинуть макрорегион, этот показатель стабильно превышает данные по другим федеральным округам. Результаты социологических исследований показывают, что почти треть дальневосточников хотела бы сменить место жительства [9]. В числе наиболее часто встречающихся причин отъезда остаётся низкий уровень

доходов. При уровнях номинальных денежных доходов и потребительских расходов на душу населения, превышающих средние по стране показатели, Дальний Восток значительно отстаёт по реальным доходам: например, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе дороже на 21% среднероссийского показателя [1]. Респонденты также отмечают отсутствие возможностей для трудоустройства и самореализации, низкий уровень развития социальной инфраструктуры.

Дальнейшее развитие исследования может быть связано с увеличением числа рассматриваемых блоков и показателей, характеризующих качество жизни населения Дальнего Востока. Также немаловажным представляется продолжение изучения субъективных оценок населением макрорегиона отдельных аспектов качества жизни. Получаемый в результате синтез количественных показателей и качественных оценок позволяет более объективно представить происходящие на Дальнем Востоке социально-экономические процессы, что важно в том числе для принятия адекватных и своевременных управленческих решений относительно отдельных аспектов проводимой региональной политики в отношении самого крупного макрорегиона Российской Федерации.

Список литературы

1. Аганбегян А.Г. Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 3. С. 165–187. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-181
2. Айвазян С.А. Анализ качества и образа жизни населения: эконометрический подход. М.: Наука, 2012. 402 с.
3. Айвазян С.А., Степанов В.С., Козлова М.И. Измерение синтетических категорий качества жизни населения региона и выявление ключевых направлений совершенствования социально-экономической политики (на примере Самарской области и ее муниципальных образований) // *Прикладная эконометрика*. 2006. № 2. С. 18–84.
4. Ахременко А.С., Евтушенко С.А. Качество жизни регионов России: политологический аспект, методология и методика измерения // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2010. № 1. С. 67–83.
5. Бардаль А.Б. Доступность транспорта для населения на Дальнем Востоке России // *Региональная экономика: теория и практика*. 2015. № 46. С. 42–53.
6. Бардаль А.Б., Грицко М.А., Халикова С.С., Хван И.С. Измерение доступности транспортных услуг на Дальнем Востоке // *Власть и управление на Востоке России*. 2018. № 3. С. 8–16. DOI 10.22394/1818-4049-2018-84-3-8-16
7. Беляева Л.А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // *Социологические исследования*. 2009. № 1. С. 33–42.
8. Благовестова Т.Е., Налётова Н.Ю. Качество жизни населения региона: методика оценки // *Псковский регионологический журнал*. 2014. № 20. С. 56–66.
9. Дальневосточный форум «Сообщество» – «Дальний Восток: проблемы развития». URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/4368> (дата обращения: 09.09.2019).
10. Заседание президиума Госсовета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58506> (дата обращения: 19.07.2019).
11. Иванов А.А., Иванова Н.Д., Вяткин А.В. Методические вопросы оценки уровня и качества жизни населения (на примере Нижегородской области) // *Труды Нижегородского государственного технического университета им. П.Е. Алексеева*. 2014. № 1. С. 243–252.
12. Минакир П.А. «Программная» экономика: Дальний Восток // *Пространственная экономика*. 2019. Т. 15. № 2. С. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007-016

13. Минакир П.А. Дальневосточные институциональные новации: имитация нового этапа // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 1. С. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017
14. Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 53–68. DOI: 10.17059/2018-1-5
15. Национальная программа развития Дальнего Востока внесена в Правительство России. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/22530/> (дата обращения: 15.07.2019).
16. Овсянникова Т.Ю., Преображенская М.Н. Индексный подход к оценке качества жизни населения и уровня развития урбанизированных территорий // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2014. № 1. С. 30–46.
17. Полкова Т.В. Демографический потенциал как составляющая качества жизни // Экономика региона. 2014. № 3. С. 118–130.
18. Польшев А.О., Гришина И.В., Тимонин С.А. Качество жизни населения регионов России: методология исследования и результаты комплексной оценки // Современные производительные силы. 2012. № 1. С. 70–84.
19. Региональная экономическая конъюнктура: Дальневосточный федеральный округ – 2017 / под ред. О.М. Прокапало. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. 104 с.
20. Россошанский А.И. Методика индексной оценки качества жизни населения российских регионов // Проблемы развития территорий. 2016. № 4. С. 124–137.
21. Bowling A., Banister D., Dykes J., Dowding L.M., Evans O., Gabriel Z., Fleissig A., Sutton S. Let's Ask Them: A National Survey of Definitions of Quality of Life and Its Enhancement among People Aged 65 and Over // The International Journal of Aging and Human Development. 2003. Vol. 56. No. 4. Pp. 269–306.
22. Brown R.J., Brown I. The Application of Quality of Life // Journal of Intellectual Disability Research. 2005. Vol. 49. № 10. Pp. 718–727.
23. Codreanu C.M. Sources of Variation in Quality of Life in Romania // Procedia Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 58. Pp. 645–654.
24. Discoli C., Martini I., San Juan G., Barbero D., Dicroce L., Ferreyro C., Esparza J. Methodology Aimed at Evaluating Urban Life Quality Levels // Sustainable Cities and Society. 2014. Vol. 10. Pp. 140–148.
25. D'Ovidio F. D., Leogrande D., Mancarella R., Schinzano A., Viola D. A Multivariate Analysis of the Quality of Public Transport Services // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 17. Pp. 238–247.
26. Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2018_technical_notes.pdf (дата обращения: 11.07.2019).
27. Inoguchi T., Fujii S. The Quality of Life in Asia: A Comparison of Quality of Life in Asia. Dordrecht: Springer, 2013. 259 p. DOI: 10.1007/978-90-481-9072-0
28. Lee R.J., Sener I.N. Transportation Planning and Quality of Life: Where Do They Intersect? // Transport Policy Volume. 2016. Vol. 48. Pp. 146–155. DOI: 10.1016/j.tranpol.2016.03.004
29. Ngoc A.M., Hung K.V., Tuan V.A. Towards the Development of Quality Standards for Public Transport Service in Developing Countries: Analysis of Public Transport Users' Behavior // Transportation Research Procedia. 2017. Vol. 25. Pp. 4560–4579. DOI: 10.1016/j.trpro.2017.05.354
30. Quality of Life. Ed. by A.J. Carr, I.J. Higginson, P.G. Robinson. London: BMJ Books. 2003. 133 p.
31. Węziak-Białowolska D. Quality of Life in Cities – Empirical Evidence in Comparative European Perspective // Cities. 2016. Vol. 58. Pp. 87–96.

References

1. Aganbegyan A.G. Development of the Far East: a National Program in the Context of National Projects. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 3. Pp. 165–181. DOI: 10.14530/se.2019.3.165-187 (In Russian)
2. Ayvazyan S.A. *Analysis of the Quality and Lifestyle of the Population: An Econometric Approach*. Moscow, 2012. 402 p. (In Russian)
3. Ayvazyan S.A., Stepanov V.S., Kozlova M.I. Measuring the Synthetic Categories of Quality of Life in a Region and Identification of Main Trends to Improve the Social and Economic Policy (Samara Region and Its Constituent Territories). *Prikladnaya ekonometrika [Applied Econometrics]*. 2006. No. 2. Pp. 18–84. (In Russian)
4. Akhremenko A.S., Evtushenko S.A. Quality of Life in Russian Regions: Politological Aspect, Method and Methodology of Measurement. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science]*. 2010. No. 1. Pp. 67–83. (In Russian)
5. Bardal' A.B. Transport Accessibility for the Population in the Russian Far East. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika [Regional Economics: Theory and Practice]*. 2015. No. 46. Pp. 42–53. (In Russian)
6. Bardal' A.B., Gritsko M.A., Khalikova S.S., Khvan I.S. Availability Measurement of Transport Services: The Far East. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2018. No. 3. Pp. 8–16. DOI 10.22394/1818-4049-2018-84-3-8-16 (In Russian)
7. Beliaeva L.A. Level and Quality of Life. Measurement and Interpretation Issues. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. 2009. No. 1. Pp. 33–42. (In Russian)
8. Blagovestova T., Nalyotova N. Quality of Life of the Population in a Region: Estimation Procedure. *Pskovskiy regionologicheskii zhurnal [Pskov Regional Journal]*. 2014. No. 20. Pp. 56–66. (In Russian)
9. *The Far East Forum «Community» – «The Far East: Problems of Development»*. Available at: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/4368> (accessed 9 September 2019). (In Russian)
10. *Meeting of the Presidium of the State Council*. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58506> (accessed 19 September 2019). (In Russian)
11. Ivanov A.A., Ivanova N.D., Viatkin A.V. Methodological Issues of Assessing the Level and Quality of Life of the Population (on the Example of the Nizhny Novgorod Region). *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva [Transactions of Nizhni Novgorod State Technical University n. a. R.Y. Alekseev]*. 2014. No. 1. Pp. 243–252. (In Russian)
12. Minakir P.A. 'Program' Economy: The Far East. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 7–16. DOI: 10.14530/se.2019.2.007-016 (In Russian)
13. Minakir P.A. Far Eastern Institutional Novations: Imitation of a New Stage. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*. 2019. Vol. 15. No. 1. Pp. 7–17. DOI: 10.14530/se.2019.1.007-017 (In Russian)
14. Naiden S.N., Belousova A.V. Methodological Tools to Assess of the Population Welfare: Interregional Comparison. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2018. Vol. 14. No. 1. Pp. 53–68. DOI: 10.17059/2018-1-5 (In Russian)
15. *National Program of the Far East and the Arctic*. Available at: <https://minvr.ru/press-center/news/22530> (accessed 15 July 2019). (In Russian)
16. Ovsyannikova T.Yu., Preobrazhenskaya M.N. Index Approach to Evaluating the Quality of Life of a Population and the Level of Development of an Urban Area. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika [Tomsk State University Journal of Economics]*. 2014. No. 1. Pp. 30–46. (In Russian)
17. Polkova T.V. Demographic Potential as a Component of Life Quality. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*. 2014. No. 3. Pp. 118–130. (In Russian)
18. Polynev A.O., Grishina I.V., Timonin S.A. The Quality of Life of the Population of the Regions of Russia:

- Research Methodology and Results of a Comprehensive Assessment. *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern Production Forces]. 2012. No. 1. Pp. 70–84. (In Russian)
19. *Regional Economic Construction: Far Eastern Federal District – 2017*. Ed. by O.M. Prokapalo. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 2018. 104 p. (In Russian)
20. Rossoshanskii A.I. Methodology for the Index Assessment of the Quality of Life in Russian Regions. *Problemy razvitiya territoriy* [Problems of Territory's Development]. 2016. No. 4. Pp. 124–137. (In Russian)
21. Bowling A., Banister D., Dykes J., Dowding L.M., Evans O., Gabriel Z., Fleissig A., Sutton S. Let's Ask Them: A National Survey of Definitions of Quality of Life and Its Enhancement among People Aged 65 and Over. *The International Journal of Aging and Human Development*. 2003. Vol. 56. No. 4. Pp. 269–306.
22. Brown R.J., Brown I. The Application of Quality of Life. *Journal of Intellectual Disability Research*. 2005. Vol. 49. No. 10. Pp. 718–727.
23. Codreanu C.M. Sources of Variation in Quality of Life in Romania. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. Vol. 58. Pp. 645–654.
24. Discoli C., Martini I., San Juan G., Barbero D., Dicroce L., Ferreyro C., Esparza J. Methodology Aimed at Evaluating Urban Life Quality Levels. *Sustainable Cities and Society*. 2014. Vol. 10. Pp. 140–148.
25. D'Ovidio F.D., Leogrande D., Mancarella R., Schinzano A., Viola D. A Multivariate Analysis of the Quality of Public Transport Services. *Procedia Economics and Finance*. 2014. Vol. 17. Pp. 238–247. DOI: 10.1016/S2212-5671(14)00868-5
26. *Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update*. Available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2018_technical_notes.pdf (accessed 11 July 2019).
27. Inoguchi T., Fujii S. *The Quality of Life in Asia: A Comparison of Quality of Life in Asia*. Dordrecht: Springer, 2013. 259 p. DOI: 10.1007/978-90-481-9072-0
28. Lee R.J., Sener I.N. Transportation Planning and Quality of Life: Where Do They Intersect? *Transport Policy*. 2016. Vol. 48. Pp. 146–155. DOI: 10.1016/j.tranpol.2016.03.004
29. Ngoc A.M., Hung K.V., Tuan V.A. Towards the Development of Quality Standards for Public Transport Service in Developing Countries: Analysis of Public Transport Users' Behavior. *Transportation Research Procedia*. 2017. Vol. 25. Pp. 4560–4579. DOI: 10.1016/j.trpro.2017.05.354
30. Quality of Life. Ed. by A.J. Carr, I. J. Higginson, P.G. Robinson. London: BMJ Books. 2003. 133 p.
31. Węziak-Białowolska D. Quality of Life in Cities – Empirical Evidence in Comparative European Perspective. *Cities*. 2016. Vol. 58. Pp. 87–96.

Для цитирования:

Бардаль А.Б., Грицко М.А., Хван И.С., Халикова С.С. Качество жизни в Дальневосточном макрорегионе: интегральная оценка // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 62–78. DOI: [10.14530/reg.2019.5.62](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.62)

For citing:

Bardal A.B., Gritsko M.A., Khvan I.S., Halikova S.S. Quality of Life in the Far Eastern Macroregion: Integral Assessment. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 62–78. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.62](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.62)

ЛЕОНТЬЕВА**Эльвира
Октавьевна**

Доктор социологических
наук, доцент, заведующая
кафедрой

Тихоокеанский
государственный
университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

LEONTYEVA**Elvira
Oktavyevna**

Doctor of sociology, associate
professor, head of department
Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

elvira.leontyeva@gmail.com

УДК 314.74+316.444

**КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В РОССИИ
И РОССИЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В КНР:
ОПЫТ СРАВНЕНИЯ**

В статье предпринята попытка сравнения социальных портретов китайских студентов, обучающихся в российских вузах, и российских студентов, выезжающих на учёбу в КНР. В основу исследования положены данные опроса, проведённого в 2017 г. Результаты исследования показывают существенное сходство обеих групп с точки зрения социально-демографических и ценностных характеристик и заметные различия в миграционных намерениях и мотивации к обучению.

Китайские студенты в России, российские студенты в КНР, интернационализация образования, миграция, сравнительная характеристика

**CHINESE STUDENTS IN RUSSIA
AND RUSSIAN STUDENTS IN CHINA:
THE EXPERIENCE OF COMPARATIVE STUDY**

The article attempts to compare social portraits of Chinese students in Russian universities and Russian students studying in China. The study is based on the data of a survey conducted in 2017. The results of the study show a significant similarity of both groups in socio-demographic and value characteristics and noticeable differences in migration intentions and motivation for learning.

Chinese Students in Russia, Russian Students in China, internalization of education, migration, comparative analysis

Проблема и общие характеристики исследования

Проблема китайской миграции всегда была особенно актуальной для Дальнего Востока России. И если в 1990-х – 2000-х гг. наиболее заметной мигрантской группой из Поднебесной на территории российских дальневосточных городов были рыночные торговцы и трудовые мигранты, то сейчас этот поток активно смещается в сторону студенческих миграций. Так, в 2016/17 учебном году численность китайских студентов в России достигла 26 775 человек¹, показав рекордные темпы роста за всё время образовательных миграций между двумя странами: прирост численности китайских студентов в сравнении с предыдущим учебным годом составил порядка 4,5 тыс. человек. Ведущие вузы Дальнего Востока ежегодно увеличивают набор китайских студентов на несколько сотен человек.

Однако особенность российско-китайской образовательной миграции на современном этапе определяется не только этим, но и соответствующим интересом россиян к получению образования в КНР. Китайское направление всё более уверенно занимает первое место по числу уехавших сюда на учёбу россиян (30%), вытесняя лидировавшую долгое время Германию (26%) [12].

Факт примерно равных в количественном отношении потоков миграций (их симметричность) с обеих сторон мы уже отмечали ранее [8]. В настоящей статье осуществляется попытка обосновать это предположение через сравнение двух миграционных потоков: российских студентов в КНР и китайских студентов, обучающихся в вузах Сибири и Дальнего Востока.

Тема российско-китайских образовательных миграций так часто привлекает внимание исследователей, что можно говорить о её становлении как отдельного направления в изучении миграции. Самыми популярными сюжетами здесь являются сотрудничество между российскими и китайскими университетами на разных уровнях, развитие студенческой мобильности, политика университетов по привлечению студентов и т.д. [4]. Что касается присутствия китайских студентов в российских вузах и российских студентов в КНР, то эта тема стала привлекать внимание исследователей с начала 2000-х гг. Примерно с 2008 г. она становится достаточно популярной, но преимущественно в отношении китайских студентов, обучающихся в России. Чаще всего это работы разведывательного характера, выясняющие отдельные социальные и ценностные характеристики студентов, обучающихся в том или ином регионе [1; 3; 11]. Значительную группу исследований представляют работы, посвящённые проблемам социально-психологической адаптации и барьерам в обучении [5; 11].

Если в отношении китайских студентов, обучающихся в России, можно отметить исследовательскую активность, то россияне в КНР до настоящего времени редко попадают в фокус исследовательского интереса. На фоне такого повышенного внимания к российско-китайской учебной миграции в общем очень заметен недостаток работ, в которых эти группы рассматривались бы как статистически значимые и достаточно определённые с точки зрения социально-демографических характеристик. И существует совсем немного работ, посвящённых исследованию обеих групп в сопоставительном ключе. Пожалуй, почти единственными источниками такого плана можно назвать работы А.Л. Арефьева [1; 2], посвящённые как китайским, так и российским студентам. Однако и этот автор не ставил цель провести сравнительный анализ, заложенный в основу настоящей статьи.

Эмпирической базой исследования, на основе которого сделаны выводы данной работы, стали данные опроса 2017 г., проведённого среди китайских студентов, обучающихся в России, и россиян в КНР. Опрос китайских студентов был проведён в вузах шести городов –

¹ Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 8 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. М.: ЦСПиМ, 2018. С. 44.

университетских центров Сибири и Дальнего Востока: Благовещенска, Владивостока, Новосибирска, Томска, Хабаровска и Якутска. Общее количество опрошенных – 388 студентов из числа граждан КНР, обучающихся по основным образовательным программам бакалавриата, магистратуры или специалитета. Опрос проводился методом формализованного интервью по анкетным бланкам, переведённым на китайский язык. Опрос российских студентов в КНР проводился с использованием электронной почты, доступных социальных сетей и мессенджера WeChat. Всего было опрошено 353 российских студента в разных городах и провинциях КНР¹.

Вопросы, включённые в анкету, были идентичны для обеих сторон и нацелены на изучение основных характеристик, отражающих качество человеческого капитала по трём основным группам:

- социально-демографические характеристики (пол, возраст, социальное происхождение, образование родителей, место жительства до приезда в Россию/Китай);
- личностные характеристики (успеваемость в школе, балл по итогам сдачи выпускных экзаменов, уровень владения иностранными языками, затраты времени на самостоятельное обучение и т.д.);
- ценностно-мотивационные установки (жизненные ценности, карьерные планы, миграционные настроения, мотивы получения высшего образования и ожидания от него и т.д.).

По этим же группам было проведено сравнение, заложенное в структуру и логику статьи. Процедура сравнения при этом не носит количественно-ориентированного характера, хотя обобщённые результаты даны в виде описательной статистики. Различные инструменты опроса не позволяют говорить о строгой доказательности проведённого исследования. Нам показалось важным наметить возможные контуры, наиболее отчётливо показывающие сходства и отличия между исследуемыми группами.

Социально-демографические характеристики респондентов

Социально-демографические характеристики были выявлены благодаря анализу ответов на стандартные вопросы о поле, возрасте, образовании родителей и уровне материальной обеспеченности семьи. Таким образом, в этом параграфе речь пойдёт о тех признаках, которые образуют так называемые предписанные статусные характеристики, показывающие сходство и различие двух групп мигрантов по исходным демографическим показателям.

Сравнение таких условных портретов российского студента в КНР и китайского студента в России показало, что исследуемые группы очень похожи по названным признакам.

Хотя исследование не предполагало использования случайной выборки, для опросов российских и китайских студентов использовались разные инструменты, а квотирование изначально не задавалось, любопытно отметить, что в итоге распределение по полу и возрасту получилось почти пропорциональное.

Из **таблицы 1** видно, что российские студенты в среднем старше по возрасту. Это объясняется тем, что в выборке по российским студентам преобладали те, кто обучается по программам магистратуры, в то время как среди опрошенных китайских студентов было больше тех, кто учится в бакалавриате.

¹ Отдельные результаты исследования, основанного на указанной эмпирической базе, уже получили отражение в предыдущих публикациях автора [7; 9].

Таблица 1

Распределение опрошенных по полу и их средний возраст

Респонденты	Распределение по полу, человек		Средний возраст, лет
	мужчины	женщины	
Китайские студенты	185	202	21,9
Российские студенты	152	201	23,8

Как уже упоминалось, из числа китайских студентов были опрошены только те, кто обучается в Сибири и на Дальнем Востоке. Было ожидаемо, что с точки зрения места происхождения мы получим наибольшее присутствие жителей приграничных провинций. И действительно, среди опрошенных были наиболее широко представлены студенты из приграничных провинций Хэйлунцзян, Ляонин, Цзилинь и Внутренняя Монголия, которые вместе с более отдалёнными провинциями дали три четверти выборки – 78%.

Однако было неожиданным то, что в выборке оказалась представлена (хоть и не пропорционально, но всё же) практически вся «география» КНР: 18 из 23 провинций, два автономных района и два города центрального подчинения (Пекин и Шанхай). Оставшиеся 22% опрошенных китайских студентов – это жители центральных и южных провинций КНР (в выборку попало один-два человека), в том числе и самых отдалённых от России: Хайнань, Гуандун, Гуанси-Чжуанский автономный район и др. Любопытно, что примерно аналогичная картина была получена и в отношении российских студентов, опрос которых проводился дистанционно. Большинство российских студентов представляло дальневосточные регионы России (55%), но имелись и представители Сибирского, Уральского федеральных округов (22%), Москвы, Санкт-Петербурга и западных регионов России (23%).

В **таблице 2** представлено сравнение российских и китайских студентов по семейному и материальному положению.

Таблица 2

Сравнение китайских и российских студентов по социально-демографическим характеристикам, %

Сравниваемые переменные	Китайские студенты	Российские студенты
Из полных семей (отец, мать)	96,6	76
Единственный ребёнок в семье	60	34
Из семей, где один из родителей имеет высшее образование	35	75
Из семей, где оба родителя имеют высшее образование	23	48
Материальное положение выше среднего	73,6	76,7
Обеспечивают себя сами	15,8	48
Полностью материально зависят от родителей	50,8	21
Работают	43	53
Учатся за собственные средства (платят родители)	70	40

Таблица показывает, что почти все китайские студенты – из полных семей. При том, что большинство россиян – тоже, различие в 20% обращает на себя внимание.

Рассмотрим некоторые из приведённых характеристик подробнее. Что касается состава семьи – большинство россиян (67%) имеет братьев или сестёр. При этом китайские студенты (60%) чаще являются единственными детьми в семье, только каждый третий из них имеет по одному брату или сестре (впрочем, удивительным оказалось присутствие в нашей небольшой выборке 10 человек из многодетных семей). Состав семей опрошенных представлен в [таблице 3](#).

Таблица 3

Состав семей опрошенных по количеству детей, %

Состав семьи	Российские студенты	Китайские студенты
Единственный ребёнок	34,6	60,4
Двое детей	36,5	29,5
Трое детей	22,1	6,5
Больше троих детей	5,8	3,6

С точки зрения профессионального статуса родителей российские студенты, уезжающие в Китай, так же как и китайские студенты в России, могут быть охарактеризованы как представители семей с высоким социальным капиталом. Большинство родителей с обеих сторон – специалисты высшей квалификации, руководители разных уровней или индивидуальные предприниматели. Также близки обе группы и по материальному статусу семей.

По материальному положению более трех четвертей опрошенных отнесли свои семьи к хорошо обеспеченным, могущим себе позволить всё, кроме очень дорогих покупок, то есть это те респонденты, которые указали 4-й и 5-й варианты ответа на соответствующий вопрос ([табл. 4](#)). При этом распределение по отдельным группам получилось примерно одинаковое как у российских, так и китайских студентов.

Таблица 4

Материальное положение семей респондентов согласно ответам на вопрос
«Как бы вы оценили материальное положение своей семьи?», %

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
1. Денег хватает только на продукты	2,1	3,6
2. Денег хватает только на продукты и одежду	4,2	4,7
3. Деньги на продукты и одежду есть, но покупка вещей длительного пользования (холодильник, телевизор) является проблемой	17,0	18,1
4. Деньги на вещи длительного пользования есть, но очень дорогие покупки (квартира, машина) являются проблемой	58,4	56,3
5. Можем позволить себе практически всё	18,3	17,3

Ещё одна важная характеристика, показывающая базовый социальный и культурный капитал мигрантов – уровень образования родителей. Из данных **таблицы 5** видно, что уровень образования в семьях российских студентов оказался значительно выше. Вместе с тем следует отметить достаточно высокий уровень образования семей наших респондентов из Китая, учитывая, в частности, тот факт, что высшее образование в КНР, хоть и становится всё более популярным, но пока что не является таким массовым, как в России.

Таблица 5

Уровень образования родителей респондентов согласно ответам на вопрос
«Какое образование имеют Ваши родители?», %

Варианты ответа	Китайские студенты		Российские студенты	
	мать	отец	мать	отец
Среднее, среднее специальное	59,4	52,4	30,6	37,8
Высшее	32,1	35,6	65,4	60
Учёная степень	8,5	12	4	2,2

В семьях китайских студентов родители имели преимущественно среднее образование, но важен тот факт, что доля семей с высшим образованием в нашей выборке оказалась примерно вдвое выше, чем в среднем в КНР [12, р. 51]. То же самое превышение показали и данные об образовании россиян: в России доля людей с высшим образованием в возрасте от 25 до 64 лет составляет 30,2%¹. При этом в 59 китайских семьях, что составило почти четверть опрошенных (23%), высшее образование имелось как у отца, так и у матери, а ещё в трёх семьях и отец, и мать имели учёные степени [9].

Из сопоставления социально-демографических характеристик российских и китайских студентов можно сделать вывод о значительном сходстве этих социальных групп. По социальному происхождению и материальному положению семей различий практически не выявлено. В качестве наиболее заметных различий в этой части сравнения отметим следующие:

1) Российские студенты старше по возрасту. Это объясняется тем, что для россиян наиболее привлекательными являются программы магистратуры, на обучение по которым выделяется большое количество стипендий правительства КНР. Поэтому значительная часть студенческого потока из России в КНР ориентирована на получение образования второй ступени, в более старшем возрасте. Студенты КНР, соответственно, больше ориентированы на получение образования в бакалавриате.

2) Китайские студенты готовы оплачивать образование в России гораздо чаще, чем россияне в КНР (70% против 40%). Возможное объяснение этому факту может быть следующим: всё высшее образование в КНР платное (кроме военных и некоторых педагогических вузов), на фоне чего обучение в России с точки зрения его стоимости может считаться разумной альтернативой получению высшего образования на родине.

Мотивация к получению образования и выбора места обучения

Мотивационные установки рассматривались нами в нескольких разрезах. Довольно существенным для нашего исследования было изучение общей мотивации на получение высшего

¹ Образование в цифрах: 2017: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 12.

го образования за рубежом. Далее мотивация выбора конкретного места изучалась по уровням: выбор страны, региона и вуза.

Общую мотивацию получения высшего образования мы рассматривали с точки зрения оценки каждого мотива по шкале от 1 до 5 (где 1 – совершенно неважно, а 5 – очень важно). Респондентам предлагалось ответить, какой мотив и в какой степени повлиял на решение получить высшее образование (*табл. 6*).

Таблица 6

Мотивы получения респондентами образования согласно ответам на вопрос «Почему Вы решили получать нынешнее образование?» (средняя оценка степени важности мотива), баллы

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
Чтобы получить хорошее образование	3,6	4,5
Чтобы получить хорошую работу в будущем	4,3	4,5
Надо иметь диплом	3,07	4,3
Хотел(а) угодить родителям	0,9	3,02
Так все делают (друзья, родственники, знакомые)	1	2,7

Полученные ответы позволили дать следующую интерпретацию мотивации на получение высшего образования

Во-первых, высшее образование имеет ценность само по себе, а также оно важно для получения хорошей работы в будущем. Причём если для китайских студентов эти мотивы равнозначны, то россияне существенно выше поставили получение работы в будущем, чем образование само по себе. Тем не менее, оба эти мотива получили самые высокие оценки по предложенной нами шкале в обеих группах. Кроме этого также достаточно важным, особенно для китайских студентов, стало просто получение диплома: этот показатель тоже занимает довольно высокие позиции по средним оценкам. Наиболее низкие оценки также по обеим группам получили мотивы «угодить родителям» и «так все делают». Обращает на себя внимание большая разница в оценке мотива «желание угодить родителям». Россияне оценили его крайне низко, в то время как для китайских студентов он получил рейтинг выше среднего. Вероятно, в стране, имеющей тысячелетние конфуцианские традиции, мнение родителей играет гораздо более важную роль при выборе образования. К тому же, как отмечалось выше, китайские студенты, хоть дома, хоть за рубежом, чаще всего учатся за собственные средства, соответственно, получение образования – это почти всегда вопрос планирования бюджета семьи.

Мотивацию выбора места обучения мы рассматривали поэтапно по схеме, предложенной А. Нефёдовой [10], разбив процесс выбора на три этапа: выбор страны, выбор региона, выбор вуза. Наши данные показали, что одни те же мотивы играли разную роль на разных этапах выбора.

Первый этап – выбор страны обучения (*табл. 7*). Для удобства анализа все изучаемые мотивы условно разобьём на несколько групп:

- прагматические (близость к дому, стоимость, простота поступления);
- непрагматические (интерес к стране и языку, престиж образования);
- стратегические (намерения на эмиграцию, получение гранта);
- ориентация на сети (рекомендации друзей, родственников).

Таблица 7

Мотивы приезда респондентов в страну обучения согласно ответам на вопрос «Почему Вы приехали учиться в Россию/Китай? Выберите до трёх подходящих вариантов», %

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
Интересны язык и культура	75,5	66
Здесь лучше, престижнее образование	24,5	40,5
Здесь дешевле получать образование	12,2	24
Сюда проще поступить	28,5	21,9
Близко от дома	6,1	20,6
Родители (родственники) посоветовали	12,3	19,8
Получил(а) грант (стипендию)	53,0	16,0
Здесь проще получить диплом	8,2	13,1
Друзья (знакомые) посоветовали	10,2	11,9
Планирую остаться жить и работать здесь	38,7	7,5
Здесь есть родственники (друзья)	14,3	5,4

Примечание: поскольку вопрос предполагал множественный выбор вариантов ответа, сумма превышает 100%.

Первое, что обращает на себя внимание – доминирующим мотивом в обеих группах являлся прагматический: интерес к изучению языка и культуры, лидирующий с большим разрывом. На этом, собственно, сходство в мотивации двух миграционных групп заканчивается, и начинают проявляться любопытные отличия. Если вынести за скобки отмеченный интерес к языку и культуре, заметно, что одним из самых существенных мотивов для россиян являлась возможность эмиграции из страны (п. 10) – почти 40% студентов связывали это желание с Китаем, в то время как у китайских студентов этот мотив был выражен крайне незначительно. Китайские же студенты вторым по значимости поставили мотив престижности образования: более 40% опрошенных считало, что получаемое ими образование в России лучше и престижнее доступного им на родине. В разрезе городов этот мотив наиболее сильно был выражен у студентов, обучающихся в Новосибирске (57%), Томске (51%) и Якутске (41%), а наименее – у тех, кто учился в Благовещенске (21%) и Хабаровске (14%).

Ещё одно заметное различие в мотивации определяется уже отмеченным ранее фактом получения стипендий на обучение, которое в случае с россиянами являлось вторым по значимости. Более половины россиян приняли решение обучаться в КНР потому, что получили финансирование принимающей стороны. Среди китайских студентов этот мотив имел существенное значение только для тех, кто обучался в Новосибирске и Томске.

Второй этап – выбор города обучения. Из перечня мотивов на этом этапе исследования был исключён интерес к языку и культуре как наиболее общий и не ориентированный на регион обучения. Все остальные мотивы были либо оставлены в той же формулировке, либо незначительно изменены. Анализ выбора города обучения дал нам совершенно иную картину относительно роли факторов мотивации (*табл. 8*).

Таблица 8

Мотивы приезда респондентов в определённый город согласно ответам на вопрос «Почему Вы выбрали этот город? Выберите до трёх подходящих вариантов», %

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
Близко от дома	6,3	42,0
Здесь лучше, престижнее образование	25,0	34,5
Доступные цены на обучение и проживание	16,7	29,1
Нравится город	43,8	28,9
Получил грант (стипендию)	41,6	18,0
Родители (родственники) посоветовали	6,3	17,8
Здесь проще получить диплом	4,2	15,5
Подходит климат	29,2	12,4
Друзья (знакомые) посоветовали	8,3	12,1
Никуда больше не поступил(а)	4,2	11,1
Планирую остаться жить и работать здесь	18,7	7,0
Здесь есть родственники (друзья)	14,6	6,7

Примечание: поскольку вопрос предполагал множественный выбор вариантов ответа, сумма превышает 100%.

Как мы видим, для китайских студентов на этапе выбора города обучения прагматические мотивы (1-й и 3-й в предложенном списке) играли намного более существенную роль: близость к дому и доступность по цене были здесь в числе доминирующих мотивов, чего нельзя сказать о мотивации российских студентов. Для последних стабильно большое значение сохранял мотив получения гранта на обучение, а также два других – «нравится город» и «подходит климат». Это значит, что в целом мотивация россиян почти полностью определяется фактором получения стипендии на обучение, и в этом смысле не является полностью свободной – студент едет в тот город и в тот университет, который получил на него финансирование. В этом смысле мотивация китайских студентов является более свободной, что собственно и составляет с нашей точки зрения, главное различие в этом блоке нашего сравнительного исследования.

Обращает на себя внимание также и то, что в мотивах, определяющих выбор вуза для российских студентов, исчезает намерение «остаться жить и работать здесь», отмеченное как одно из доминирующих при выборе страны (табл. 9). Так, если остаться жить и работать в стране высказали намерение 38,7% российских студентов, то остаться в городе обучения желали только 18,7%. Это значит, что порядка 1/5 уезжающих в КНР студентов рассматривали место своего обучения как трамплин для дальнейшей миграции либо в другой китайский город, либо в другую страну.

При исследовании мотивации выбора вуза формулировки мотивов также были скорректированы с поправкой на место обучения. При этом подтвердилось, что для российских студентов определяющим являлся факт получения стипендии для обучения именно в этом заведении. Самый интересный вывод по этой группе мотивов – это определяющая роль слухов, то есть тех источников информации, которые в конечном итоге в первую очередь сформировали выбор респондентов.

Таблица 9

Мотивы выбора вуза согласно ответам на вопрос
«Почему Вы выбрали этот университет? Выберите до трёх подходящих вариантов», %

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
Слышал хорошие отзывы	38,8	45,0
Есть нужная специальность	36,7	42,3
Видел(а) рекламу вуза / был(а) на информационных встречах с представителями вуза	14,3	14,9
Доступные цены на обучение и проживание	10,2	24,2
Никуда больше не поступил(а)	10,2	13,7
Здесь лучше/престижнее образование	20,4	34,3
Здесь проще получить диплом	0	13,3
Родители/родственники посоветовали	2,1	14,4
Друзья/знакомые поделились опытом	18,4	14,2
Получил(а) грант/стипендию	49,1	18,3

Примечание: поскольку вопрос предполагал множественный выбор вариантов ответа, сумма превышает 100%.

Общий вывод по этому блоку исследования: выбор страны обучения объяснялся в большей степени прагматическими мотивами – интересом к стране и языку. Это являлось определяющим для решения о получении образования в стране обучения для обеих групп студентов. Следующими по важности для китайских студентов были существующие в семье ограничения с учётом географической близости и стоимости обучения. Российские студенты пытались изыскать возможность для получения стипендии на обучение и принимали решение исходя из этого. Факторы стоимости проживания и географической близости для российских студентов вообще не играли никакой роли.

Ценности и миграционные настроения

Исследование жизненных ценностей – большой блок исследования, дополняющий количественно измеряемые сходства и различия между студентами качественными характеристиками. В основу изучения ценностей была заложена методика ранжирования приоритетов и изучение жизненных планов. Предполагалось, что шкалирование приоритетов – это изучение абстрактных ценностей, то есть тех, которые декларируются из сферы должного, в то время как жизненные планы – это проекты по реализации конкретных ценностных установок и в этом смысле выражают ценности того, что относится к «миру сущего».

В вопросе относительно приоритетов респондентам предлагалось проранжировать по порядку, начиная с самой важной, следующие ценности: карьера, семья, здоровье, материальный достаток, личностный (духовный) рост, учёба, дружба, патриотизм, общественное благо. При анализе полученных ценностных шкал подсчитывались число ответов и общие оценки по каждому приоритету (табл. 10).

Таблица 10

Ценностные приоритеты китайских и российских студентов

Ценности	Китайские студенты	Российские студенты
Карьера (работа)	3	1
Учёба (образование)	4	2
Материальный достаток	6	4
Семья, дети, любовь	2	3
Личностный (духовный) рост	5	5
Дружба	8	6
Общественное благо	9	8
Патриотизм	7	9
Здоровье	1	7

Примечание: 1 – самый высокий ранг, 9 – самый низкий ранг.

Результаты показали пересечение в двух ценностях из тройки наиболее приоритетных: карьере (на 1-м месте у россиян, на 3-м – у китайцев) и семье (на 2-м месте у китайцев, на 3-м – у россиян). Примечательно, что оценки респондентов относительно самой приоритетной ценности существенно разошлись. Для китайских студентов – это здоровье, ценность, не признанная россиянами и занявшая только 7-е место в их системе координат.

Если по приоритетным ценностям мнения разошлись, то относительно ценностей-аутсайдеров мы наблюдаем единодушие – оба списка замыкали ценности общественного блага и патриотизма, правда, последняя ценность китайскими студентами оценивалась несколько выше. Таким образом, ответы на вопрос о ценностных приоритетах показали абсолютное преобладание личностных ценностей над общественными как у российских, так и у китайских студентов. Из личностных ценностей первую по приоритетности группу составили профессиональные, образовательные и семейные ценности. Ко второй можно отнести материальный достаток, личностный рост, здоровье и дружбу. Общественное благо и патриотизм попали в последнюю группу.

Ответы на вопросы о ценностях подтвердили «расклад» по планам респондентов. Например, как ближайшие, так и перспективные планы студенты связывали с теми же ценностями, которые попали в первую группу – работой, учёбой, сменой места жительства; планы обзавестись семьёй более актуальны для долгосрочного планирования на 5–10 лет вперёд.

Анализ ценностей в зависимости от возраста по таблицам сопряжённости не показал существенных различий в их значимости для разных возрастных групп. Были обнаружены только небольшие нюансы. Например, оказалось, что среди опрошенных студентов разных уровней обучения значимость семейных ценностей варьировалась: для студентов бакалавриата семейные ценности были менее важны, чем для студентов магистратуры. Также для бакалавров оказался гораздо более важен материальный достаток и дружба, тогда как для магистров были более важны карьера, личностный рост и здоровье [7].

Несколько подробнее рассмотрим миграционные настроения, которые уже упоминались нами выше (*табл. 11*).

Таблица 11

Миграционные планы после окончания обучения согласно ответам на вопрос «Каковы Ваши планы относительно страны проживания после окончания учёбы?», %

Варианты ответа	Российские студенты	Китайские студенты
1. Вернусь домой	18,7	47,5
2. Хотел(а) бы остаться в России/Китае	37,8	24,4
3. Точно останусь в России/Китае	27,3	13,3
4. Перееду в другую страну (какую?) _____	10,0	0,7
5. Ещё не знаю	6,2	14,1

Как мы видим, по всем пунктам миграционная активность российских студентов оказалась намного выше, чем китайцев. Примерно половина китайцев, уезжая в Россию, точно собиралась вернуться обратно, в то время как среди россиян «возвращенцы» составили только пятую часть. Среди российских студентов было в полтора – два раза больше и тех, кто уже точно знал, что останется в Китае, и тех, кто хотел бы не возвращаться домой. Также именно в российской группе было заметно присутствие студентов, которые использовали Китай как площадку для транзита, связывая с ним планы на переезд в другую страну. Эти намерения подтвердили и результаты ответов на вопрос о планах на будущее. Таким образом, одно из самых существенных различий между исследуемыми группами заключалось в ожиданиях от страны обучения. Китайцы в основном воспринимали место обучения как возможность получить образование именно здесь, место, подходящее для них по цене и другим условиям. Для россиян Китай – страна-трамплин, предоставляющая возможность обучаться бесплатно, чтобы получить шанс для эмиграции.

Заключение

Полученные социальные портреты российских и китайских студентов в сравнении обнаружили существенное сходство в социально-демографических характеристиках и ценностях. Вместе с тем были отмечены и значимые отличия в сфере мотивации и общем восприятии возможных перспектив, которые даёт получаемое образование. Российским студентам обучение в Китае оказалось интересно по двум причинам. Во-первых, потому, что высока вероятность получить грант на обучение, покрывающий часто не только плату за учёбу, но и проживание, а также предполагающий ежемесячную стипендию. Во-вторых, обучение в Китае воспринималось как шанс уехать из России с минимальными издержками. При этом само образование и его качество не играли существенной роли, потому что главное – адаптироваться и найти вариант, чтобы не возвращаться в Россию. К сожалению, нет такой статистики, которая бы показывала разницу между уехавшими и вернувшимися. Результаты нашего исследования позволяют предположить, что примерно половина россиян, уехавших учиться в Китай, может не вернуться обратно.

Что касается китайских студентов, их отношение к получению образования в России не связывалось с какими-то перспективными стратегиями закрепления на территории. Большинство из них относилось к учёбе как к возможности получить хорошее образование, которое принесёт отдачу в будущем у себя дома. Они воспринимали обучение в России как временное пребывание на территории другой страны, дающее полезный опыт и знание (в основном языка), а также диплом, имеющий ценность у них дома.

Как уже отмечалось в начале статьи, динамика студенческих потоков в обе стороны стабильно возрастает в течение последних лет [2; 12], чему способствует и благоприятная политическая конъюнктура. Это значит, что есть все основания считать, что рост российско-китайских студенческих миграций продолжится в среднесрочной перспективе [6]. Таким образом, складывается ситуация, когда китайская сторона получает, условно говоря, двойную выгоду. С одной стороны, это свои (китайские) студенты, которые, обучаясь за собственные деньги, в перспективе инвестируют полученное образование в своей стране. С другой стороны, это обучающиеся за счёт правительства КНР российские студенты, не желающие возвращаться на родину. Российские же вузы, наращивая набор китайских студентов, ориентированы только на выполнение формальных требований по показателям интернационализации образования. К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать, что политика Министерства науки и высшего образования, направленная на поощрение вузов к интернационализации, при отсутствии стратегии получения отдачи от неё, может привести к очередной волне «утечки мозгов».

Список литературы

1. Арефьев А.Л. Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 54–66.
2. Арефьев А.Л. Российские студенты в китайских вузах // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 118–126.
3. Глебов В.В. Китайский студент в российской столице // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 49–52.
4. Зубарев А.Е., Белевич Е.А. Результаты мониторинга взаимодействия университетов-партнеров Ассоциации вузов Дальнего Востока, Сибири России и Северо-Восточных регионов Китая // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2016. № 4. С. 115–122.
5. Кошелева Е.Ю., Пак И.Я. Учебные и образовательные стратегии китайских студентов: социокультурный анализ // Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. С. 140–152.
6. Ларин А.Г. Китайская образовательная миграция в России: невеселая картина. URL http://www.synologia.ru/a/Китайская_образовательная_миграция_в_России (дата обращения: 21.06.2019).
7. Леонтьева Э.О. Патриотизм и общественное благо в системе ценностей российских и китайских студентов // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI. № 2. С. 132–137.
8. Леонтьева Э.О. Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 35–40. DOI: 10.14530/reg.2018.4.35
9. Леонтьева Э.О. Социально-психологический портрет и особенности самоидентификации личности китайских студентов, обучающихся в дальневосточных вузах // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV. № 4. С. 114–119.
10. Нефёдова А.И. Экспорт российского высшего образования: особенности формирования и структурирования спроса: дисс... канд. соц. наук. Москва, 2017. 210 с.
11. Федосов Е.А. Китайский студент в Томском государственном университете: ценности, мотивация, бытовая адаптация // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 5. С. 128–133.
12. Education at a Glance 2017: OECD Indicators. Paris: OECD Publishing, 2017. 452 p. DOI: [10.1787/eag-2017-en](https://doi.org/10.1787/eag-2017-en)

References

1. Aref'yev A.L. Chinese Students in Russia. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2010. No. 12. Pp. 54–66. (In Russian)
2. Aref'yev A.L. Russian Students in Chinese Universities. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2009. No. 5. Pp. 118–126. (In Russian)
3. Glebov V.V. Chinese Student in Russian Capital. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2013. No. 1. Pp. 49–52. (In Russian)
4. Zubarev A.E., Belevich E.A. The Results of Monitoring the Cooperation of Members Universities under Association of the Universities of Russian Far East and Siberia and Chinese North Eastern Provinces. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Pacific National University]. 2016. No. 4. Pp. 115–122. (In Russian)
5. Kosheleva E.U., Pak I.Ya. Study and Educational Strategies of Chinese Students: Social and Cultural Analysis. In: *Picture of Educational Migrant. The Main Aspects of Academic, Linguistic and Sociocultural Adaptation*. Tomsk, 2011. Pp. 141–152. (In Russian)
6. Larin A.G. *Chinese Educational Migration in Russia: Gloomy Picture*. Available at: http://www.synologia.ru/a/Китайская_образовательная_миграция_в_России (accessed 20 June 2019). (In Russian)
7. Leontyeva E.O. Patriotism and Public Good in the Value System of Russian and Chinese Students. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2019. Vol. XVI. No. 2. Pp. 132–137. (In Russian)
8. Leontyeva E.O. Socio-Historical Factors of Chinese Educational Migration to Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 35–40. DOI: 10.14530/reg.2018.4.35 (In Russian)
9. Leontyeva E.O. Social and Psychological Profile and Specifics of Self-Identification of Chinese Students Personality Enrolled at Far Eastern Universities. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East]. 2018. Vol. XV. No. 4. Pp. 114–119. (In Russian)
10. Nefedova A.I. *Export of Russian Higher Education: The Features of Formation and Structuring of Demand*. PhD Thesis. Moscow, 2017. 210 p. (In Russian)
11. Fedosov E.A. Chinese Student in Tomsk State University: Values, Motivation, Domestic Adaptation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Tomsk State University. History]. 2015. No. 5. Pp. 128–133. (In Russian)
12. *Education at a Glance 2017: OECD Indicators*. Paris: OECD Publishing, 2017. 452 p. DOI: 10.1787/eag-2017-en

■ ■ ■
Для цитирования:

Леонтьева Э.О. Китайские студенты в России и российские студенты в КНР: опыт сравнения // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 79–92. DOI: [10.14530/reg.2019.5.79](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.79)

For citing:

Leontyeva E.O. Chinese Students in Russia and Russian Students in China: The Experience of Comparative Study. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 79–92. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.79](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.79)

**БЮРАЕВА
Юлия
Григорьевна**

Доктор социологических
наук, ведущий научный
сотрудник

Бурятский научный центр
СО РАН,
ул. Сахьяновой, 8, Улан-Удэ,
Россия, 670047

**BYURAEVA
Yulia
Grigorievna**

Doctor of sociology, leading
researcher

Buryatia Scientific Center
of the Siberian Branch of RAS,
8, Sakhyanovoy Street,
Ulan-Ude, Russia, 670047

julbur@yandex.ru

© Бюраева Ю.Г., 2019

УДК 377 + 378 + 332.1

**ПРОБЛЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ**

В статье анализируется ряд современных тенденций развития системы профессионального образования Республики Бурятия, выявляются проблемные места в стратегическом планировании её развития и возможные пути решения наиболее важных вопросов. Дана характеристика основных показателей развития профессионального образования Республики Бурятия. Автор акцентирует внимание на кризисных моментах, включая снижение качества образования, недостаточность материально-технической базы, нагрузку на профессорско-преподавательский состав, необходимость разработки дополнительных мероприятий и индикаторов стратегического развития профессионального образования. В качестве информационной базы использованы данные официальной статистики, результаты социологических исследований автора по проблемам качества образования и рынка труда Республики Бурятия.

Среднее профессиональное образование, высшее образование, стратегия развития, индикаторы, конкурентоспособность, качество, Республика Бурятия

**PROBLEMS OF STRATEGIC DEVELOPMENT
OF THE SYSTEM OF VOCATIONAL
EDUCATION IN THE REPUBLIC OF BURYATIA**

The modern trends of the development of the system of vocational education in the Republic of Buryatia are analyzed in the article. The problems in the strategic planning of its development and possible solutions of the most important issues are identified. The characteristic of the main indicators of the development of vocational education in the Republic of Buryatia is given. The author focuses on the crisis moments, including the decline in the quality of education, the insufficient material and technical base, the lack of professors and teaching staff, the need to develop additional measures and indicators of the strategic development of vocational education. The information base is the official statistics, the author's sociological researches on the education quality and the labour market in the Republic of Buryatia.

Secondary vocational education, higher education, development strategy, indicators, competitiveness, quality, Republic of Buryatia

Введение

Система образования считается уникальным социальным институтом, призванный развивать и приумножать человеческий капитал на основе формирования социально значимых идей и идеалов, мировоззренческих позиций, конструирующих как общество в целом, так и судьбу отдельных людей [7]. Поэтому все происходящие процессы в этой сфере коренным образом влияют на уровень и качество жизни населения в целом. По мнению ректора МГУ В.А. Садовниченко, в истории цивилизации ещё не было примеров, когда бы страна богатели при одновременном оскудении образования, науки и культуры. Опасность для страны проистекает из заведомо неверно трактуемой властной установки, согласно которой образование станет богаче, когда богатым станет государство, когда его экономика окрепнет и разовьётся. Ошибочность толкования заключается в том, что в этом случае поменялись местами причина и следствие [1].

Преодолению отставания от развитых экономических стран и эффективному развитию отечественного образования способствует модернизация системы образования. Новый её виток связан с позиционированием современного этапа развития экономики и общества как инновационного [11]. Следовательно, актуализируются проблемы подготовки выпускников учреждений профессионального образования в отношении качества образования и соответствия реальным потребностям рынка труда, интеграции образования, науки и производства. Возникает вопрос о возможности российского образования, в том числе на уровне периферийных регионов, стать основой формирования инновационной экономики. В этой связи необходимо повышение эффективности государственного регулирования данной системы, основанное на подходе «через богатое образование – к богатой России».

Начало XXI в. ознаменовалось принятием целого ряда программных документов развития российского образования: «Национальной доктрины образования в Российской Федерации», «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г.», «Основных направлений социально-экономической политики Правительства РФ на долгосрочную перспективу». Эти документы заложили основы системных изменений в образовании, переориентировали образовательную теорию и практику на решение новых задач и стали свидетельством превращения образования в приоритетное направление развития государственной политики. Затем появились документы, определяющие перспективы дальнейшего развития образования: «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.», «Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г.», «Стратегия развития науки и инноваций в РФ до 2015 г.», «Государственная программа РФ «Развитие образования» до 2025 г.». Проходят обсуждение и принимаются федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) для всех уровней образования [10].

На уровне регионов также были приняты соответствующие стратегические и программные документы по развитию системы образования, в том числе профессионального. Предполагалось, что методы программно-целевого прогнозирования позволят решить проблемы развития данной системы в увязке с региональной стратегией развития. Однако нарастание проблем в развитии профессионального образования продолжается, некоторые цели стратегических документов продолжают носить декларативный характер.

В этой связи исследовательский фокус автора направлен на анализ основных тенденций развития системы профессионального образования Республики Бурятия (РБ), включая определение проблемных мест в стратегическом планировании её развития и возможных решений наиболее важных вопросов. Эмпирической базой для исследования послужили данные

Федеральной службы государственной статистики РФ¹, результаты социологических опросов учеников 11 класса² и студентов выпускных курсов системы среднего профессионального образования (СПО) и вузов Республики Бурятия³.

Стратегическое планирование развития профессионального образования

Развитие системы профессионального образования Республики Бурятия регламентировано «Стратегией социально-экономического развития на период до 2035 года»⁴ и государственной программой Республики Бурятия «Развитие образования и науки на 2014–2020 гг. и на период до 2025 г.»⁵, в которых определены приоритеты, целевые ориентиры и мероприятия по развитию среднего профессионального образования и высшей школы Республики Бурятия.

В стратегии социально-экономического развития республики предусмотрен единственный показатель, по которому можно будет оценить развитие профессионального образования в регионе – доля выпускников очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года после окончания обучения по полученной специальности, что явно недостаточно.

Запланированный в стратегии ряд мероприятий по развитию системы профессионального образования и подготовки кадров, соответствующих требованиям работодателей⁶, касается только СПО. Приоритеты развития высшего образования (ВО) в республике никак не обозначены, как и не предусмотрены мероприятия по его развитию. Мероприятие по формированию и корректировке потребности региональной экономики в профессиональных кадрах не имеет индикаторов, по которым можно оценить эффективность его выполнения. Содержание мероприятий по повышению качества подготовки кадров на территории региона не соответствует названию, поскольку они затрагивают главным образом безработных, в то время как название предполагает повышение качества подготовки всех категорий граждан. Необходимо предусмотреть мероприятия по повышению качества подготовки кадров и по другим категориям рабочей силы региона.

Намеченные в республиканской программе развития образования и науки 5 индикаторов оценки развития сферы профессионального образования не раскрывают в полной мере поставленные цели и задачи (*табл. 1*).

¹ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

² Пилотное исследование было проведено автором в 2015 г. с использованием метода анкетного опроса. Цель опроса – выявление специфики образовательных стратегий старшеклассников и механизмов их формирования. Было опрошено 200 учеников 11-го класса Республики Бурятия на основе многоступенчатой стратифицированной выборки.

³ Исследование качества среднего профессионального образования было проведено автором в 2016 г., высшего образования – в 2018 г. на основе единой методики с использованием анкетного опроса. Цель опроса – оценка степени удовлетворённости студентов качеством получаемого образования. Объект исследования – студенты выпускных курсов очного отделения образовательных организаций (ОО) СПО и ВО Республики Бурятия. Было опрошено 442 выпускника ОО СПО на основе многоступенчатой стратифицированной выборки и 800 выпускников вузов на основе целенаправленной выборки. Метод отбора – «сплошной массив» (опрашивались все присутствующие на занятиях студенты). Некоторые результаты этих исследований были ранее опубликованы [2; 3; 4].

⁴ <http://egov-buryatia.ru/minec/activities/directions/strategicheskoe-upravlenie/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-ser-rb/>

⁵ <http://docs.cntd.ru/document/473811144>

⁶ Постановление Правительства Республики Бурятия № 174 от 9 апреля 2019 г. «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Республики Бурятия на период до 2035 года».

Таблица 1

Ключевые параметры Программы развития образования и науки Республики Бурятия

Подпрограммы	Цели	Задачи	Индикаторы
СПО	Модернизация профессионального образования РБ с учётом потребности рынка труда и стратегии регионального развития	1. Повышение доступности и качества СПО	1. Доля ОО СПО, здания которых приспособлены для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья, %
		2. Формирование эффективной территориально-отраслевой организации ресурсов системы профессионального образования, ориентированной на потребности регионального рынка труда	2. Отношение среднемесячной заработной платы преподавателей и мастеров государственных ОО, реализующих программы СПО, к среднемесячной начисленной заработной плате наёмных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц РБ, %
			3. Доля организаций ПО, внедривших новые программы и модели ПО, %
Наука и высшая школа	Развитие, рациональное и эффективное использование научно-технического, образовательного и инновационного потенциала ОО ВО РБ для решения социально-экономических проблем региона	3. Реализация научно-исследовательской деятельности ОО ВО РБ	4. Доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП, %
		4. Стимулирование развития творческого и научного потенциала студентов, талантливой молодежи	5. Количество призёров студенческих олимпиад, человек

Индикатор первой задачи позволяет оценить её лишь наполовину. Прямое использование среднемесячной зарплаты в качестве индикатора второй задачи не даёт представления о темпах и эффективности развития образования как такового. Не раскрывается проблема соответствия рынка образовательных услуг реальным потребностям экономики республики в кадрах, обозначенная в цели развития СПО. Между тем среди негативных тенденций, требующих особого внимания, можно выделить высокий уровень безработицы среди молодых специалистов, нарастание проблем сбалансированности спроса и предложения рабочей силы на рынке труда как в профессионально-квалификационном разрезе, так и по уровню образования. Имеет место и структурный дефицит кадров по отдельным (преимущественно рабочим) специальностям. Следует заметить, что для регионального рынка труда актуальными становятся вопросы не столько дефицита труда как общей нехватки рабочей силы, сколько дефицита квалификации. Индикатор третьей задачи не даёт представления о реализации научно-исследовательской деятельности именно в вузах республики, поскольку отражает затраты на выполнение исследований и разработок всех организаций на территории региона.

В связи с этим необходима разработка индикаторов развития науки и инноваций, а также оценки качества образования. Использование целевого индикатора программы – удельный вес выпускников организаций профессионального образования, трудоустроившихся по специ-

альности – для оценки качества образования недостаточно, поскольку происходят стагнация рынка труда и распространение неформальных каналов (социальных сетей) трудоустройства. Основой одного из возможных дополнительных индикаторов могла бы стать система оценок качества образования посредством регулярного мониторинга условий, содержания, результатов и степени удовлетворённости обучающихся качеством получаемого образования, в том числе с привлечением результатов независимой оценки качества образования. Положительные примеры проведения подобных мониторингов имеются. Так, в Костромской области инициирован проект по формированию региональной системы оценки качества образования в профессиональных образовательных организациях¹. Проведение мониторинга необходимо не только для контроля, но и для проведения аналитических исследований, корректировки образовательных программ, разработки комплекса мер по повышению качества образовательных услуг исходя из потребностей работодателей. Он может стать основой создания и внедрения системы управления качеством образовательной деятельности. Повышение качества образования могло бы выступить фактором привлечения абитуриентов и сдерживания образовательной миграции талантливой молодёжи, а в конечном счёте – создания и воспроизводства человеческого капитала.

Слабая же проработанность стратегических документов ведёт к нарастанию проблем в сфере профессионального образования республики.

Характеристика системы профессионального образования и её основных проблем

В настоящее время в систему среднего профессионального образования Республики Бурятия входит 31 образовательная организация, которые реализуют программы подготовки квалифицированных рабочих кадров и специалистов среднего звена (*табл. 2*).

Таблица 2

Характеристика образовательных учреждений (ОУ) СПО Республики Бурятия

Ведомственная принадлежность	Количество	Месторасположение	
		Улан-Удэ	районы РБ
Министерство образования и науки	20	12	8
Министерство культуры	2	2	0
Министерство здравоохранения	2	1	1
ОУ при вузах	5	5	0
Коммерческие ОУ	2	2	0
Итого	31	22	9

Высшее образование в республике можно получить в 4 государственных вузах (БГУ, БГСХА, ВСГУТУ, ВСГИК) и одном негосударственном (БЭПИ). Кроме них на коммерческой основе работают 9 филиалов иногородних вузов, обучение в которых ведётся преимущественно в заочной форме. Исключение составляют филиалы ИрГУПС и СибГУТИ, в которых предусмотрено небольшое количество бюджетных мест.

¹ http://www.eduportal44.ru/koiro/CROS/fros/KRPO/SiteAssets/SitePages/Оценка качества/ПРИКАЗ_СОКО.pdf

Основной контингент получающих профессиональное образование в республике – студенты вузов, их доля составляет 49,5%. По программам подготовки специалистов среднего звена обучается 38,2%, квалифицированных рабочих, служащих – всего 12,3% (табл. 3). При этом на рынке труда региона складывается обратная, в сравнении с образовательной сферой, ситуация. Так, по данным Республиканского агентства занятости населения, для большинства вакантных мест (59,4%) требуется среднее профессиональное образование. Почти для четверти вакансий (23,8%) вообще не требуется специальное образование. Высшее образование необходимо только для 16,8% вакансий¹.

Бурятия занимает достаточно высокое место по количеству студентов системы СПО на 10 тыс. населения как в СФО и ДФО, так и в РФ в целом. В высшей школе происходит снижение численности студентов. Если в 2016 г. Бурятия занимала 26-е место в РФ по численности студентов ВО на 10 тыс. населения, то в 2017 г. – только 38-е. Помимо Бурятии данный показатель снизился только в 5 регионах (Республика Калмыкия, Пензенская, Брянская, Смоленская и Ярославская области).

С 2011 г. происходит сокращение численности приёма в республиканские вузы, что не является свидетельством снижения ориентации молодёжи на получение высшего образования. Скорее это результат урезания количества бюджетных мест, падения качества образования, недостаточного уровня материально-технической базы республиканских вузов, снижения кадрового потенциала учреждений профессионального образования, а также общей стагнации социально-экономической ситуации в регионе. Например, оснащённость компьютерами вузов сопоставима со средним профессиональным образованием, но не достаточна для уровня высшей школы. Более того, этот показатель ниже, чем средние значения по РФ, СФО и ДФО; республика находится в конце рейтинга и занимает 76-е место среди регионов РФ.

Также одной из причин снижения конкурентоспособности регионального высшего образования является высокая нагрузка на профессорско-преподавательский состав. С 2010 г. численность преподавателей сократилась на 18%. На одного преподавателя вуза в регионе приходится 17 студентов, что превышает значение целевого индикатора, предусмотренного в государственной программе «Развитие образования» на 2013–2020 гг.², на 5 человек.

В системе СПО наблюдается ещё более острая ситуация с кадровым дефицитом преподавателей и мастеров, особенно имеющих опыт профессиональной деятельности на современном производстве. Так, на одного преподавателя приходится 19 студентов, обучающихся по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих, и 23 студента, получающих образование по программам подготовки специалистов среднего звена. Хотя указанной выше программой по развитию образования запланирован показатель в 15 человек. Таким образом, превышение нагрузки на одного преподавателя составляет 4 и 8 человек соответственно.

Для Бурятии характерна более высокая нагрузка на профессорско-преподавательский состав и мастеров производственного обучения по сравнению с РФ, СФО и ДФО (кроме подготовки специалистов среднего звена). При этом уровень заработной платы преподавателей вузов в РФ, СФО и ДФО значительно превышает республиканский. В Бурятии традиционно одна из самых низких зарплат в СФО (ниже – только в Алтайском крае) и самая низкая в ДФО³.

¹ <http://burzan.govrb.ru/vakansii>

² Постановление Правительства РФ № 376 от 31 марта 2017 г. «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие образования на 2013–2020 годы»».

³ http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_monitor/itog-monitor4-17.html

Таблица 3

Основные показатели развития системы ПО (2017 г.)

Показатель	СПО (квали- фицированные рабочие)	СПО (специа- листы среднего звена)	ВО
Численность студентов, тыс. человек	6,2	19,2	24,9
Доля студентов, %	12,3	38,2	49,5
Численность студентов (на 10 000 населения)	63	195	253
Место РБ по численности студентов (на 10 000 населения) в			
СФО	2	4	6
ДФО	2	4	3
РФ	5	13	38
Приём, тыс. человек	2,5	5,9	5,8
Доля приёма, %	17,6	41,5	40,9
Выпуск, тыс. человек	1,9	4,0	5,4
Доля выпуска, %	16,8	35,4	47,8
Выпуск (на 10 000 человек занятого населения)	50	105	141
Численность профессорско-преподавательского состава, человек	331	805	1 494
Количество студентов на 1 преподавателя и(или) мастера в			
РБ	19	23	17
СФО	14	21	18
ДФО	14	24	18
РФ	14	21	17
Оснащённость компьютерами (на 1 000 студентов) в			
РБ	168 (29-е место в РФ)		165 (76-е место в РФ)
СФО	146		267
ДФО	165		229
РФ	156		229
Средняя заработная плата преподавателей и мастеров, рублей			
РБ	29 234 *		44 385 **
СФО	30 098		55 656
ДФО	43 021		65 386
РФ	32 212		63 831

Примечания: * 32-е место в РФ, 6-е место в СФО, 9-е место в ДФО;

** 47-е место в РФ, 9-е место в СФО (предпоследнее), 6-е место в ДФО (последнее).

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 302–358.

Оценка качества образования и рост образовательной миграции

Сами студенты-выпускники оценивают качество получаемого образования в региональных образовательных организациях в среднем как удовлетворительное. Значение этой оценки ближе к нижней границе соответствующего уровня, что вызывает определённые опасения. Средний индекс степени удовлетворённости получаемым образованием имеет аналогичное значение как у студентов среднего профессионального, так и у студентов высшего образования. Оценки составляющих учебного процесса варьируются в диапазоне от 3,32 до 3,97 балла (табл. 4).

Таблица 4

Оценка удовлетворенности студентов выпускных курсов качеством образования

Составляющая учебного процесса	Средний балл		Индекс удовлетворённости		Оценка уровня удовлетворённости			
	СПО	ВО	СПО	ВО	абсолютная *		относительная **	
					СПО	ВО	СПО	ВО
Организация	3,76	3,64	0,69	0,66	удовлетворительный	удовлетворительный	сопоставимый	сопоставимый
Содержание	3,97	3,74	0,73	0,68	допустимый	удовлетворительный	относительно благополучный	относительно благополучный
Материально-техническое обеспечение	3,54	3,32	0,50	0,58	неудовлетворительный	удовлетворительный	относительно проблемный	относительно проблемный
Средний индекс удовлетворённости			0,64	0,64	удовлетворительный		«фон»	

Примечания: * включает 5 уровней: неудовлетворительный (менее 0,60), удовлетворительный (0,60–0,69), допустимый (0,70–0,79), средний (0,80–0,89), высокий (0,90–1,00);

** включает 3 уровня: относительно проблемный, сопоставимый, относительно благополучный; в качестве «фона» выступает уровень качества образовательных услуг, выявленный в целом по исследуемой совокупности [8].

Источник: рассчитано автором на основе результатов анкетных опросов студентов выпускных курсов очного обучения вузов (N=790) и ОО СПО (N=442); методика расчёта рассмотрена в [3].

По мнению выпускников, самым проблемным местом является материально-техническое обеспечение учебного процесса, особенно в учреждениях среднего профессионального образования. Относительно благополучным является содержание учебного процесса – здесь получены наиболее высокие оценки. При этом студенты системы СПО демонстрируют большую степень удовлетворённости. Оценка организации образовательного процесса соответствует среднему значению, выявленному в целом по респондентам.

Кроме того, основанием для оценки качества образования может служить мнение студентов о правильности сделанного выбора учебного заведения и специальности. Более половины опрошенных студентов сомневается в своём выборе. Только для 37,3% студентов вузов и 49,1% студентов системы СПО выбор образовательного учреждения оказался однозначно правильным. Более того, для 17,0% вуз и 10,2% ссуз был выбран случайно. В отношении выбора специальности ситуация выглядит несколько лучше. Однозначно правильно выбрали свою специальность 42,4% студентов вузов и 51,1% – системы СПО.

В результате указанных проблем происходит рост образовательной миграции. С введением новых правил приёма по результатам ЕГЭ абитуриенты получили широкие возможности при выборе учебных заведений, одним из факторов конкурентоспособности которых становится качество подготовки. Результаты исследования образовательных стратегий учащихся выпускных классов республиканских школ указывают на высокую значимость качества образования при выборе учебного заведения. При этом качество образования как мотив выбора вуза занимает лишь 5-е место у выпускников республиканских вузов (20,8% опрошенных). Местные вузы выбирают в основном из практических соображений и наличия необходимой специальности. Высокое качество подготовки имело значение при выборе образовательной организации у 11,6% выпускников учреждений системы СПО. Главными мотивами выбора здесь являются наличие необходимой специальности и мнение родителей.

В частности, в связи с этим численность выпускников (1 191 человек или 21,9%), решивших получать образование в региональных вузах, почти в 2 раза меньше мигрировавших для обучения за пределы республики. Доля выпускников, поступивших в вузы других городов в 2018 г., в том числе за рубежом, составила 40,1% (2 093 человека), в учреждения СПО – 6,4%, что на 1,4% и 0,8% соответственно выше, чем в 2017 г.¹

Таким образом, обучение в иногородних вузах более привлекательно для республиканских абитуриентов. В случае с СПО наблюдается обратная картина. Численность оставшихся абитуриентов для обучения в региональных учреждениях СПО превышает численность уехавших почти в 3 раза.

С учётом этих данных получается, что большинство выпускников школ нацелено получить высшее образование (62%), и лишь четверть – пройти обучение по программам подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих (24,8%).

Рост образовательной миграции, в свою очередь, ведёт к проблемам набора. Средний уровень подготовленности абитуриентов, поступающих в региональные вузы и, как следствие, средний уровень студентов снижаются. Так, по данным мониторинга качества приёма в вузы, проводимого НИУ ВШЭ, Республика Бурятия относится к регионам-аутсайдерам и занимает 70 место из 79². В 2018 г. средний балл ЕГЭ абитуриентов на бюджетной основе составил 57,3 балла, а на платном обучении – 56,7 балла.

«Утечка умов» в виде миграции выпускников с высокими баллами ЕГЭ потенциально может привести к негативным последствиям для развития региона с точки зрения кадрового обеспечения и формирования региональных элит. Это особо проблемная зона для Сибири и Дальнего Востока. Рост образовательной миграции отражает возросшую конкуренцию между регионами за человеческие ресурсы. Выпускники сравнивают возможности регионов и после окончания учёбы в основном принимают решение остаться в крупных городах с развитой экономикой, социальной сферой, в которых есть возможности для карьерного роста и обеспечения высокого уровня жизни. В таком периферийном регионе, как Бурятия, отъезд молодёжи

¹ <http://egov-buryatia.ru/minobr/activities/napravleniya-deyatelnosti/vysshee-obrazovanie/statistika/>

² https://ege.hse.ru/stata_2018_all

помимо прямых демографических потерь усугубляет экономические проблемы в силу снижения количества рабочих мест и потребительского спроса. Обостряются и социальные проблемы. По сути, большинство периферийных регионов России стало «донором» человеческих ресурсов для наиболее развитой части страны. При сохранении существующих тенденций ситуация для их вузов может стать ещё хуже [6].

Выводы и предложения

Для преодоления сложившейся в региональной образовательной системе негативной ситуации необходимы глубокие институциональные преобразования, согласование предлагаемых образовательных услуг с потребностями экономики республики в профессиональных кадрах, включение в «Стратегию социально-экономического развития Республики Бурятия» соответствующих мероприятий и индикаторов, в том числе предусматривающих развитие высшего образования и подготовку кадров высшего уровня в республике, повышение качества профессионального образования и введение в практику системы его оценок на основе регулярного мониторинга условий, содержания, результатов и степени удовлетворённости обучающихся качеством получаемого образования.

Качество вузов зависит от ресурсов, которыми они располагают, поэтому одним из решений данной проблемы могло бы стать создание опорного вуза в республике на базе БГУ или ВСГУТУ либо их объединение, что предполагает получение дополнительных финансовых, экономических и кадровых ресурсов, необходимых для модернизации вуза. Это поможет нивелировать негативные эффекты от создания университетов, ориентированных на федеральное и глобальное лидерство, и развивать высшее образование в республике. Как показывает практика, статус опорного вуза резко повышает внешнюю и внутреннюю активность, меняется городская среда [12].

Необходимость такого вуза назрела и по причине того, что реализуемая «опорная» география вузов фактически «оголила» регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока, которые характеризуются нехваткой и оттоком квалифицированных кадров. Целевые показатели, которые ставятся перед опорными университетами, – это в первую очередь индикаторы регионального развития. По мнению ректора Алтайского госуниверситета С. Землюкова, показатели развития опорного университета, вполне вероятно, будут включаться в показатели стратегического развития региона¹.

Создание такого вуза могло бы выступить фактором привлечения абитуриентов и сдерживания образовательной миграции талантливой молодёжи, процент возврата которой ничтожно мал. Кроме того, Республика Бурятия является приграничным регионом, и угроза его обезлюдения становится уже общегосударственной проблемой. Таким образом, сохранение и развитие высшего образования напрямую влияет на процессы регионального развития, проблемы которого сейчас стоят очень остро. Статус опорного вуза предполагает его вовлечение в процессы регионального развития, установления более тесных связей с региональными властями, предприятиями, адаптацией оказываемых услуг под запросы рынка труда и местных сообществ. Назрела необходимость активизации роли правительства Бурятии [9]. Именно его жёсткой и беспокойной позиции, на наш взгляд, не хватает для решения сложившихся проблем. Сегодня вузы не могут ограничиваться выполнением текущих требований своих традиционных заказчиков – федерального центра и платёжеспособных абитуриентов. Вузам необходимо работать с учётом стратегического развития своего региона, образа его будущего и готовить кадры на опережение.

¹ <http://barnaul.org/news/rektor-altgu-svyazal-tselevye-pokazateli-razvitiya-opornykh-vuzov-s-pokazatelyami-regionalnogo-razvi.html>

На данный момент республика не обладает ярко выраженной специализацией. Дальнейший рост её экономики, ограниченной особым режимом хозяйственной деятельности (большая часть территории республики входит в Байкальскую природную территорию), видится в развитии принципов «зелёной экономики» и видов экономической деятельности, не связанных с экологическими ограничениями и способствующих сохранению и развитию человеческого капитала. К ним можно отнести акваэкономику, здравоохранение, рекреацию, образование, в том числе экологическое, и др. Бурятия могла бы выступить в качестве пилотного региона по апробации новых механизмов создания и развития современных несырьевых производств на основе принятия отдельных федеральных документов [5]. Соответственно, в задачи создания опорного вуза должно входить предоставление уникальных возможностей для обучающихся в сфере экологии и охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов. Предпосылки развития данного направления подготовки уже имеются в ВСГУТУ. Кроме того, в условиях роста международного сотрудничества со странами Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятия становится стратегически важным регионом. Её приграничное расположение обеспечивает возможность реализации в рамках экономического коридора «Россия – Монголия – Китай» проектов по развитию транзитного транспорта, расширению сотрудничества в промышленном, энергетическом, туристическом, образовательном и научно-техническом секторах. В обозначенных отраслях востребованными станут специалисты со знанием восточных языков, основ ведения бизнеса с указанными странами и т.п. Основой подготовки таких специалистов может стать Восточный институт БГУ.

В отношении развития среднего профессионального образования определённые сдвиги наметились в связи с включением Республики Бурятия в Дальневосточный федеральный округ. На данный момент республика стала участником ряда федеральных приоритетных проектов, включая и образование. Большие надежды возлагаются на реализацию плана социального развития центров экономического роста Бурятии («единая дальневосточная» субсидия), в который включён ряд мероприятий по развитию СПО¹. Стратегическое развитие учреждений СПО предполагает прежде всего модернизацию материально-технической базы в соответствии с международными стандартами Worldskills, на основе которой станет возможно лицензирование и открытие новых, востребованных рынком труда специальностей.

В целом задача повышения эффективности профессионального образования может успешно решаться только в рамках совместной работы всех заинтересованных сторон: органов исполнительной власти республики, органов местного самоуправления, учреждений науки, занимающихся разработками в области кадрового обеспечения экономики, предприятий и организаций, образовательных учреждений, службы занятости населения.

Список литературы

1. Берестова Л.И., Докторович А.Б. Образование как системный фактор социально-экономического развития // Право и образование. 2002. № 5. С. 37–45.
2. Бюраева Ю.Г. Институциональные изменения системы высшего образования в Республике Бурятия // ЭКО. 2018. № 10. С. 65–76. DOI 10.30680/ECO0131-7652-2018-10-65-76
3. Бюраева Ю.Г. Методика оценки качества профессионального образования на основе опроса обучающихся // Вестник БНЦ СО РАН. 2018. № 2. С. 109–115. DOI: 10.31554/2222-9175-2018-30-109-115
4. Бюраева Ю.Г. Оценка качества среднего профессионального образования с позиции потребителей (на материалах Республики Бурятия) // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 33–44. DOI: 10.14530/reg.2018.5.33

¹ http://egov-buryatia.ru/press_center/news/detail.php?ID=36422

5. Дондоков З.Б.-Д. О стратегии-2035 и инструментах социально-экономического развития Республики Бурятия // Вестник БНЦ СО РАН. 2018. № 3. С. 105–112. DOI: 10.31554/2222-9175-2018-31-105-112
6. Дондоков З.Б.-Д., Дондокова И.В. Развитие высшего профессионального образования в Республике Бурятия: экономические, социальные и демографические проблемы // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2013. № 1. С. 11–14.
7. Зими́на Е.В., Трохи́рова У.В. Проблемы и стратегические приоритеты развития системы образования в контексте повышения качества жизни населения (на примере г. Иркутска) // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 4. С. 18–26.
8. Миляева Л.Г. Мониторинг качества образовательных услуг, базирующийся на опросе обучающихся (методический инструментарий) // Вестник НГУЭУ. 2015. № 3. С. 238–248.
9. Намсараев З., Цыдыпов Т. Почему из Бурятии «утекают мозги», и как этот процесс обратить вспять? URL: <https://www.infpol.ru/176314-pochemu-iz-buryatii-utekayut-mozgi-i-kak-etot-protsess-obratit-vspyat/> (дата обращения: 23.04.2019).
10. Харина Н.В. Профессиональное образование в России: проблемы, пути решения // Научно-педагогическое обозрение. 2013. № 1. С. 8–15.
11. Харченко И.И., Бусыгин В.П. Система высшего образования и вызовы модернизации // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2007. С. 19–63.
12. Чернышов С. Надежда на опору: история создания опорных университетов в Сибири в четырех частях с антрактом. URL: <http://www.sib-science.info/ru/heis/nadezhda-na-oporu-29012018> (дата обращения: 22.04.2019).

References

1. Berestova L.I., Doctorovich A.B. The Education as a Systemic Factor in Socio-Economic Development. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education]. 2002. No. 5. Pp. 37–45. (In Russian)
2. Byuraeva Yu.G. The Institutional Changes in the System of the Higher Education in the Republic of Buryatia. *EKO* [ECO]. 2018. No. 10. Pp. 65–76. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-10-65-76 (In Russian)
3. Byuraeva Yu.G. Student Survey-Based Methods of Assessing Vocational Training Quality. *Vestnik BNTs SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. 2018. No. 2. Pp. 109–115. DOI: 10.31554/2222-9175-2018-30-109-115 (In Russian)
4. Byuraeva Yu.G. Quality Assessment of Secondary Vocational Education from the Consumers Position (Case Study of the Republic of Buryatia). *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 5. Pp. 33–44. DOI: 10.14530/reg.2018.5.33 (In Russian)
5. Dondokov Z.B.-D. The Strategy-2035 and Instruments of Social and Economic Development of the Republic of Buryatia. *Vestnik BNTs SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS]. 2018. No. 3. Pp. 105–112. DOI: 10.31554/2222-9175-2018-31-105-112 (In Russian)
6. Dondokov Z.B.-D., Dondokov I.V. Development of Higher Education in the Republic of Buryatia: Economic, Social and Demographic Problems. *Vestnik BGU. Economica i management* [BSU Bulletin. Economics and Management]. 2013. No. 1. Pp. 11–14. (In Russian)
7. Zimina E.V., Trokhirova U.V. Problems and Strategic Priorities of Educational System Development in the Context of Improving Life Quality. *Izvestiya Irkutskoj gosudarstvennoj ekonomicheskoy akademii* [Bulletin of the Irkutsk State Economic Academy]. 2013. No. 4. Pp. 18–26. (In Russian)
8. Milyaeva L.G. Monitoring of Quality of Educational Services, Based on a Survey of Students (Methodological Tools). *Vestnik NGUEU* [Vestnik NSUEM]. 2015. No. 3. Pp. 238–248. (In Russian)
9. Namsaraev Z., Cydypov T. *Why of Buryatia «Funneling Brains», and How Can This Process Be Reversed?*

Available at: <https://www.infpol.ru/176314-pochemu-iz-buryatii-utekayut-mozgi-i-kak-etot-protsess-obratit-vspyat/> (accessed 23 April 2019). (In Russian)

10. Kharina N.V. Professional Education in Russia: Problems and Solutions. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* [Pedagogical Review]. 2013. No. 1. Pp. 8–15. (In Russian)

11. Kharchenko I.I., Busygin V.P. Higher Education System and Modernization Tasks. In: *Economic Development of Russia: Regional and Industry Aspects*. Novosibirsk, 2007. Pp. 19–63. (In Russian)

12. Chernyshov S. *The Hope Support: The History of the Creation of the Reference Universities in Siberia in Four Parts with an Intermission*. Available at: <http://www.sib-science.info/ru/heis/nadezhda-na-oporu-29012018> (accessed 22 April 2019). (In Russian)

■ ■ ■
Для цитирования:

Бюраева Ю.Г. Проблемы стратегического развития системы профессионального образования в Республике Бурятия // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 93–105. DOI: [10.14530/reg.2019.5.93](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.93)

For citing:

Byuraeva Y.G. Problems of Strategic Development of the System of Vocational Education in the Republic of Buryatia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 93–105. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.93](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.93)

**ГУДКОВА
Евгения
Васильевна**

Кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**GUDKOVA
Eugenia
Vasilyevna**

Ph.D. in economics,
associated professor, senior
researcher

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

gudkova@ecrin.ru

УДК 332.135

**ЦЕНТР СВЯЗНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-
ЧАСТНОГО ПАРТНЁРСТВА
В ФОРМИРОВАНИИ ПРОЕКТНОГО
ФИНАНСИРОВАНИЯ МАКРОРЕГИОНА**

В статье обосновывается гипотеза о том, что современная эволюция экономической системы проявляется как получение сотрудничеством приоритета по отношению к двум другим типам транзакционных издержек координации – конкуренции и власти. В условиях цифровизации происходит модификация пространства как системы экономических взаимодействий хозяйствующих субъектов, уменьшается роль и значение географического соседства. Вместе с тем в статье показано, что приоритет сотрудничества как механизма координации заставляет хозяйствующие субъекты учитывать необходимость координации своей деятельности с расположенными в пределах той же территории экономическими агентами. В целом это существенно усложняет само понятие и особенности функционирования экономического пространства.

Пространственная экономика, государственно-частное партнёрство, «общая ценность», неформальная глобализация, хозяйственный порядок, Дальний Восток России

**CONNECTIVITY CENTRE OF PUBLIC-PRIVATE
PARTNERSHIP IN SHAPING THE PROJECT
FINANCING OF MACROREGION**

The article substantiates the hypothesis that modern evolution of the economic system is shown as receiving priority of cooperation vis-à-vis the two other types of transaction costs coordination (competition and power). In the context of digitalisation we can see modification of space as a system of business subjects economic interactions, the role and importance of geographical contiguity is being decreased. However, the article shows that priority cooperation coordination mechanism makes businesses take into account the need to coordinate its activities with economic agents located within the same territory. In general, this significantly complicates the notion and peculiarities of functioning of economic space.

Spatial economy, public-private partnership, «shared value», informal globalization, economic order, Russian Far East

© Гудкова Е.В., 2019

Постановка проблемы

Формирование центра связности¹ предполагается необходимостью согласования бизнес-стратегий, экономической политики государства, стратегий домашних хозяйств с целью перевода национальной экономики на цифровую платформу, что соответствует ведущим трендам глобального экономического развития. Реальным механизмом такого согласования является осуществление проектного финансирования в рамках конкретных программ и национальных проектов.

При этом следует иметь в виду, что «цифровая экономика» в настоящее время не имеет однозначного определения. В рамках данной статьи автор будет придерживаться определения «цифровой экономики» как международного рынка электронных товаров и услуг, как экономической системы, в которой добавленная стоимость формируется на основе информационно-коммуникационных технологий, как системы экономических и социокультурных отношений, базирующихся на цифровых технологиях².

Рейтинг цифровой конкурентоспособности (Digital Evolution Index 2017)³, целью которого было проследить появление так называемой «цифровой планеты», то есть смену физических взаимодействий (в общении, коммуникации на политическом и социальном уровне, торговле, медиа и развлечениях) цифровыми взаимодействиями, выделяет четыре группы стран: страны-лидеры, страны с замедляющимся темпом роста, перспективные и проблемные страны. Россия входит в группу перспективных стран. Перспективные страны находятся на низком уровне цифровизации, но стремительно развиваются. Динамика развития и потенциал обосновывают эффективность инвестиций. Сдерживают инвесторов неразвитая инфраструктура и низкое качество институциональной среды. Институциональная среда для развития исследований и разработок, инфраструктура для создания сети цифровых платформ и развитие технологических заделов выделены в Платформе мероприятий в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» на 2018–2020 гг.

Прогресс цифровизации экономики существенно модифицирует систему экономических взаимодействий, формирующих общий хозяйственный порядок⁴. При этом одним из наиболее сложных является вопрос о том, является ли механизм государственного регулирования экономики составной частью хозяйственного порядка или это внешний по отношению к нему параметр. В процессе общественного развития среди трёх основных типов транзакционных издержек координации (конкуренция, власть, сотрудничество) приоритет получает сотрудничество. В соответствии с теоретическими направлениями, базирующимися на предпосылках методологического индивидуализма и рационального поведения классической и маржиналистской (неоклассической) теории, производство понимается как комбинирование производственных факторов.

¹ Центр связности государственно-частного партнёрства (ГЧП) обосновывает приоритет сотрудничества как механизма координации по отношению к двум другим типам транзакционных издержек координации (конкуренции и власти) в процессе общественного развития системы, в которой управление – зависимая переменная, глобализация – независимая [5; 6].

² В соответствии с различными подходами к оценке в 2016 г. вклад цифровой экономики в России составлял 2,0–5,1% ВВП, в США – 11–34%, в Китае – 10–11% соответственно [15].

³ Для рейтинга цифровой конкурентоспособности (Digital Evolution Index 2017) Гарвардским университетом совместно с компанией Mastercard и Школой права и дипломатии им. Флетчера в Университете Тафтса были проанализированы состояние и темпы развития цифровой экономики в 60 странах по 170 показателям, описывающим четыре фактора [22].

⁴ Хозяйственный порядок – совокупность обычаев, писаных (и утверждаемых, например, в виде законов) и неписаных правил и норм поведения, а также форм и механизмов, обеспечивающих их реализацию. Рассмотрению хозяйственного порядка как элемента системного подхода в экономике посвящена богатая научная литература как в рамках советской школы (П. Анохин, В.Н. Садовский, И.В. Блауберг, Э.Г. Юдин), так и за рубежом, где этот вопрос рассматривается в рамках теории хозяйственного порядка ордолиберального направления Фрайбургской школы (Ф. Бём) [2; 4; 9; 16; 17; 19].

Цель статьи – обоснование цифровой платформы технологических обменов Дальнего Востока России Второй эпохи глобализации. Задача – определение направлений технологических обменов в контексте результативности проектного подхода ГЧП в условиях рыночного пространственного взаимодействия стратегии сотрудничества.

Центр связности (цифровая платформа) государственно-частного партнёрства в формировании проектного финансирования определяется узловыми механизмами системы. Какой результат должен быть получен? Когда именно должен быть получен результат? Какими механизмами должен быть получен результат? Как система убеждается в достаточности полученного результата? Формирование центра связности ГЧП предполагает обоснование направлений технологического обмена на базе систем проектирования будущего¹.

В настоящей статье рассматривается та часть вопросов формирования хозяйственного порядка, согласования инвестиционных проектов, которая относится к режиму государственно-частного партнёрства². К проектам государственно-частного партнёрства в соответствии с общими теоретическими подходами и мировой практикой относятся те проекты, которые реализуются государственными органами и частными компаниями на объектах государственной и муниципальной собственности. Особенностью этих проектов является то, что в рамках чисто коммерческого подхода их реализация невозможна из-за недостижимости коммерческих критериев эффективности в силу наличия «затратного навеса», а в рамках чистого государственного инвестирования невозможно консолидировать достаточные ресурсы и обеспечить эффективное функционирование созданных объектов и структур. Говоря об инвестиционных вложениях в такие экстремальные с точки зрения коммерческих критериев эффективности регионы, как Дальний Восток, следует иметь в виду, что значительная часть инвестиционных проектов может осуществляться исключительно или преимущественно в форме ГЧП.

Вместе с тем результатом реализации этих проектов должно быть встраивание экономики и социальной системы региона в мировую экономику, основной характеристикой которой уже сейчас, а ещё более в перспективе, является переход ко Второму этапу глобализации, отличающемуся неформальной потребительской глобализацией и партнёрским форматом мировых хозяйственных связей [5].

Анализ исследований и публикаций

Отмеченные выше инвестиции в региональное развитие должны базироваться на технологических заделах, которые образуются проектами и программами полного инновационного цикла, в частности, предусмотренные в национальном проекте «Наука» (2018 г.), интегрированном с проектом «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017 г.). Одной из организационных форм, обеспечивающих стимулирование кооперации стратегий развития и формирующих их проектов, являются научно-образовательные центры в форме региональных/межрегиональных консорциумов научных центров, университетов и предприятий реального сектора экономики на основе внебюджетного и бюджетного софинансирования.

¹ Системы прогнозирования, планирования и проектирования (в случае выполнения всех трёх функций – системы проектирования будущего) системного моделирования [2; 12; 21].

² Термин «государственно-частное партнёрство» употребляется в статье в наиболее широком смысле и означает любые контрактные или юридические отношения между государственными и частными структурами с целью улучшения и/или расширения инфраструктурных услуг, исключая контракты по государственному заказу (государственные закупки). Обоснование термина «государство» используется для определённого уровня общественной власти, отвечающего за процессы реформирования, национального, регионального, муниципального уровня управления. Публичный сектор (the public sector) включает центральные, региональные органы исполнительной власти, органы местного самоуправления и уполномоченные ими «публичные» организации и учреждения [5; 8].

Научно-технические проекты и программы полного цикла, от исследований до создания конкретных продуктов и технологий, обеспечивают формирование технологических цепочек (технологии переработки и транспортировки газа, технологии распределенной энергетики и новых способов хранения энергии, отечественные платформы для роботизированной хирургии, создания лекарственных препаратов на основе новейших генетических подходов) и формируют проекты полного цикла¹.

Переход к неформальной глобализации («глобализации снизу»), которая связана с активностью граждан и изменением экономического поведения, особенности поведенческих моделей, отражающих представления об однородности/неоднородности экономической среды, комплементарности/некомплемментарности целей государства и частного сектора, рассматриваются в [5; 13; 29].

Вопросы специфики участия в глобализационных процессах России и Дальнего Востока рассматривают исследования А.Д. Некипелова, М.И. Воейкова, А.А. Дынкина. Особое место при этом отводится исследованиям территориально-производственной структуры (ТПС) промышленности,² специфики организационной и территориально-организационной структуры промышленности России³ [3; 11; 14; 18; 24; 29; 30].

Вертикальное и горизонтальное регулирование процессов выращивания региональных инновационных систем выделено на основании следующей гипотезы: современная эволюция экономической системы проявляется как получение сотрудничеством приоритета по отношению к двум другим типам транзакционных издержек координации – конкуренции и власти. Сравнительная оценка экономических политик, направленных на формирование синтеза вертикального и горизонтального регулирования процессов выращивания региональных инновационных систем, позволяет определить ГЧП как сложную, иерархически организованную, саморазвивающуюся совокупность взаимосвязанных элементов (промышленных объектов) глобальной ТПС промышленности. Глобальные стоимостные цепочки (Global Value Chains, GVCs), определяющие экономический рост на основе инновационного развития Дальнего Востока, сосредоточены в основном в оборонно-промышленном комплексе (базовом потенциале инновационного развития), а также в сырьевых отраслях. Научно-технические проекты и программы полного цикла, от исследований до конкретных продуктов и технологий, обеспечивают не только рост ВВП, но и создание условий для перманентной модернизации, что является условием устойчивости роста. Однако это становится возможным только при условии адекватной институциональной поддержки, создающей эффективную среду для генерации крупных эффективных проектов. В условиях слабо развитой институциональной среды рынок сам по себе не справляется с задачей генерации крупных эффективных проектов. Связано это прежде всего с высокой неопределённостью, порождаемой как сильной вариативностью рыночной обстановки – колебаниями цен и валютных курсов, условий кредитования, нестабильностью спроса, так и непредсказуемым поведением государства и партнёров.

¹ <http://kremlin.ru/events/president/news/59203>

² Территориально-производственная структура промышленности – это размещение производственно-технологических элементов и subsystem системы «промышленность», их сочетания, связи и взаимодействия в пределах объектов пространственной структуры этой системы – страны в целом, регионов, агломераций и центров. Пространственные структуры внешних систем представляют собой сетку административно-территориального деления, общеэкономического районирования либо иного членения территории.

³ Во-первых, неопределённость принятия решений о размещении либо отсутствует, либо резко ослаблена при социализме благодаря централизованному народнохозяйственному планированию, что противопоставлено высокому уровню территориальной концентрации промышленности при капитализме. Во-вторых, промышленность при социализме принадлежит и управляется обществом, и совершенствование территориально-производственной структуры не является самоцелью, а выступает средством решения более общих, главным образом социальных задач.

Основные требования к проектному подходу, вытекающие из общих принципов системных исследований, сформулированы, в частности, в рамках советской школы системных исследований¹. Одним из них является идентификация инвестиционного объекта как частного в большой системе (например, промышленный объект на определённой территории в рамках общей совокупности взаимодействующих промышленных объектов). При этом государство является одним из участников процесса становления и обеспечения функционирования свободного и конкурентного рыночного порядка, совместно с иными агентами экономики, устанавливающими хозяйственный порядок (ордолиберальная концепция Фрайбургской школы). Это является принципиальным пунктом – кооперация при установлении хозяйственного порядка. В отличие от этого Австрийская, Лондонская и Чикагская школы постулируют лидирующую роль государства в институциональном строительстве. Системные эффекты и поведенческие модели в пространственном аспекте обосновывает аналитическое обобщение возникновения и изменения порядков формирования институциональных условий в части стимулирования развития высокотехнологичных производств в регионе, концептуального подхода к интерпретации социально-экономической истории человечества, неоинституциональной теории Д. Норта и др.². Тип государственного и правового устройства порядка социальной организации общества (государства как единого агента, государства как коалиции элитных групп) внутринационального размещения производства формализует доступ к экономической деятельности.

В противовес проектному подходу в литературе рассматривается платформенный подход. Предпочтение эффективности сетевого цифрового взаимодействия производства обосновано виртуальным характером производственных активов. Это отличается от традиционного производства, предполагающего ввод ресурсов «на входе» и получение готовой продукции «на выходе». Платформенные компании генерируют стоимость за счёт создания эффекта сети, соединяющей между собой клиентов, производителей и поставщиков, а также упрощения взаимодействия в рамках модели с множеством граней. Виртуальный характер производственных активов повышает ценность человеческого капитала, когнитивных навыков высшего порядка (комплексного решения проблем), социально-поведенческих навыков, способности к адаптации. Такая модель «максимального масштаба при минимальной массе» генерирует эффект сети асимметричности конкуренции как предпочтение быстрого роста, увеличения дохода во времени [30]. Асимметричность конкуренции выделяет предпочтение общественной пользы – ценность человеческого капитала конкретных территорий³.

Асимметричная конкуренция как замещение конкурентной стратегии стратегией сотрудничества проявляется в форме ГЧП. Выделяется позитивное (не направленное против третьих лиц) и негативное сотрудничество. В целом, как отмечалось выше, в процессе экономического развития соотносятся три основных типа координации: конкуренция, власть и сотрудничество. В процессе эволюции сфера действия механизмов насилия, встроенных в институты конкуренции и власти, сокращается за счёт расширения сферы и значимости институтов сотрудничества. Преимущество транзакционных издержек сотрудничества, а не конкуренции и власти как механизма координации выделено в целом ряде работ [6; 20; 24; 25; 27; 28; 29], что, собственно, и обосновывает ГЧП как часть системы «цифровая планета».

¹ См., например, работы В.Н. Садовского, И.В. Блауберга, Э.Г. Юдина.

² Социальный порядок – это модель общественной организации, структурирующая взаимодействие в социуме. Подход призван синтезировать экономические и политические науки с тем, чтобы показать, как политические системы управляют экономикой в целях поддержания политической стабильности, ограничения насилия и обеспечения социального порядка [26].

³ Сетевой цифровой процесс производства асимметричности конкуренции обосновывает угроза пяти «стен» (министерств и ведомств, законодательной системы, технологий, человеческих ресурсов, принятия обществом): «Общество 5.0» Японии, «Индустрия 4.0» Германии, «Индустриальный интернет-консорциум» США, национальный проект «Наука», интегрированный с проектом «Цифровая экономика Российской Федерации» России [1].

Координация деятельности с расположенными в пределах той же территории экономическими агентами в литературе обосновывает приоритет сотрудничества концепции общей, общественной ценности М. Портера и М. Крамера¹. Существует три способа достижения цели: переосмысление понятий продукции и рынков; новое понимание производительности в цепочке формирования стоимости/ценности; создание кластеров, поддерживающих отрасли на территории деловой активности компании. ГЧП территории экономических агентов обосновывает концепция связности (the concept of connectedness) и теория сложности [7; 8; 23]. Выделяется эффект нелинейной связности в соответствии с эффектом линейной связи «point-to-point» государственного регулирования. Эффект нелинейной связности включает упрощение процедур торговли, логистику, исполнение контрактов.

Таким образом, в условиях цифровизации происходит модификация пространства как системы экономических взаимодействий хозяйствующих субъектов. Модель «максимального масштаба при минимальной массе» генерирует эффект сети асимметричности конкуренции как предпочтение быстрого роста, увеличения дохода во времени, выделяет предпочтение общественной пользы конкретных территорий. Модель уменьшает роль и значение географического соседства, открывает экономические возможности для миллионов людей, живущих за пределами промышленно развитых стран и даже промышленных районов [30]. Центр связности учитывает специфику организационной и территориально-организационной структуры промышленности, асимметричную конкуренцию как элементы системного подхода в соответствии с теорией сложности, системным эффектом нелинейной связности «Shared Value» гармонизации национальных стратегий технологических рынков будущего. При этом государство участвует в процессе становления и функционирования свободного, конкурентного рыночного порядка, открывая значимость потребителей как равноправных «участников процесса» установления хозяйственного порядка экономического пространства.

Результат

ГЧП функционирует в условиях асимметричной конкуренции – замещения конкурентной стратегии на стратегию сотрудничества. В проектах полного инновационного цикла реализуется не только конкурентное преимущество долгосрочной сохранности от копирования конкурентами, но и стратегия сотрудничества, что предполагает смену физических взаимодействий (в общении, коммуникации на политическом и социальном уровне, торговле, медиа и развлечениях) цифровыми взаимодействиями экономического пространства в первом, наиболее общем приближении. Асимметричная конкуренция функционирует в форме: а) сетевого эффекта, б) распределённой мощности, в) сотрудничества. Доминирующей является модель на основе цифровой платформы, которая перестраивает формат индустрии в формат сетевого рынка. Формирование центра связности необходимо для обеспечения согласования бизнес-стратегий и экономической политики государства, совместная реализация которых осуществляется в рамках и при помощи проектного финансирования.

Региональная специфика технологического обмена в случае Дальнего Востока [5; 6; 7; 8] определяется автономностью, приоритетной ролью отраслевого комплекса оборонной промышленности (авиастроение, судостроение, судоремонт). Технологические обмены ГЧП формирует прежде всего резкое падение значения гражданского машиностроения в первые

¹ Систему отношений в трансформациях и трансакциях факторов производства отражает «общая ценность» («Shared Value»). Факторы являются специфическими компонентами «цифровой планеты», смены физических взаимодействий (в общении, коммуникации на политическом и социальном уровне, торговле, медиа и развлечениях) цифровыми взаимодействиями экономического пространства [6; 10; 20; 25; 27; 28].

десять лет конверсии (индекс объёма производства – 7%, индекс численности промышленно-производственного персонала – 33%). Экспорт гражданского машиностроения снизился с 13% до 3% в объёме реализованной продукции соответственно. Особенности глобализации, которые связаны с сервисным процессом предоставления услуг, ориентирует приоритет внутрирегиональных поставок (около 80%) структуры потребления ВРП (рис.). Высокий уровень специализации производства и жёсткие технологические связи были характерны для машиностроения советской экономики. Несмотря на трансформацию экономической системы, сложившаяся структура производственно-технологических связей поддерживается предприятиями в процессе значительной реаллокации ресурсов запуска рыночного механизма в экономике командного типа. Доля традиционных поставщиков сохраняется и даже увеличивается в поставках комплектующих и полуфабрикатов. Сложившаяся производственно-технологическая структура обладает огромной инерционностью.

Рис. География поставок продукции гражданского машиностроения Хабаровского края, %

Определённый потенциал ГЧП создают ТНК на основе производственных связей дореформенного периода. Отраслевой комплекс машиностроения формирует база существующих «старых» предприятий, в том числе ОПК. Организационную и территориально-организационную структуру промышленности Дальнего Востока России характеризует масштабное снижение количества предприятий. При сокращении количества предприятий в Российской Федерации на 8% выручка от реализации продукции увеличена в 3 раза. Переход к рыночному механизму в экономике Дальнего Востока вызывает сокращение количества предприятий на 47% при росте выручки в 1,3 раза (2003–2010 гг.).

Одной из организационных форм выделен центр реинжиниринга и инновационного развития машиностроения и секторов по выпуску сложной высокотехнологичной продукции в Хабаровском крае. Тем не менее обозначено снижение валовой добавленной стоимости обрабатывающей промышленности Хабаровского края в валовой добавленной стоимости региона (на 5 п.п. в 2014 г. к 2008 г.). Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) на Дальнем Востоке сосредоточены на изготовлении приспособлений и оснастки для внедряемых технологических инноваций, разработанных в центральной зоне РФ. Макро-

регион ориентирован на привлечение технологий и услуг технического характера при повышенной роли выплат по импорту технологий по сравнению с Россией. Резкое снижение влияния России в мировом процессе создания технологий сопровождается низким уровнем региона в национальной инновационной экономике. Значение России в международном процессе создания технологий определяет уровень 1,5% (1991–2010 гг.). Для сравнения: в 1894–1913 гг. – 2%, а в период централизованного народнохозяйственного планирования (1950–1980 гг.) – 11%. Технологические инновации машиностроения Дальнего Востока в промышленности Российской Федерации составляют менее 1% при затратах 6–8% соответственно от общероссийского уровня (2006–2016 гг.). При этом более 80% внутренних затрат на НИОКР осуществляется в европейской части России, где инновационный потенциал концентрируется в нескольких регионах (г. Москва, Республика Татарстан, Самарская, Московская, Нижегородская области, Пермский край и г. Санкт-Петербург). Концентрацию определяет научно-технологический и инновационный потенциал регионов как исторически закреплённая специализация в национальном разделении труда.

Развитие машиностроения в макрорегионе опирается на концепцию новой индустриализации, основополагающим элементом которой стало решение задач национальной безопасности, инвестиционных вложений в сектор ОПК, гражданского машиностроения. Мотивы инвестиционных вложений обеспечены методом ценообразования в условиях Дальнего Востока России. Специфика экстремальных природно-климатических условий макрорегиона заключается в тарифном регулировании рынка, прежде всего рынка естественных монополий, снижении нагрузки на предприятия, лоббировании интересов фирмы государством базирования. Субсидии касаются регулирования транспортных, энергетических затрат, а также затрат на заработную плату. Мотивы инвестиционных вложений (налоговые меры; льготы; информационная политика; административные ограничения инвесторов), базы формирования общей ценности выделяют несогласованность законодательства по инвестиционному сотрудничеству. Мешают ГЧП в гармонизации стратегий технологических рынков будущего, углублению сотрудничества следующие угрозы:

- 1) система коррупции и взяточничества;
- 2) трудно интерпретируемые часто изменяемые законодательные акты;
- 3) непрозрачная и сложная процедура экспортно-импортных операций;
- 4) сложная процедура по НДС и по возмещению импортной пошлины;
- 5) отличие от международного стандарта финансовой отчётности;
- 6) сложная процедура внесения страховки;
- 7) частые изменения системы бухгалтерского учёта;
- 8) частые изменения, неясность процедур, длительность времени выдачи виз, лицензий на работу представителей компаний;
- 9) растущие процентные ставки;
- 10) нестабильность курса обмена;
- 11) сложность системы расчёта в иностранных банках (в связи с санкциями);
- 12) политика правительства РФ в предоставлении льгот прежде всего отечественным предпринимателям (импортозамещение).

Центр технологической связности обосновывает событие или действие, место в системе взаимосвязей формата закономерности экономической системы – фирмы, потребители, инвесторы постоянно изменяют свои действия и стратегии в ответ на совместно создаваемый результат. Характер их возникновения вероятностный, они существуют какое-то время, а затем

исчезают; и они соотносятся со сложными структурами других областей. Решение вероятностного взаимодействия обосновывает концепция экономической методологии системного моделирования предметно-объектного подхода. Направления технологических обменов Дальнего Востока России в контексте результативности проектного подхода обоснованы в методологии системного формального моделирования. Технологические обмены Дальнего Востока России [7] в контексте результативности проектного подхода основываются на следующих основных направлениях.

Во-первых, в рамках инвестиционных проектов¹ меры государственной поддержки и деятельность в сфере проектов полного инновационного цикла обеспечены факторами нелинейной связности: упрощение процедур торговли, логистика, исполнение контрактов проектного подхода. Логистика Дальнего Востока России реализует фактор преимущества ориентации на трансграничные сегменты GVCs Азиатского региона, а не западной части России. Россия фактически формулирует требование согласования режимов взаимовыгодного единого институционального поля как инструмента масштабного и диверсифицированного сотрудничества. Сотрудничество формируют эксклюзивные точечные режимы ГЧП ТОСЭР, Свободного порта Владивосток формата Второй эпохи глобализации.

Во-вторых, Евро-Тихоокеанская парадигма построения единого рынка от Атлантики до Тихого океана² выделяет фактор развития непосредственного международного окружения (корейско-китайское соглашение о свободной торговле, корейско-китайско-японское соглашение о свободной торговле, Всестороннее региональное экономическое партнёрство (ВРЭП)), проекты транспортных и энергетических коридоров. Специфику обозначают исторические проблемы и территориальные споры, политика национализма, мотивация к многостороннему сотрудничеству ГЧП в гармонизации стратегий технологических рынков будущего, углублении сотрудничества.

В-третьих, сочетание хозяйственного порядка и механизма государственного регулирования экономики обосновывает госрегулирование в качестве эндогенного параметра хозяйственного механизма.

Правила и нормы поведения, формы и механизмы собственно экономического развития макрорегиона обеспечивает фактор доступа к коммунальным благам и общественным фондам, к транспортной инфраструктуре, способствующей мобильности граждан, участие фактора условий и механизма генерации доходов регионального бизнес-сообщества. Специфика наличия «узких мест» и диспропорций в функционировании сетевых бизнес-структур или социальных систем в гармонизации стратегий технологических рынков будущего обосновывает инвестиционный проект в такие экстремальные регионы, как Дальний Восток России.

Таким образом, региональная специфика Дальнего Востока обосновывает взаимодействия в гармонизации стратегий технологических рынков. Центр связности (цифровая платформа) ГЧП базируется на кооперации приобретения, хранения, преобразования и использования знания как сопряжении сложных процессов и неосязаемых ресурсов, направлений технологического обмена.

¹ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (2014 г.); федеральный закон «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (ТОСЭР) (2014 г.).

² Евразийский континент в широком плане характеризуется как регион, объединяющий Европу и Азию, включающий в себя Европейский союз, Китай, Россию, Индию. Евразия занимает 40% площади Земли, в ней проживает 70% населения мира и производится 60% ВВП мира. Однако в общепринятом понятии Евразия ограничивается пространством стран постсоветского пространства, включая Россию, Китай, Монголию [6].

Выводы и обсуждение

Центр связности ГЧП в формировании проектного финансирования обосновывают выводы теоретического анализа.

Теоретические направления, базирующиеся на предпосылках методологического индивидуализма и рационального поведения классической и маржиналистской (неоклассической) теории «ресурсный, платформенный подход асимметричной конкуренции (стратегий сотрудничества)».

«Общая ценность» («Shared Value») М. Портера и М. Крамера формализует значение потребителей как равноправных «участников процесса» взаимодействия экономических агентов на территории, отражает определение целей бизнеса.

Таким образом, центр связности ГЧП обосновывает приоритет сотрудничества как механизм координации по отношению к двум другим типам трансакционных издержек координации (конкуренции и власти) в процессе общественного развития. Технологические обмены Дальнего Востока России в контексте результативности проектного подхода обосновывает ситуационный анализ решения проблемы ГЧП в гармонизации национальных стратегий сотрудничества технологических рынков. Асимметричность конкуренции обоснована переходом ко Второму этапу глобализации, отличающемуся неформальной потребительской глобализацией и партнёрским форматом мирохозяйственных связей. Предполагается дальнейшее исследование в методологии системного формального моделирования «человек в цифровой экономике» в соответствии с метачелью общественного, экономического развития.

Список литературы

1. «Общество 5.0»: японские технологии для цифровой трансформации российской экономики. URL: <http://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformacii> (дата обращения: 18.09.2019).
2. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (дата обращения 08.08.2019).
3. Артоболевский С.С., Бакланов П.Я., Трейвиш А.И. Пространство и развитие РФ: полимасштабный анализ. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=ee211750-2696-4ccf-b573-21879dfddc52> (дата обращения: 02.09.2019).
4. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 7–30.
5. Гудкова Е.В. Государственно-частное партнерство в формировании конечного потребления Дальнего Востока России // Вопросы территориального развития. 2018. № 5. DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.5
6. Гудкова Е.В. Когнитивные технологии прогнозирования, планирования и проектирования центра связности Дальнего Востока России со странами Восточной Азии // Проблемы современной экономики. 2017. № 1. С. 125–130.
7. Гудкова Е.В. Формирование ареала когнитивного центра прогнозирования, планирования и проектирования крупного и сложного социального объекта: Дальний Восток России // Проблемы современной экономики. 2017. № 3. С. 131–137.
8. Гудкова Е.В. Формирование центра технологической связности как инструмента интеграции Дальнего Востока России в Восточной Азии // Ученые записки. Теоретические и прикладные аспекты исследований региональной экономики / под ред. О.М. Прокапало. Вып. 10. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2018. С. 51–64.

9. Гутник В.П. Теоретическое обоснование политики хозяйственного порядка и ее основные принципы. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16210039/> (дата обращения: 03.09.2019).
10. Иншаков О.В., Фролов Д.П. Экономическое пространство и пространственная экономика. Размышления над новым экономическим журналом // Экономическая наука современной России. 2005. №4(31). С.174-180
11. Каганский В. Невменяемое пространство. URL: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/nevmenyaemoe-prostranstvo> (дата обращения: 11.09.2019).
12. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования. Препринты ИПМ им. М.В.Келдыша. 2010. № 50. 28 с.
13. Лихачев М.О. Роль поведенческих моделей в онтологической структуре современной макроэкономики // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 98–110.
14. Минакир П.А. Пространство и регионы // Регионалистика. 2014. Т. 1. № 1. С. 6–7.
15. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли № 5. Цифровая экономика: Россия и мир. URL: http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2018/02/Monitoring_5_RFTA_APEC_OECD.pdf (дата обращения: 11.09.2019).
16. Садовский В.Н. Людвиг фон Бергаланфи и развитие системных исследований в XX веке // Системный подход в современной науке. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 7–36.
17. Теория хозяйственного порядка. «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм. М.: Экономика, 2002. 482 с.
18. Трейвиш А.И. Время и пространство российской модернизации: некоторые уроки истории и географии // Регионалистика. 2015. Т. 2. № 1. С. 23–41. DOI: 10.14530//reg.2015.1
19. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. 391 с.
20. Accenture Technology Vision 2016. URL: https://www.accenture.com/t20160823T222808_w_usen/_acnmedia/Accenture/Omobono/TechnologyVision/pdf/Platform-Economy-Technology-Vision-2016.pdf#zoom=50 (дата обращения: 29.09.2019).
21. Blaug M. Economic Methodology in One Easy Lesson // Blaug M. Economic History and the History of Economics. Brighton: Wheatsheaf Books, 1986. Pp. 265–279.
22. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. 60 Countries' Digital Competitiveness, Indexed. URL: <https://hbr.org/2017/07/60-countries-digital-competitiveness-indexed> (дата обращения: 22.09.2019)
23. Evaluation of Value Chain Connectedness in the APEC Region. URL: <http://publications.apec.org/-/media/APEC/Publications/2014/10/Evaluation-of-Value-Chain-Connectedness-in-the-APEC-Region/VC-Connectedness-Final-Report-October2014-CLEAN.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).
24. Jones G. International Business and Emerging Markets: A Long-Run Perspective. URL: https://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-020_0da6ca17-091e-4491-8ec1-974156463cb7.pdf (дата обращения: 11.09.2019).
25. Kramer M.R., Pfizer M. The Ecosystem of Shared Value. URL: <https://hbr.org/2016/10/the-ecosystem-of-shared-value> (дата обращения: 11.09.2019).
26. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
27. Porter M.E., Kramer M.R. Creating Shared Value. URL: <https://hbr.org/2011/01/the-big-idea-creating-shared-value> (дата обращения: 07.09.2019).
28. Porter M.E., Kramer M. R. Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility. URL: <https://hbr.org/2006/12/strategy-and-society-the-link-between-competitive-advantage-and-corporate-social-responsibility> (дата обращения: 07.09.2019).

29. Reinert S.A., Fredona R. Merchants and the Origins of Capitalism. URL: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-021_b3b67ba8-2fc9-4a9b-8955-670d5f491939.pdf (дата обращения: 07.09.2019).
30. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3

References

1. «Society 5.0»: Japanese Technology for the Digital Transformation of the Russian Economy. Available at: <http://www.forbes.ru/partnerskie-materialy/367837-obshchestvo-50-yaponskie-tehnologii-dlya-cifrovoy-transformaci> (accessed 18 September 2019). (In Russian)
2. Anokhin P.K. *Policy Questions of the General Theory of Functional Systems*. Available at: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (accessed 8 August 2019). (In Russian)
3. Artobolevskiy S.S., Baklanov P.Ya., Treyvish A.I. *Space and Development of Russian Federation: Multiscale Analysis*. Available at: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm> (accessed 2 September 2019). (In Russian)
4. Blauberger I.V., Sadovsky V.M., Yudin E.G. System Research and General Systems Theory. In: *System Research. Methodological Problems*. Moscow, 1969. Pp. 7–30. (In Russian)
5. Gudkova E.V. Public-Private Partnership in Shaping Final Consumption of the Russian Far East. *Voprosy territorial'nogo razvitiya* [Territorial Development Issues]. 2018. No. 5. DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.5 (In Russian)
6. Gudkova E.V. Cognitive Technologies of Forecasting, Planning and Designing of the Connection Center between Russia's Far East and East Asian Countries. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economy]. 2017. No. 1. Pp. 125–130. (In Russian)
7. Gudkova E.V. Formation of the Area of the Cognitive Center for Forecasting, Planning and Designing of Large-Scale Complex Social Object: Russia's Far East. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of Modern Economy]. 2017. No. 3. Pp. 131–137. (In Russian)
8. Gudkova E.V. The Formation of the Center of the Connectivities as a Tool for the Integration of the Russian Far East in East Asia. In: *Science Notes. Theoretical and Applied Aspects of Regional Economy Research. Issue 10*. Ed. by O.M. Prokapalo. Khabarovsk, 2018. Pp. 51–64. (In Russian)
9. Gutnik V.P. *The Theoretical Basis of the Policy of the Economic Order and its Basic Principles*. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/text/16210039/> (accessed 3 September 2019). (In Russian)
10. Inshakov O.V., Frolov D.P. Economic Space and Spatial Economics. Reflections on the New Economy Magazine. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 2005. No. 4. Pp. 174–180. (In Russian)
11. Kaganskiy V. *Irresponsible Space*. Available at: <http://www.strana-oz.ru/2002/6/nevmenyaemoe-prostranstvo> (accessed 11 September 2019). (In Russian)
12. *Cognitive Centers as Information Systems for Strategic Forecasting. KIAM Preprints No. 50*. 2010. 28 p. (In Russian)
13. Likhachev M. The Role of Behavioral Models in the Ontological Structure of Modern Macroeconomics. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues]. 2013. No. 7. Pp. 98–110. (In Russian)
14. Minakir P.A. Space and Regions. *Regionalistika* [Regionalistics]. 2014. Vol. 1. No. 1. Pp. 6–7. (In Russian)
15. *Monitoring Relevant of the Development in the Field of International Trade No. 5. Digital Economy: Russia and World*. Available at: http://apec-center.ru/wp-content/uploads/2018/02/Monitoring_5_RFTA_APEC_OECD.pdf (accessed 11 September 2019). (In Russian)
16. Sadovskiy V.N. Ludwig von Bertalanffy and Development of System Research in the 20th Century. In: *The Systemic Approach in Modern Science*. Moscow, 2004. Pp. 7–36. (In Russian)

17. *Theory of Economic Order. «Freiburg School» and German Neo-liberalism*. Ed. by V. Gutnik. Moscow, 2002. 482 p.
18. Treyvish A.I. Time and Space of Russia's Modernization: Some Lessons of History and Geography. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2015. Vol. 2. No. 1. Pp. 23–41. DOI: 10.14530/reg.2015.1 (In Russian)
19. Yudin E.G. *A Systematic Approach and Principle Activities: Methodological Problems of Modern Science*. Moscow, 1978. 391 p. (In Russian)
20. *Accenture Technology Vision 2016*. Available at: https://www.accenture.com/t20160823T222808__w__usen/_acnmedia/Accenture/Omobono/TechnologyVision/pdf/Platform-Economy-Technology-Vision-2016.pdf#zoom=50 (accessed 29 September 2019).
21. Blaug M. Economic Methodology in One Easy Lesson. In: *Blaug M. Economic History and the History of Economics*. Brighton: Wheatsheaf Books, 1986. Pp. 265–279.
22. Chakravorti B., Bhalla A., Chaturvedi R.S. *60 Countries' Digital Competitiveness, Indexed*. Available at: <https://hbr.org/2017/07/60-countries-digital-competitiveness-indexed> (accessed 22 September 2019).
23. *Evaluation of Value Chain Connectedness in the APEC Region*. Available at: <http://publications.apec.org/-/media/APEC/Publications/2014/10/Evaluation-of-Value-Chain-Connectedness-in-the-APEC-Region/VC-Connectedness-Final-Report-October2014-CLEAN.pdf> (accessed 11 September 2019).
24. Jones G. *International Business and Emerging Markets: A Long-Run Perspective*. Available at: https://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-020_0da6ca17-091e-4491-8ec1-974156463cb7.pdf (accessed 11 September 2019).
25. Kramer M.R., Pfitzer M. *The Ecosystem of Shared Value*. Available at: <https://hbr.org/2016/10/the-ecosystem-of-shared-value> (accessed 11 September 2019).
26. North D., Wallis J., Weingast B. *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 308 p.
27. Porter M.E., Kramer M.R. *Creating Shared Value*. Available at: <https://hbr.org/2011/01/the-big-idea-creating-shared-value> (accessed 7 September 2019).
28. Porter M.E., Kramer M.R. *Strategy and Society: The Link between Competitive Advantage and Corporate Social Responsibility*. Available at: <https://hbr.org/2006/12/strategy-and-society-the-link-between-competitive-advantage-and-corporate-social-responsibility> (accessed 7 September 2019).
29. Reinert S.A., Fredona R. *Merchants and the Origins of Capitalism*. Available at: http://www.hbs.edu/faculty/Publication%20Files/18-021_b3b67ba8-2fc9-4a9b-8955-670d5f491939.pdf (accessed 7 September 2019).
30. *World Development Report 2019: The Changing Nature of Work*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1328-3

■ ■ ■
Для цитирования:

Гудкова Е.В. Центр связности государственно-частного партнёрства в формировании проектного финансирования макрорегиона // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 106–118. DOI: 10.14530/reg.2019.5.106

For citing:

Gudkova E.V. Connectivity Centre of Public-Private Partnership in Shaping the Project Financing of Macroregion. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 106–118. (In Russian). DOI: 10.14530/reg.2019.5.106

КЛИЦЕНКО
Максим
Вадимович

Кандидат социологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой

Тихоокеанский государственный университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

KLITSENKO
Maksim
Vadimovich

PhD in sociology, interim head of the chair

Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

007756@pnu.edu.ru

© Клиценко М.В.,
Украинский В.Н., 2019

УДК 332.1 + 37.062

СТУДЕНТЫ-ЗАОЧНИКИ КАК ТУРИСТЫ

В статье такая значимая категория потребителей услуг отечественных учреждений высшего образования, как студенты-заочники, рассматривается под не самым обычным углом зрения – как агенты рынка туристических услуг. Отмечается, что формирование соответствующих «туристических» потоков может анализироваться в рамках такого сложного социально-экономического феномена, как конкуренция мест. Приводятся результаты тестирования исследовательского инструментария, позволяющего изучить отдельные характеристики потребительского поведения студентов-заочников.

Студенты-заочники, образовательный туризм, туристические услуги, конкуренция мест, потребительское поведение, экономические эффекты

CORRESPONDENCE STUDENTS AS TOURISTS

Correspondence students (a significant category of consumers of services of Russian institutions of higher education) are considered in the article from a not ordinary point of view: as the agents of the tourism services market. It is noted that the formation of the corresponding «tourist» flows can be analyzed in the framework of a complex socio-economic phenomenon – the competition of places. Testing results of research tools are presented, which allow studying particular characteristics of consumer behavior of correspondence students.

Correspondence students, educational tourism, touristic services, competition of places, consumer behavior, economic effects

УКРАИНСКИЙ
Вадим
Николаевич

Кандидат экономических наук, научный сотрудник
Института экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

UKRAINSKY
Vadim
Nikolaevich

PhD in economics, research fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

schtirl@pochtamt.ru

Введение

Как в своё время отметил П. Бурдьё, «структуры системы образования являются одними из самых важных с точки зрения воспроизводства» [5, с. 110]. Однако сформировавшиеся в той или иной стране образовательные системы могут быть интересны для изучения, как будет показано в настоящей работе, не только с точки зрения эффективной (или нет) реализации тех очевидных функций, которые они призваны выполнять. В частности, специфика предоставления услуг высшего образования в России в так называемой «заочной» форме позволяет рассматривать часть студентов-заочников в качестве вполне полноправных участников совсем другого отраслевого рынка – рынка туристических услуг. В данной статье мы и постараемся привести доводы в пользу нарушения «монополии» сферы образовательных услуг на изучение такого объекта, как студенты-заочники.

Специфика объекта исследования

Студенты-заочники – весьма многочисленная категория получателей услуг российских учреждений высшего образования, вполне сопоставимая с «армией» студентов-очников и в отдельные годы даже превышавшая последнюю (*табл.*).

Формирование многомиллионного студенческого контингента в России¹, с одной стороны, укладывается в тенденцию массовизации высшего образования в мире в целом², с другой – является плодом активной коммерциализации деятельности вузов и вхождения последних «в рынок», ставшими возможными благодаря дерегулированию образовательной сферы в 1990-х гг.

Несмотря на отмеченную массовость заочной формы обучения у нас в стране, студенты-заочники фактически не попадают в поле зрения исследователей сферы туристических услуг. Вместе с тем с позиции потоков студентов-заочников нельзя не отметить определённую их системность, обусловленную поездками студентов в ВУЗ дважды в год³. Причём в большинстве ВУЗов широкий временной диапазон проведения сессий (фактически охватывающий весь учебный год) связан с распределением потоков студентов

¹ Анализ количественных показателей развития отечественной образовательной отрасли позволил Е.В. Балацкому использовать в её отношении весьма красноречивый ярлык – «образовательный пузырь» [2].

² См., в частности, об этом в [1].

³ Другими словами, российские студенты-заочники обучаются фактически по очно-заочной схеме, что не позволяет их полностью приравнять к существующей за рубежом категории «correspondence students», то есть к «студентам по переписке».

по курсам и направлениям подготовки. В целом в рамках обучения предполагается минимум 6 поездок в ВУЗ для ускоренного заочного обучения (3 года) и 8 – для заочного обучения (4 года).

Таблица

Численность студентов в РФ, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры (на начало учебного года), тыс. человек

Формы обучения	2000/01	2005/06	2010/11	2016/17	2017/18	2018/19
Очная	2 625,1	3 508,0	3 073,7	2 403,0	2 380,5	2 369,8
Очно-заочная	302,2	371,2	304,7	124,2	135,0	155,6
Заочная *	1 814,1	3 185,4	3 671,3	1 872,3	1 730,4	1 636,3
Всего	4 741,4	7 064,6	7 049,8	4 399,5	4 245,9	4 161,7

Примечание: * – на начало 2010/11 учебного года и ранее – включая экстернат.

Источник: Образование в цифрах: 2019: краткий статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 52.

Частичное объяснение указанной исследовательской «миопии» можно обнаружить в самом неопределённом статусе образовательного туризма у нас в стране¹. Часто образовательный туризм рассматривается исключительно в международном ключе, в основном в качестве поездок школьников и студентов за рубеж (например, для изучения иностранного языка и т.д.). А то и просто фактически низводится до «познавательного» туризма².

Б. Ритчи описывает «образовательного» туриста (educational tourist) как человека, который как минимум на одну ночь покидает свой родной город или страну и для которого образование/обучение либо является основной причиной поездки, либо относится к вторичным причинам, но воспринимается как важный способ использования свободного времени [11, p. 18].

Использование такой дефиниции обобщающего характера³ без каких-либо особых сомнений позволяет отнести отечественных студентов-заочников к числу туристов⁴. Даже если ни они сами, ни ВУЗы, ни операторы туристического рынка не рассматривают их в качестве туристов. Как поясняет тот же Б. Ритчи, даже если речь идёт о людях, для которых приоритетным мотивом является получение образовательной услуги («education first» сегмент), то есть о людях, считающих себя в первую очередь обучающимися, студентами и т.п., а не туристами, среди прочего получающими те или иные образовательные услуги («tourism first» сегмент), «они могут воздействовать как туристы и влиять на региональное развитие» [11, pp. 11–12].

Конечно, когда речь идёт о студентах как целевой группе для мероприятий территориального маркетинга [8, с. 338], здесь в первую очередь подразумеваются студенты-очники, ведь именно они часто рассматриваются как будущие квалифицированные специалисты и (поэтому) «перспективные» жители того населённого пункта, в котором размещается их альма-

¹ Впрочем, отмеченный Н.А. Козловой «терминологический разнобой» (разнообразие трактовок понятий различными авторами, применение различных принципов главенствования в формулировке дефиниций, использование различных подходов к идентификации) [7, с. 290] встречается не только в отечественных публикациях, но и в работах зарубежных авторов.

² В качестве образцов работ двух типов укажем [9; 10].

³ В частности, приведённое определение согласуется с «Международными рекомендациями по статистике туризма», разработанными ООН (https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesM/SeriesM_83rev1r.pdf).

⁴ Впрочем, картину можно и усложнить: сопоставление заочников как «частных» туристов с деловыми туристами показывает, что по некоторым признакам [12, p. 9] первые фактически не отличаются от последних, зато не схожи с основной массой обычных туристов.

матер. Однако в свете приведённых выше цифр, характеризующих заочное обучение в России как весьма массовое явление¹, вполне закономерен, как представляется, интерес к тем экономическим (но не только) эффектам, которые могут создавать потоки студентов-заочников. Не меньший интерес вызывает и выявление возможных специфических черт в поведенческих моделях студентов-заочников. В свою очередь крайне любопытная картина может быть получена благодаря «наложению» указанных эффектов и моделей на карту.

К сожалению, авторы настоящей работы располагали лишь весьма неточной информацией², позволяющей отразить географическое (региональное) распределение студентов-заочников одного из ведущих дальневосточных ВУЗов – Тихоокеанского государственного университета (*рис.*). Но даже такая, нарисованная «широкими мазками» картина уже наводит на определённые мысли: о влиянии фактора расстояния, о потенциале разных регионов с точки зрения генерирования потока студентов и т.д. Изучение же распределения (пусть и не очень точного) студентов-заочников в разрезе территориальных единиц более низкого порядка – муниципальных районов и городов – навело на, казалось бы, тривиальную мысль: в конкуренции за студентов участвуют (помимо собственно ВУЗов) именно конкретные места/локации/населённые пункты, а не регионы (применительно к нашей стране – субъекты РФ). Поэтому использование аналитических процедур на региональном уровне (например, с целью очередного рейтингования регионов [4]) является, может быть, более удобным, но не самым адекватным способом получения представления о конкурентных процессах на рынке образовательных услуг. И тем более для изучения эффектов, обусловленных «туристическими» моделями поведения студентов-заочников³.

Важной характеристикой образовательного туризма с точки зрения изучения студентов-заочников является его коммерческая основа. Помимо оплаты самого обучения в системе затрат студентов также присутствуют квазитурристические затраты (на них мы остановимся ниже применительно к протестированному авторами исследовательскому инструментарию), а также затраты на деловые услуги. В частности, в системе затрат студентов-заочников имеют место расходы на приобретение специфических деловых услуг (оказываемых, впрочем, не только специализированными фирмами, но и частными лицами) – выполнение на заказ контрольных работ, написание курсовых работ, курсовых проектов, отчётов по прохождению всех видов практик, написание как выпускных квалификационных работ для бакалавров, так и магистерских диссертаций для магистрантов.

Этот «серый» рынок имеет свою специфику. Во-первых, стоимость выполнения работ зависит от специальности, на которой обучается студент (для естественно-научных специальностей стоимость выше, чем для гуманитарных и общественных наук). Во-вторых, стоимость зависит от срочности выполнения заказа. В-третьих, данный рынок имеет явно выраженный сезонный характер (сроки сессий, сроки написания глав выпускной квалификационной работы). В-четвёртых, зачастую здесь возникают трёхсторонние отношения между преподавателем ВУЗа, студентом и организацией, занимающейся написанием работы. Студент-заочник в таком

¹ Конечно, Россию не обошли стороной те тенденции последних лет, которые наблюдаются в мировом университетском образовании и которые несут в себе угрозу в том числе этой форме образования (здесь в первую очередь имеется в виду дистанционное образование) [3]. Однако ввиду инерционности образовательной системы в целом и действия различных «защитных механизмов» коренного перелома в этой области пока не наблюдается.

² В качестве ориентира использовалось место выдачи паспорта, которое позволило достаточно приблизительно маркировать «происхождение» студента-заочника.

³ Нужно, конечно, учитывать, что далеко не каждый студент-заочник выступает в ипостаси туриста. Например, в случае ТОГУ доля местных студентов-заочников (из Хабаровска) на конец 2018/2019 учебного года составляла примерно 30%.

случае становится своего рода посредником в общении между преподавателем и упомянутой организацией. Разумеется, для изучения данного «серого» рынка требуется определённый инструментарий, чтобы понять, как он функционирует с точки зрения социальных, экономических и правовых отношений. Однако изначально можно предположить, что студенты-заочники внесли существенный вклад в становление и развитие этого рынка, «параллельного» рынку услуг учреждений высшего образования.

Рис. География «происхождения» студентов-заочников Тихоокеанского государственного университета

Результаты зондажного исследования

Безусловно, одним из наиболее ценных источников информации о рыночном поведении того или иного экономического агента является сам агент. В свою очередь, одним из наиболее часто используемых инструментов съема информации в этом случае выступают опросы, в частности – анкетирование. В настоящей работе мы продемонстрируем результаты зондажного исследования, проведенного весной 2019 г., целью которого была проверка анкеты с точки зрения информативности получаемых с её помощью данных.

Зондажное исследование студентов-заочников проходило на базе Тихоокеанского государственного университета, Дальневосточного государственного университета путей сообщения и Дальневосточного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Всего в анкетировании участвовало 39 человек (11 студентов ТОГУ, 9 студентов ДВГУПС и 19 студентов Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС). Распределение опрошенных по гендерному признаку было следующим: 56% – мужчины, 44% – женщины.

При ответе на вопрос о причинах выбора города и ВУЗа 28% респондентов указало на стоимость обучения при выборе города, 72% обращали внимание на стоимость обучения в конкретном ВУЗе. Для 52% респондентов важным фактором при выборе города явилась его близость к месту проживания (несмотря на небольшой размер выборки, в число респондентов попали жители Хабаровского, Приморского и Камчатского краёв, Магаданской, Сахалинской и Амурской области, Республика Саха (Якутия)).

Важно отметить, что для 83% респондентов важным показателем при выборе ВУЗа является благожелательное отношение к студентам-заочникам. Под благожелательным отношением понимается высокий уровень лояльности в отношениях административного управления университета, профессорско-преподавательского состава и студентов¹.

Относительно продолжительности пребывания на территории города Хабаровска 76% респондентов отметило, что они приехали более чем на 15 дней, и лишь 24% отметило, что останется на 8–14 дней (обратим внимание на то, что общая продолжительность сессии составляет 3 недели).

С точки зрения используемого для поездки в Хабаровск транспорта впереди оказался железнодорожный транспорт (им воспользовалось 37% опрошенных), второе место получил личный автомобиль (34%), менее значимым оказался авиатранспорт (22%). Реже всего опрошенные студенты использовали междугородний автобус (7%). Расходы на транспорт для 31% респондентов составили величину, не превышающую 5 000 рублей в обе стороны, 45% отметило, что на транспорт приходится от 5 000 до 10 000 рублей, 24% потратило на транспорт более 10 000 рублей. Неудивительно то, что среди респондентов, для которых расходы на транспорт превысили 10 000 рублей, пользовались авиатранспортом и приехали

¹ Включив соответствующий вариант в анкету, тем самым мы постарались учесть проблему снижения академических стандартов. Последняя встречается не только в нашем отечестве, с ней столкнулись многие учебные заведения, которые приняли участие в конкурентной борьбе за студента, развернувшейся в рамках уже отмеченной общемировой тенденции массовизации высшего образования (см., например, [6]). Вместе с тем влияние указанной «благожелательности» на выбор места обучения представляется весьма весомым, особенно когда этот фактор комбинируется с другими критериями потребительского выбора. Один из участников двух фокус-групп (которые были организованы с целью получения более детальных потребительских «портретов») прокомментировал свой выбор Хабаровска и соответствующего ВУЗа в качестве места обучения следующим образом: «Дешевле, здесь обучение 46 [тыс. рублей] в год, а у меня во Владивостоке на эту же специальность 150 [тыс. рублей]. Там вообще такой наглый народ. Я понимаю, у нас какой-нибудь предмет не сдал, потом его можно сдать. А там: ну не сдал и без разницы, заплатил ли ты деньги. Иди отсюда».

из более отдалённых от места обучения регионов – Магаданской и Сахалинской области, Камчатского края.

Интересен выбор средств размещения среди приезжих студентов. 57% респондентов останавливалось у друзей/родственников/знакомых, однако при этом больше половины этих респондентов отметило, что имеют расходы на проживание в пределах 8 000 рублей. 22% респондентов по приезду прибегало к аренде жилья, 16% останавливались в общежитиях ВУЗа, 5% пользовалось услугами гостиниц города. Из 39 опрошенных никто не пользовался услугами хостелов. Относительно расходов 39% опрошенных отметило, что общая сумма затрат на проживание составляет более 15 000 рублей, 24% отметило, что тратят от 10 000 до 15 000 рублей, 16% не несли затраты на проживание, по 8% заняли две группы респондентов – у которых сумма расходов не превышает 5 000 рублей и у которых она находится в пределах 5 000–8 000 рублей. Для 5% опрошенных эта сумма составила от 8000 до 10000 рублей.

Отвечая на вопрос о питании, 46% респондентов отметило, что они готовят самостоятельно, 28% – питаются в столовых/кафе на территории ВУЗов и студенческого городка, 26% – питаются в кафе и ресторанах города. При этом в 42% случаях общая сумма расходов на питание составила более 10 000 рублей, 26% респондентов отметило, что на питание уходит от 3 000 до 5000 рублей, 21% студентов тратят от 5 000 до 10 000 рублей, 11% не выходят за пределы 3 000 рублей.

Относительно деловых расходов (услуги копирования, печати, покупка канцелярских товаров и др.) 46% респондентов отметило, что расходы на деловые услуги не превышают 1 000 рублей. Для 20% деловые расходы находились в диапазоне от 1 000 до 3 000 рублей, для 23% респондентов – от 3000 до 5000 рублей, и только для 10% – более 5 000 рублей.

Довольно ровно распределились ответы среди студентов относительно расходов на культурно-развлекательные мероприятия: 30% опрошенных тратят на эти цели до 3 000 рублей, 35% – от 3 000 до 5 000 рублей, 16%, приезжая в Хабаровска, тратят на развлечения от 5 000 до 10 000 рублей, 11% – от 10 000 до 15 000 рублей, 8% имеют возможность тратить более 15 000 рублей.

Таким образом, зондажное анкетирование позволило маркировать экономическую составляющую образовательного туризма посредством оценки (пусть и приблизительной) вклада студентов-заочников в экономику места обучения. При этом можно разграничивать туристические и квазитуристические затраты, что позволяет оценить «доходность» каждой статьи расходов. Разумеется, для более детального и комплексного анализа необходимо расширять эмпирическую базу исследования. Отдельного изучения заслуживает «серый» рынок образовательных услуг, о котором говорилось ранее.

Как было упомянуто, помимо анкетирования было проведено две фокус-группы со студентами заочной формы отделения Тихоокеанского государственного университета, в рамках которых преследовалась основная задача – определить причины поступления в конкретный университет, на конкретную специальность. В каждой фокус-группе участвовало по 10 человек.

Следует отметить, что в рамках фокус-групп участвовали студенты как из Хабаровска, так и из других регионов Дальнего Востока. Иногородние студенты отмечали, что выбор города был обусловлен географической близостью к месту постоянного проживания. В частности, 40% иногородних студентов из фокус-групп проживало на территории Хабаровского края, поэтому основной выбор ими делался между ВУЗами Комсомольска-на-Амуре и Хабаровска. Для подавляющего большинства иногородних студентов-заочников важным фактором при выборе города как места обучения являлось наличие в нём родственников. Менее значимо было наличие друзей и знакомых.

Выбор конкретного университета был обусловлен рядом факторов:

- наличие в университете (в данном случае – в ТОГУ) возможности обучаться дистанционно;
- наличие конкретной специальности;
- наличие бюджетных мест на заочной форме обучения;
- стоимость по специальностям заочной формы обучения.

Причины выбора специальности имели значительно более широкий разброс ответов: практически у каждого участника фокус-группы были свои причины поступления на определённую специальность (в указанных фокус-групп приняла участие студенты заочной формы обучения направления подготовки бакалавриата «Туризм»). Например, среди ответов оказались следующие варианты:

- перевод с более сложной специальности: некоторые участники фокус-групп изначально учились на других специальностях и в других ВУЗах, однако в силу сложности осваиваемой профессии были вынуждены сменить направление подготовки;
- выбор профессии осуществлялся исходя из возможности учиться за счёт государственного бюджета;
- выбор специальности носил случайный характер, при этом студент на момент поступления не владел информацией о профессии;
- выбор был обусловлен характером работы: некоторым участникам фокус-группы специальность была хорошо известна, так как они продолжительное время работали в этой сфере, и на определённом этапе у них появилась необходимость получить диплом по профильной специальности;
- изменились жизненные приоритеты: как отмечали участники фокус-групп, спустя одну-две сессии появляется понимание того, какие специальности интереснее, чем не устраивает нынешнее образование и т.д.

Заключение

Современное образование в РФ по своему характеру является массовым. Для того чтобы предоставить свои услуги большому числу студентов, ВУЗы жертвуют качеством, что выражается в лояльном отношении ко многим элементам образования: время, потраченное на каждого студента, требования к оформлению работ, самостоятельность при выполнении работ, форма сдачи зачётов и экзаменов (в тестовой форме или по билетам) и многое другое. Однако массовость современного высшего образования имеет и положительные эффекты. В частности, проявляющиеся в области внутреннего туризма. Потоки студентов внутри федеральных округов, субъектов РФ и районов могут способствовать развитию экономики мест, в которых расположены высшие учебные заведения. При этом положительные экономические результаты могут наблюдаться не только у ВУЗов (в виде оплаты за обучение), но и на тех рынках, которые не имеют прямого отношения к образованию. В частности, рынке общественного питания, рынке средств размещения, рынке развлечений и многих других. В связи с этим важно проводить комплексный анализ рынка образовательных услуг, определять структуру этого рынка, выяснять масштабы распространения и влияния. При этом среди основных задач необходимо отметить анализ количественных и качественных показателей студентов, прибывающих в другой регион (другое место) с целью получения образования, структуризацию затрат и т.д.

Список литературы

1. Альтбах Ф.Дж. Глобальные перспективы высшего образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 548 с.
2. Балацкий Е.В. Как из высшего образования в России раздули пузырь // Проблемы управления в социальных системах. 2014. Т. 7. № 11. С. 56–83.
3. Балацкий Е.В. Новые тренды в развитии университетского сектора // Мир России. 2015. Т. 24. № 4. С. 72–98.
4. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Российская модель сопряжения академической результативности и образовательного потенциала регионов // Известия Уральского государственного экономического университета. 2017. № 5. С. 109–127.
5. Бурдьё П. Стратегии воспроизводства и способы господства // Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 97–120.
6. Гайгер Р.Л. Знания и деньги. Исследовательские университеты и парадокс рынка. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 408 с.
7. Козлова Н.А. Проблемы применения терминологии в индустрии международного образовательного туризма // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2008. № 4. С. 289–294.
8. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2005. 382 с.
9. Соломин В.П., Погодина В.Л. Современное состояние и перспективы развития образовательного туризма в России // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 30. С. 96–112.
10. Тагунова И.А. Учебный туризм как атрибут мирового образовательного пространства // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. № 4. С. 99–106.
11. Ritchie B.W. Managing Educational Tourism. Clevedon, UK: Channel View Publications, 2003. 301 p.
12. Swarbrooke J., Horner S. Business Travel and Tourism. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2001. 370 p.

References

1. Altbach P.G. *Global Perspectives on Higher Education*. Moscow, 2018. 548 p. (In Russian)
2. Balatsky E.V. How a Bubble Was Made of Higher Education in Russia. *Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh* [Problems of Governance]. 2014. Vol. 7. No. 11. Pp. 56–83. (In Russian)
3. Balatsky E.V. *New Trends in the Development of the University Sector. Mir Rossii* [Universe of Russia]. 2015. Vol. 24. No. 4. Pp. 72–98. (In Russian)
4. Balatskiy Ye. V., Yekimova N.A. Russian Model of Pairing Academic Performance and Educational Potential of Regions. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics]. 2017. No. 5. Pp. 109–127. (In Russian)
5. Bourdieu P. Strategies of Reproduction and Modes of Domination. In: *Bourdieu P. Sociology of Social Space*. Moscow, 2007. Pp. 97–120. (In Russian)
6. Geiger R.L. *Knowledge and Money: Research Universities and the Paradox of the Marketplace*. Moscow, 2018. 408 p. (In Russian)
7. Kozlova N.A. Problems of Application of Terminology in the Industry of the International Educational Tourism. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics]. 2008. No. 4. Pp. 289–294. (In Russian)
8. Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. *Marketing Places Europe: How to Attract Investments, Industries,*

Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe. S.-Petersburg, 2005. 382 p. (In Russian)

9. Solomin V.P., Pogodina V.L. The Current State and Prospects for Development of Educational Tourism in Russia. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. 2007. No. 30. Pp. 96–112. (In Russian)

10. Tagunova I.A. Training Tourism as a Leading Attribute of the World Educational Space. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya* [Herald of the University of Russian Academy of Education]. 2006. No. 4. Pp. 99–106. (In Russian)

11. Ritchie B.W. *Managing Educational Tourism*. Clevedon, UK: Channel View Publications, 2003. 301 p.

12. Swarbrooke J., Horner S. *Business Travel and Tourism*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2001. 370 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Клиценко М.В., Украинский В.Н. Студенты-заочники как туристы // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 5. С. 119–128. DOI: [10.14530/reg.2019.5.119](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.119)

For citing:

Klitsenko M.V., Ukrainsky V.N. Correspondence Students as Tourists. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2019. Vol. 6. No. 5. Pp. 119–128. (In Russian). DOI: [10.14530/reg.2019.5.119](https://doi.org/10.14530/reg.2019.5.119)

Regionalistica **[Regionalistics]**

2019 Vol. 6 No. 5

Electronic scientific journal

regionalistica.org

ISSN 2313-0881

The journal's periodicity:

6 times a year

Founder:

Federal State Budgetary
Scientific Institution
The Economic Research Institute,
Far-Eastern Branch of
the Russian Academy of Sciences
(Khabarovsk)

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass
Media. Registration certificate
Эл № ФЦ77-57151 of March 11,
2014.

The authors are fully responsible
for the compilation and presentation
of information contained in their
papers. Authors' views may not
reflect the Editors' point of view.
Not part of the Journal materials
can be reprinted without permission
from the Editors.

Contacts:

Economic Research
Institute FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042
Phone: +7 (4212) 225-404
E-mail: regionalistica@ecrin.ru

Design: V.N. Ukrainsky
Making-up: V.V. Chervontseva

*Petrus Plancius's map (1594) is used
in design of a cover*

© The Economic Research Institute, Far-Eastern Branch of the Russian
Academy of Sciences, 2019

The Editorial Staff

Interim Editor-in-Chief: *O.M. Prokapalo,*
Doctor of Economics

Tsuneo Akaha, Professor (Monterey, USA)
S.D. Valentey, Doctor of Economics (Moscow, Russia)
Vincent F. Gallucci, Professor (Seattle, USA)
K.V. Grigorichev, Doctor of Sociology (Irkutsk, Russia)
A.N. Demyanenko, Doctor of Geography (Khabarovsk, Russia)
S.G. Kirdina-Chandler, Doctor of Sociology (Moscow, Russia)
E.O. Leontyeva, Doctor of Sociology (Khabarovsk, Russia)
A.V. Moshkov, Doctor of Geography (Vladivostok, Russia)
S.N. Naiden, Doctor of Economics (Khabarovsk, Russia)
L.A. Samokhina (Khabarovsk, Russia)
V.N. Ukrainsky, Ph.D. in economics (Managing Editor,
Khabarovsk, Russia)
M.Yu. Urnov, Doctor of Political Science (Moscow, Russia)
Yu.D. Shmidt, Doctor of Economics (Vladivostok, Russia)

The Editorial Board

Chairman: *P.A. Minakir,*
Academician RAS

L.E. Blyakher, Doctor of Philosophy (Khabarovsk, Russia)
N.V. Galtseva, Doctor of Economics (Magadan, Russia)
V.A. Kryukov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
S.V. Kuznetsov, Doctor of Economics (Saint-Petersburg, Russia)
Yu.G. Lavrikova, Doctor of Economics (Yekaterinburg, Russia)
V.N. Lazhentsev, Corresponding Member RAS (Syktyvkar,
Russia)
S.V. Sevastianov, Doctor of Political Science (Vladivostok, Russia)
V.I. Suslov, Corresponding Member RAS (Novosibirsk, Russia)
A.I. Treyvish, Doctor of Geography (Moscow, Russia)
A.N. Shvetsov, Doctor of Economics (Moscow, Russia)